Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 АПРЕЛЯ 7—8

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«П Р А В Д А»

—8

...т ее

...тче-

Главлит № 59239. Москва. Тираж 43.200 экз.

Типография изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский м., Серебрянич. наб., д. 23а.

№

н...

как

О внутри-партийной демократии и единстве партии.

Чтобы быть на высоте своих исторических задач, партия революционного пролетариата должна быть соответствующим образом организована. Организационные формы партии, таким образом, обусловлены общей ролью партии в пролетарской революции.

Большевистские организационные принципы—идейная монолитность партии, созданной на основе одного марксистски-ленинского течения, строжайший централизм и железная дисциплина, демократический характер ее централизма, строгость и четкость организационных граней между партией и внешней социальной средой и т. п.—в конечном счете обусловлены ролью нашей партии в революции точно так же, как организационная расхлябанность меньшевистской партии, расхлябанность, в которой неоднократно признавались в печати сами же меньшевики (вплоть до самого Мартова), обусловлена ролью меньшевистской партии. Большевики строили партию, чтобы она под своим руководством проводила пролетарскую революцию. Меньшевики добровольно отрекались от выполнения боевых революционных задач и ограничивали себя ролью оппозиции при буржуазии. Отсюда—единая, централизованная партия большевиков и лоскутная, расхлябанная партия меньшевиков.

Коммунистическая партия ведет за собой рабочий класс, возглавляя в нашей стране его диктатуру. Поскольку же рабочий класс руководит крестьянством и ведет его за собой, постольку партия должна обеспечить своим руководством и осуществление гегемонии пролетариата по отношению к крестьянству, что для эпохи строительства социализма в первую очередь означает работу над переделкой мелко-собственнической природы крестьянства. Задачи партии в отношении эксплоататорских классов определяются необходимостью уничтожить всякую эксплоатацию. Мы стерли с лица земли помещичий класс, свергли власть буржуазии и отняли у нее командные хозяйственные высоты. Теперь наша задача—вытеснить остатки капитализма прежде всего хозяйственно, а в строительстве социализма в максимальной степени использовать все ценное из культуры, оста-

вленной нам в наследие буржуазным обществом, преодолевая ее специфически-эксплоататорские черты.

Сетка классовых отношений в стране и основные тактические задачи партии в текущий период неизменно должны быть перед нашими глазами, когда мы говорим об организационных внутри-партийных вопросах. Отрывание организационных вопросов от политических, непонимание тесной связи, существующей между теми и другими, и не только вообще связи, а конкретного характера этой связи в данное время, чревато крупнейшими организационными и политическими ошибками. При этом из тесной связи между организационными и политическими задачами партии вытекает тесная связь между политическими и организационными ошибками. Одни очень легко перерастают в другие, одни обусловливаются или вызываются другими. О связи организационного оппортунизма с тактическим мы все достаточно хорошо знаем из истории раскола РСДРП на меньшевиков и большевиков.

Каковы же характерные черты современного периода в жизни нашей страны и партии, которые вносят своеобразие и особенности в постановку организационных внутри-партийных вопросов у нас сейчас, с точки зрения правильного применения к современной обстановке большевистских организационных принципов?

Главная черта современного периода, его основная особенность с точки зрения развития нашего Советского Союза, состоит в том, что это есть период строительства социализма. Центр тяжести в нашей работе переносится на хозяйственные и культурные задачи, но и политические задачи и трудности отнюдь не уничтожаются, а принимают новую форму, приобретают специфический характер.

«Я готов сказать,—писал В. И. Ленин в статье «О кооперации»,—что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству».

Если это так, то не ослабляется ли роль партии в нынешний период?.. Когда центр тяжести, с точки зрения внутренних отношений в стране, перешел в область культурничества, то не теряет ли добрую долю своего значения руководство со стороны политической партии пролетариата?

Вот вопрос, на который мы с порога должны дать твердый отрицательный ответ. Мысль о возможности ослабления партийного влияния, о меньшем значении единого партийного руководства революцией в нынешнюю полосу

нашего развития должна быть решительно отвергнута, как прокладывающая дорожку меньшевистским настроениям.

Значение партии не только не ослабляется, а в известных отношениях даже усиливается по мере того, как мы ближе и практически подходим к построению фундамента социалистического общества,—его экономики. Об этом нам, прежде всего, говорят факты, говорит самоочевидный опыт последних лет. Именно в последние годы, когда мы начали вести наше экономическое наступление, роль, авторитет и политическое влияние в стране нашей партии не только не обнаружили хотя бы малейших симптомов падения, но явным образом возросли. Масса рабочих и трудящихся крестьян начинает все более доверять нашей партии уже не только в вопросах политической власти и ведения гражданской войны, но и в вопросах руководства хозяйственной и культурной жизнью страны.

С какой же точки зрения может итти речь о возможности в дальнейшем ослабить роль и влияние нашей партии?

С двух точек зрения. Во-первых, так можно ставить вопрос, если исходить из предпосылок, что наше культурное и хозяйственное строительство ведет к победе капиталистических элементов над социалистическими, к умалению роли социалистических элементов. Так ставят вопрос меньшевики, эсеры, кадеты, выдвигая требование ликвидации «монопольного положения» нашей партии вместе с требованием легализации их собственных партий.

Во-вторых, говорить об ослаблении значения нашей партии можно было бы в том случае, если позабыть о противоречиях, в которых протекает рост социализма в нашей стране, когда рядом с социализмом растет (хотя до сих пор и в меньшей степени, но все же) капитализм, если бы стать на ту, пока еще не существующую, точку зрения, о которой говорила недавняя оппозиция,—что будто бы у нас уже «кругом социализм».

И совершенно ясно, что раз у нас «кругом социализма» еще нет, то такие товарищи, которые преуменьшали бы роль партии вследствие недооценки значения противоречий нашего роста, фактически лили бы воду только на мельницу чуждых нам партий, ищущих социальной опоры в растущих буржуазных элементах нашей страны. Это неизбежно случилось бы с такими «левыми» товарищами, потому что «кругом социализм»—это сплошная фантазия, а существование и рост капиталистических элементов на ряду с ростом социализма есть реальный факт.

Ни о каком ослаблении роли партии не может итти речь. Но может и должна итти речь о новых методах и формах проведения партийного влияния на массу с целью углубления и усиления этого влияния. Наиболее наглядный пример изменения методов руководства массой дает нам лозунг «оживления

советов» и лозунг оживления пролетарской общественности вообще. Всем известно, какие надежды меньшевистская и эсеровская публика связывала и связывает с проведением нами этого лозунга. Они ждут, что оживление советов ослабит нашу партию. Мы же полагаем, что оно усиливает нашу партию, направляющую рост активности рабоче-крестьянских масс, протекающий на основе экономического под'ема страны, в советское русло, т.-е. в русло партийного руководства.

У нас в ряде областей,—и в хозяйственной, и в политической, и в культурной,—все еще не окончательно изжиты пережитки и отрыжки военно-коммунистического периода. Изжить эти отрыжки, перейти к работе по методам, вполне соответствующим эпохе строительства социализма, это значит не ослабить, а укрепить руководящую роль партии в деле социалистического строительства. Кто думал бы иначе, тот показал бы, что он до сих пор рассматривает нашу обстановку через военно-коммунистические очки.

Перед партией только сейчас, по мере хозяйственного под'ема страны, во всю ширь становится вопрос о привлечении рабочих и трудовых крестьянских масс к делу строительства социализма. Построить социализм руками одних коммунистов—«ребячья затея»,—говорил Ленин. Дело построения социализма—дело творчества масс, которое должно протекать под руководством нашей партии. Повседневная работа строительства социализма, по необходимости, необычайно децентрализована разбита по неисчислимым ведомствам, организациям, производствам. Она ведется везде в условиях, когда медленным, упорным нажимом приходится преодолевать «тихую сапу» со стороны стихийно растущего капитализма. Нет ничего вреднее, в таких условиях, идей о бюрократически-централистической утопии построения социалистического общества и его экономики по военной «команде», по циркулярным распоряжениям сверху—и только. Для успехов социализма нужен непрестанный рост общественной энергии и творческой инициативы со стороны самой широкой трудящейся пролетарской и крестьянской массы, со стороны низов. Если мы не сможем такого роста активности масс вызвать и обеспечить, сохраняя и укрепляя в то же время свое руководство,—нам социализма не построить.

Между тем, рост активности масс, с одной стороны, усложнение хозяйственных и культурных задач, с другой,—пред'являют повышенные требования к самой партии, к партийному руководству строительством социализма и жизнью всей страны. Руководство партии должно быть в наибольшей степени компетентным и авторитетным как в вопросах хозяйства, так и во всех других, удовлетворяя растущим запросам со стороны рабочих и крестьянских масс. Каждый сельский или городской коммунист должен показать себя способным руководить делом социалистического строительства, брать делом, а не криком, завоевывать политический и деловой авторитет в массе, проводя при этом единую, правильную партийную линию в своей повседневной работе, не головотяпствуя, а руководя массой действительно в коммунистическом духе и направлении, умея одолевать и преодолевать различные буржуазные влияния на массу.

Каковы же, в таких условиях, особые внутриорганизационные задачи партии, специфические для данного момента?

Во-первых, это дальнейшее и еще более решительное проведение внутрипартийной демократии. Без этого не может быть обеспечен рост партийных кадров в теоретическом и практическом отношении. Мы должны в партии обеспечить наилучшие условия для роста новых активных сил из партийной массы, прежде всего из рабочей части партии.

Вопрос о демократии в партии ставился у нас уже неоднократно за годы нэпа. Его поставил X с'езд партии в начале 1921 года. В конце 1923 года партия вернулась к этому вопросу и должна была признать, что пережитки военного коммунизма в организационном вопросе,—некоторое закостенение и бюрократизация партийного аппарата,—нами за первые два года нэпа еще не были окончательно изжиты. Уже тогда, в 1923 году, ясно наметившийся процесс хозяйственного возрождения страны давал основания полагать, что рост активности партийной массы и повышение ее теоретического и практического уровня пойдут вперед значительно более быстрыми шагами, чем в первые годы нэпа.

Партия не ошиблась, давая в 1923 году лозунг укрепления начал внутри-партийной демократии. С тех пор прошло больше двух лет, и мы можем констатировать значительный не только количественный, но и качественный рост партийных рядов. Частью, этот рост происходил в форме внутрипартийных дискуссий. Несмотря на ряд вредных последствий этих дискуссий, в итоге каждой из них партийная масса выносила основные идеи Ленина, все более и более твердо усваивая и переваривая их.

Последний период—с 1923 по 1926 г.—несомненно, создал более благоприятные условия для осуществления внутрипартийной демократии, поскольку это был период бурного хозяйственного роста и роста политической активности рабочих масс, отражавшейся и на росте активности партийной массы. Правда, за этот период в среду рабочих влились новые слои из деревни, но до сих пор партия умела обеспечивать классовое пролетарское руководство этими слоями. С другой стороны, вбирая новые

пласты рабочего класса в таких условиях в свои ряды, партия может обеспечивать их большевизацию сейчас лишь при условии проведения внутрипартийной демократии.

Не все наши парторганизации ясно сознают роль и значение внутрипартийной демократии в настоящий период. Это сказалось особенно на примере ленинградской организации. До XIV партс'езда в этой одной из лучших пролетарских организаций партии, где, казалось бы, имеются наилучшие условия для проведения внутрипартийной демократии по сравнению с другими (например, крестьянскими по составу) организациями, руководители ее не провели даже последовательной выборности секретарей ячеек, проводя систему назначенства сверху так называемых «оторгов» («ответственных организаторов»). Эта организационная ошибка, несомненно, увязывается с политическими ошибками, которые допустили бывшие руководители ленинградской организации. Неправильное понимание полосы нашего развития, полосы строительства социализма, сказалось в данном случае в том, что товарищи медленнее изживали приемы и методы военного коммунизма и в организационном вопросе.

Итак, первое организационное условие, при котором партия справится с задачами строительства социализма, это—проведение внутрипартийной демократии.

Второе,—отнюдь, однако, не по важности второе, по важности—первое условие,—это партийное единство.

Если мы не идем на удочку либеральных и мелко-буржуазных болтунов о политической демократии в стране, о «ликвидации монопольного положения» нашей правящей партии, если мы не опиваемся розовой водичкой об отсутствии трудностей на пути нашего развития, когда рост социализма происходит на ряду с известным ростом капитализма и в условиях империалистического окружения,—тогда мы должны высоко держать и не спускать ни на один вершок знамя единого партийного руководства нашей революцией.

Одна партия руководит и обеспечивает правильную ленинскую линию диктатуры пролетариата в вопросах социалистического строительства. Без единого руководства в том сложном переплете экономических и политических сил, который мы имеем сейчас, советский корабль не может находить правильного пути движения к социализму, он сделается игрушкой в руках чуждых пролетариату социальных сил.

Но что такое единое партийное руководство? Оно предполагает единую партию. О едином партийном руководстве всерьез можно говорить только в том случае, если все партийные организации и все партийные фракции в беспартийных организациях неуклонно проводят единую линию. Из этого ясно, что единое партийное руководство было бы на деле пустым

звуком, если бы внутри партии существовали и боролись друг с другом различные фракции или, как их зовут помягче «группировки».

Скажем, разве мы могли бы руководить хозяйством, если бы у нас «ведомственные» трения, которые часто случаются, пошли по линии фракционной борьбы? Что было бы, если у нас в хозяйственных органах укрепилась бы одна фракция, а в профсоюзных—другая? Или в военных организациях одна, в рабочих—другая, в крестьянских местных организациях — третья и т. д.?

Это означало бы расщепление диктатуры пролетариата и вело бы к провалу нашей революции.

Все это—популярные истины, которые были разжеваны еще в дискуссии 1923 года. Они остаются верными и сейчас.

Следует ясно видеть, в каких условиях находится наша партия, пользующаяся монопольно-легальным положением в стране и правящая государством, диктатурой пролетариата. Процессы, которые внутри нее происходят ни в каком случае невозможно отрывать от социальных процессов, происходящих во всей стране. Всякий уклон от пролетарской линии, а тем более создание фракций в нашей партии, об'ективно смыкается с интересами и настроениями чуждых пролетариату групп. Поэтому, это есть не только дорожка к расколу партии, это есть дорожка к не пролетарской, а мелко-буржуазной политической демократии в стране. Ибо от борьбы фракций в партии всего один шаг, а в особо острые исторические моменты даже полшага, до борьбы партий в стране. Борьба фракций может перерасти сама,—а если дело до этого не дойдет, то все же может вызвать борьбу партий в стране, потому что фракционная борьба в партии ослабляет влияние партии на пролетариат, ослабляет влияние пролетариата, в свою очередь, на крестьянство и тем усиливает политический вес совершенно чуждых нам политических групп.

Нам нужна последовательная внутрипартийная демократия, но без свободы фракций и группировок, потому что нам нужен здоровый партийный рост новых и новых активных сил с низов наших организаций, потому что нам нужно укрепление руководящей роли партии, укрепление единого партийного руководства пролетариатом, который в союзе с трудящимися крестьянскими массами строит социализм в международном империалистическом окружении.

А. Тальгеймер.

Новое экономическое обоснование социал-реформизма.

I.

До войны теоретическое (в том числе и экономическое) обоснование социал-реформизма было дано Эд. Бернштейном в его «Предпосылках социализма» (1898 г.). Ясно, что после мировой войны и вызванных ею революционных потрясений простого повторения бернштейновских мыслей уже недостаточно. Рабочий класс, к которому обращается социал-демократия, требует ответов на грандиозные вопросы, выдвинутые войной и послевоенной эпохой. После того, как Советская Россия пошла своим путем к социализму, те, кто считает этот путь вообще неправильным или же пригодным только для России, обязаны об'яснить рабочему классу, как они представляют себе путь к социализму. И этот свой путь они должны обосновать экономически.

Такую задачу и поставил себе К. Реннер в своей книге «Хозяйство, как целостный процесс, и социализация в популярно-научном изложении по системе Карла Маркса» (Берлин, 1924 г.). Как мы увидим, излагаемое Реннером экономическое обоснование реформистского пути к социализму по существу вполне совпадает со старым обоснованием Бернштейна. Но метод у них различный. Бернштейн ставил под вопрос или оспаривал некоторые существенные стороны марксистской экономии, заменяя их идеями, заимствованными из вульгарной политической экономии и теории предельной полезности. Он отрицал значение закона стоимости, как фундамента всей политической экономии, и утверждал, что для обоснования социализма не важно, будем ли мы опираться на теорию стоимости Маркса или Бэм-Баверка. Бернштейн оспаривал, далее, закон концентрации капиталов. Число капиталистов, утверждал он, возрастает, а не убывает. Акционерные общества служат специфическим средством для увеличения числа собственников-капиталистов; совместно с развитием кредита они притупляют кризисы, а то и вовсе предупреждают их. Капиталистическое общество развивается не в направлении растущей анархии, а наоборот: порядок и плановость в нем постепенно возрастают. Обнищание рабочего класса в действительности не имеет места и т. д. Таким образом, Бернштейн открыто выступает как критик марксовой политической экономии. Это было для него тем легче, что он пытался заменить экономико-материалистическое обоснование социализма этико-идеалистическим.

Совершенно другой метод у Карла Реннера. Он выдает себя за ортодоксального марксиста, за непритязательного ученика великого учителя. Его задача только в том, чтобы популяризировать незыблемые выводы марксовой теории и применить их к вопросу о социализации. С высоты марксизма он гордо и презрительно взирает на буржуазную политическую экономию.

Метод Реннера гораздо основательнее, но и гораздо утонченнее в своей бесчестности, чем старый метод Бернштейна. Реннер не излагает сначала в простой популярной форме мысли Маркса с тем, чтобы сделать потом свои социал-реформистские выводы. Он искажает все экономическое учение Маркса в целом, излагая при этом отдельные его части весьма удачно. Это ново. До сих пор марксистская экономия либо целиком принималась, либо целиком отвергалась. Реннеру удается сочетать то и другое. Он переделывает ее в своих целях и в то же время почтительно склоняется перед ней. В сравнении с Реннером Бернштейн, Каутский и т. д. кажутся неловкими простаками.

Поскольку книга содержит в себе превосходную местами популяризацию II тома «Капитала», ее безусловно стоило бы перевести на русский язык. Многим читателям она облегчит изучение II тома. Они должны только помнить, что лучи марксовой теории, пройдя через линзу Реннера, не только собираются, но и отклоняются в сторону. В дальнейшем мы и постараемся это доказать.

II.

Тезис, защите которого в сущности посвящена вся книга Реннера, заключается в том, что процесс капиталистического производства в целом определяется обращением, что обращение в силу присущего ему закона развития автоматически вызывает в различных пунктах переход от капиталистических к социалистическим формам хозяйства и что, следовательно, ниспровержение капиталистического строя должно произойти не со стороны производства, как до сих пор принимали все марксисты, а со стороны обращения, при чем получается то преимущество, что во время этого переворота производство остается ненарушенным. Мы сейчас изложим и разберем доказательства, которые Реннер приводит в защиту этого своего тезиса. Но сначала заметим, что сам тезис отнюдь не нов, а представляет собою возврат к взглядам, уже опровергнутым марксовой экономией и всем научным социализмом. Мнение, что капиталистический процесс в целом определяется в первую голову явлениями обращения, и составляет, как хорошо известно, сущность вульгарной политической экономии; оно является, следовательно, регрессом не только по отношению к марксистской, но и по отношению к классической экономии. Углубленный и подлинно-научный анализ капитализма начинается именно с того момента, когда производство постигается, как исходный пункт и руководящее начало анализа. В этом постижении можно, пожалуй, усмотреть существенный принципиальный шаг вперед, сделанный физиократами против меркантилистов. Не блещет также новизной мысль Реннера, что обращение является тем рычагом, при помощи которого капиталистический хозяйственный строй может быть переведен в социалистический. Наоборот, эта идея принадлежит к самому залежалому хламу утопического, мелко-буржуаз-

ного социализма, и первое слово Маркса, **как социалиста**, заключалось как раз в том, что он критически уничтожил прудоновские утопические представления этого рода (рабочий меновой банк, трудовые боны и т. д.) и показал Прудону, что эти идеи уже были подробно развиты в Англии и потерпели там крушение. «Святое семейство» и «Нищета философии» наносят первый критический удар такого рода социализму. «Капитал» же всем своим положительным содержанием окончательно его хоронит, так что здесь Маркс мог довольствоваться несколькими общими замечаниями по адресу прудоновских и им подобных представлений.

Ново у Реннера только одно: возвращение к Прудону и т. д. «**на основе**» **Маркса**, т.-е. воспроизведение прудоновского, утопически-мелко-буржуазного социализма в **расширенной тональности**, на более высокой технической ступени.

Как же он этого достигает?

Посредством трех передержек. Во-первых, он отрывает область обращения и его законов от области производства. Во-вторых, отвлекается от специфически капиталистического, двустороннего, противоречивого характера всех форм и процессов капиталистической концентрации и ассоциации, т.-е. перерезывает диалектический нерв марксова анализа. В-третьих, подменяет экономические понятия юридическими, впадая таким образом в юридический фетишизм. Повсюду, где Реннер пытается самостоятельно продолжать экономический анализ Маркса, он покидает экономическую сферу и переходит в сферу правовых форм, правового выражения экономических фактов и законов. А это сводится в области **теории** к замене материалистического анализа идеалистическим, а в области **практики** к признанию буржуазного государства творцом капиталистической экономии и в то же время орудием перехода к социализму. Таким образом, вместо **марксова** метода перед нами метод **Менгера**. И если Реннер в предисловии к своей книге говорит: «Духом и методом первой половины прошлого века проникнут «Капитал» (имеется в виду метод классической немецкой философии),—то мы на это отвечаем: Маркс исходил, критически и революционно преобразуя ее, из буржуазной науки об обществе в ее наивысших формах. Реннер же мыслит некритично и нереволюционно, в формах упадочных буржуазных наук об обществе, выродившихся в чистую апологию. И нам кажется, поэтому, что «дух и метод» Марксова «Капитала» с революционной точки зрения все же «современнее», чем дух и метод Реннера, который преспокойно соединяет современнейших Бэм-Баверка и Менгера с Марксом.

Для эклектического метода Реннера весьма характерны те немногие замечания, в которых он мимоходом касается теории стоимости. Как теория предельной полезности, так и теория издержек производства запечатлены, по его мнению, характером «односторонности». Ибо товар является «продуктом» в сфере производства и благом в сфере потребления, товаром же он является только в сфере обращения. Не следует ли после этого сказать: теория предельной полезности справедлива в сфере потребления, ибо эта теория занимается исключительно «благами»; сфера производства, имеющая дело с «продуктами», есть, пожалуй, нейтральная область; а вместе с обращением начинается господство теории издержек производства, потому что появляется «товар»? (Мы не говорим уже о том, что недопустимо называть марксову теорию стоимости просто теорией издержек производства. У вульгарной политической экономии есть своя «теория издержек производства», отличающаяся однако от марксовой, как белое от черного).

Одно из двух. Либо закон стоимости определяет весь капиталистический процесс в целом (производство, распределение, обращение, потребление) как со стороны количественных отношений, так и со стороны форм каждой из этих сфер,—и тогда теория предельной полезности, оперирующая только с суб'ективными оценками, неправильна и бесполезна. Либо теория предельной полезности справедлива, хотя бы только для капиталистического потребления,—и тогда, в виду систематической всесторонней связи всех сфер хозяйства, она справедлива для них всех, а трудовая теория стоимости не годится ни для одной. Потребление рабочего класса, например, есть вместе с тем производство и воспроизводство рабочей силы. Результатом потребления является в данном случае рабочая сила, которая в виде товара поступает на рынок. Где тут начинается и где кончается теория предельной полезности? И что потребляет рабочий—«блага» или «товары»? Пока он производит только «блага», т.-е. предметы, изготовленные для собственных нужд, как, напр., работающий на фабрике мелкий крестьянин, до тех пор он еще только одной ногой стоит в капиталистическом обществе. И разве в производстве исчезает **экономическое, общественное** различие между индейцем, который строгает себе стрелы, и рабочим, который работает на пушечном заводе Круппа? Какой безнадежно-путанный эклектицизм проявляется в этом коротеньком замечании! И то же самое проглядывает сквозь все дыры «марксова» плаща, в который облачился Реннер.

Возьмем другое замечание Реннера. «Этот процесс (экономический),—говорит он (стр. 65),—должен быть непрерывным и бесконечным, ибо он должен непрерывно и бесконечно поддерживать жизнь человечества и, следовательно, должен воспроизводить сам себя». Поскольку это заключение **отрицает** возможность и действительность **перерывов**, оно ошибочно. Оно справедливо только **в целом**, только для **средних величин**, как непрерывное распределение материи во вселенной может быть принято в качестве статистической средней, что, однако, отнюдь не исключает отдельных перерывов. Так и кинетическая теория газов исходит из равномерного в среднем распределения молекул, хотя мы отлично знаем, что фактически материя распределена в газах весьма неравномерно. Что касается в частности капиталистического хозяйственного строя, то его своеобразие в том именно и состоит, что непрерывность развития поддерживается при нем только постоянной игрой сил, нарушающих непрерывность (постоянные колебания цен, периодические кризисы и т. д.). Игнорировать это противоречие значит отнять у капиталистического хозяйства его движущий момент—как в том смысле, что капиталистическое хозяйство является формой движения этих противоречий, что с ними связан самый факт **его существования**, так, наоборот, и в том, что его исторический конец; его замена другой общественной формой активно обусловлена именно отрицательными сторонами проникающего его противоречия. Ясно само собой, к чему приводит умерщвление этой диалектики.

В результате получается «бесконечность» не экономического процесса вообще, а его исторически определенной капиталистической формы. И мы приходим к следующему выводу, который наверное вполне удовлетворит капиталистов.

«Многие социалисты думают, что единственная проблема социализма заключается в борьбе против прибавочной стоимости, в том, чтобы ее урезать и по новому распределить. Они забывают, что первейшей предпосылкой социалистической экономики является сохранение и воспроизводство основного фонда ценностей. Коммунисты охотно срубили бы дерево, чтобы правильно распределить урожай его плодов» (стр. 91).

Бесконечность процесса образования «прибавочной стоимости», т.-е. процесса капиталистической эксплоатации, здесь очень просто получается в результате того, что общественный прибавочный труд, этот всеобщий закон экономического, а стало быть и культурного прогресса, обязательный для всякого исторического периода, подменивается прибавочной стоимостью, т.-е. специфической формой общественного прибавочного труда в классовом обществе, основанном на эксплоатации.

«В процессе производства,—читаем мы дальше,—прибавочная стоимость только создается, но не реализуется; реализуется всякая прибавочная стоимость в процессе обращения» (стр. 124). Положение это само по себе вполне правильно, но оно вызывает ложное представление, будто обращение есть важнейший, определяющий фактор в процессе образования прибавочной стоимости; автор «забывает» прибавить, что первичным условием обращения является производство и что лишь вторично формы обращения воздействуют со своей стороны на формы производства. Так, напр., прибавочный продукт самостоятельного крестьянского хозяина в результате обращения может стать прибавочной стоимостью, присвоенной себе третьим лицом (напр., продукт китайского крестьянина, вносящего свою долю в уплату процентов по какому-нибудь европейскому железнодорожному займу),—но такое превращение предполагает уже существование капиталистической прибавочной стоимости. Существование последней есть первичный факт.

Не лучше обстоит дело и со следующим утверждением Реннера: «Земельная рента есть явление обращения, а не явление производства и уж, конечно, не натуральный продукт» (стр. 158). Пусть-ка Реннер попробует получить земельную ренту без сельско-хозяйственного и промышленного производства и без образования прибавочной стоимости! Распределение же, которое предоставляет одному классу землю, другому орудия производства, а третьему только рабочую силу, само является фундаментальным моментом производства.

«Структура распределения всецело определяется структурой производства. Распределение есть само продукт производства, не только по своему предмету, поскольку распределяться могут лишь результаты производства, но и по своей форме, поскольку определенный вид участия в производстве определяет особенную форму распределения, ту форму, в какой принимаешь в нем участие. Чистейшая иллюзия (это как-будто специально написано для г-на Реннера. *А. Т.*) относить землю к производству, а земельную ренту к распределению... Наиболее плоскому пониманию распределение представляется распределением продуктов, являясь, таким образом, далеким от самого производства и как бы самостоятельным по отношению к нему. Но прежде, чем распределение становится распределением продуктов, оно является 1) распределением орудий производства и 2) (и это лишь дальнейшее развитие того же) распределением членов общества между различными видами производства (подведение индивидуумов под определенные производственные отношения). Распределение продуктов есть явным образом результат этого распределения, которое само входит в производственный процесс и определяет структуру производства. Рассмотрение производства отдельно от этого включенного в него распределения есть явным образом пустая абстракция, тогда как, наоборот, распределение продуктов уже дано вместе с распределением, первоначально составляющим момент производства» (Карл Маркс, «Zur Kritik der politischen Ökonomie», Einleitung, 3 изд., стр. XXXI—XXXII).

Приведем еще из того же «Введения» слова Маркса об отношении обращения к производству:

«Обмен,—читаем мы здесь,—представляется независимым от производства и индифферентным к нему только в последней стадии, когда продукт выменивается непосредственно для потребления. Но 1) не существует обмена без разделения труда, будь то разделение естественное, или само уже исторически возникшее; 2) частный обмен предполагает частное производство; 3) интенсивность обмена, а также его об'ем и вид определяются развитием и структурой производства—напр., обмен между городом и деревней, обмен в деревне, в городе и т. д. Обмен оказывается, таким образом, во всех своих моментах либо прямо включенным в производство, либо получающим от него свои определения... Производство возвышается как над самим собою, во взаимно-противоположных определениях производства, так и над другими моментами. С него процесс всякий раз начинается сызнова. Что обмен и потребление не могут быть первенствующими, ясно само собой. То же относится и к распределению, как распределению продуктов. А как распределение производителей, оно само есть момент производства».

На ряду с этим «плоским» отрывом обращения и распределения от производства мы находим у Реннера еще более плоский (если это возможно) юридический фетишизм. Так, он выводит земельную ренту из поземельной собственности, как «правовой монополии», забывая, что правовая монополия сама является производной от хозяйственной монополии. Он приходит, далее, к удивительному для марксиста положению: «(Земельная рента) есть особая часть прибавочной стоимости, отколовшаяся благодаря вступлению права в экономику, она есть право на владение прибавочной стоимостью» (стр. 162; разрядка наша. *А. Т.*). Как похоже это открытое Реннером «вступление права в экономику» на прудоновскую премудрость, над которой потешается Маркс.

«Происхождение поземельной собственности является, так сказать, внеэкономическим. Оно покоится на соображениях психологии и морали, имеющих лишь весьма отдаленное отношение к производству богатств» («Elend der Philosophie», 2 изд., стр. 141). Маркс называет это утверждение «иллюзией метафизики или юриспруденции». Вместо того, чтобы ограничивать эту юридическую метафизику областью земельной ренты, Реннер мог бы

с таким же успехом распространить ее на все части политической экономии. Разве нельзя точно так же сказать, что предпринимательская прибыль основана на «правовой монополии» фабриканта на фабрику, а заработная плата на «правовой монополии» рабочего по отношению к самому себе (на его юридической свободе)? Ведь раб, юридически несвободный, не получает заработной платы. Не предшествует ли весь капиталистический правопорядок в целом капиталистическому способу производства? Но нужно впасть в банальнейший юридический фетишизм, чтобы считать правовые формы творцами экономических форм, а не наоборот, их историческими продуктами. Плодом того же юридического фетишизма являются рассуждения Реннера о «вытеснении» денежного капиталиста «из области экономики», поскольку процент на капитал является «доходом без соответствующей функции («funktionsloser Ertrag»). Разве присвоение этого процента не есть *экономическая* функция? Тут явно смешаны две совсем различные вещи: экономика и непосредственное участие в производстве. И смешав их, Реннер перевертывает вверх ногами действительное положение вещей. Чем больше капиталист удаляется от *непосредственной* функции производства, тем могущественнее становится его экономическая роль; становясь более или менее ненужным для процесса производства, он тем сильнее овладевает хозяйством в целом.

На «юридической иллюзии» основана, далее, классификация форм капиталистического об'единения. У Реннера она имеет чисто юридически-описательный характер. Марксистским и единственно научным приемом была бы классификация по *экономическим* функциям. Только из них могут быть выведены и поняты юридические формы. Право ли акционерных обществ является творцом капиталистического об'единения этого типа или же наоборот? Только при поверхностном рассмотрении может показаться, что юридическая форма *творит* формы экономического об'единения.

В этой же связи Реннер делает важное открытие о *корпорации* (о публичных союзах, вроде государства, общин и т. д.). «В этом месте,—говорит он (стр. 189),—мы должны их обойти, потому что, как создания правового порядка, они не развиваются свободно по законам экономики. В этой своей правовой форме, по крайней мере, корпорации представляют уже переход к социальному хозяйству». Странно прежде всего, что человек, желающий популяризировать экономию Маркса, может дописаться до такой фразы по существу и по форме. Одна правовая форма может служить переходом только к другой правовой форме, но никак не к какой-нибудь хозяйственной форме. По существу общинное или государственное хозяйство, пока власть в общине или государстве принадлежит буржуазии, в такой же мере капиталистично и лишено социализма, как какой-нибудь металлургический трест или банк. Можно только сказать, что это те ступени, с которых легче всего перейти к социализму, ибо для этого нужен лишь переход политической власти в руки рабочего класса. Впрочем, при виде такого извращения простых фактов вспоминаешь, что венская коммунальная политика является той почвой, на которой главным образом орудует австрийская социал-демократия, и что самые заурядные мероприятия коммунального хозяйства она преподносит под кличкой «со-

циализма». Но не все, что полезно как средство агитации, является тем самым истиной политической экономии.

Так же несообразно и следующее утверждение Реннера: «Подлинные товарищества фактически являются уже переходными формами между корпорацией, коалицией и обществом, они суть также переходные формы от капиталистического к социалистическому хозяйству». Как-будто при переходе к социализму действительно серьезное препятствие представляют *юридические формы*, а не конкретные формы хозяйства и конкретное соотношение классовых сил в данной стране и в данное время! Советская государственная промышленность и торговля, напр., многие свои юридические формы получила в готовом виде. Едва ли нужно подробно доказывать, что при капиталистическом строе товарищества любого типа и любой юридической структуры, от мелко-крестьянского товарищества по сбыту или производству до рабочего потребительского кооператива, остаются вполне подчиненными законам капиталистической экономики. Только шарлатаны могут называть их переходными формами от капитализма к социализму в том смысле, будто они лишь отчасти имеют капиталистический характер, а отчасти уже социалистический. В действительности их можно назвать переходными формами только в том смысле, что они *облегчают* переход от одной хозяйственной формы к другой,—но отнюдь не в силу своей юридической природы, а в силу своего экономического содержания, каковым является общественное сотрудничество. Юридическая форма товарищества, подобно всякой другой юридической форме, может, как известно, вмещать самое различное и даже прямо противоположное социальное содержание. Юридическая форма товарищества восходит к классической древности и к первобытной истории германских, славянских и т. д. народов. Древне-германская марка, средневековое торговое товарищество, современный рабочий потребительский кооператив и т. д. могут быть подведены под одну и ту же юридическую форму, но их экономическое и социальное содержание совершенно различно. Или возьмем американский стальной трест и советский трест «Югосталь»: при одной и той же юридической форме диаметрально противоположное экономическое и социальное содержание—там чисто капиталистическое, здесь социалистическое об'единение. Общность юридической формы выражает только тот факт, что то и другое есть форма об'единения, общественного сотрудничества, но она стирает как раз его специфический социальный и экономический характер, она—та ночь, в которой все кошки серы, в которой первобытный коммунизм, феодализм, капитализм, социализм, словом, все общественные формы сливаются в неразличимое единство. Не удивительно, поэтому, что социал-демократические теоретики заинтересованы в превращении экономических форм в юридические.

Что касается об'единения капитала, то со времен Маркса оно без сомнения чрезвычайно возросло в смысле об'ема и богатства форм. Оно наложило свою печать на всю империалистическую эпоху. Но оно не является чем-то *абсолютно* новым. Его элементы были уже известны Марксу, который и дал их анализ. Рост об'единения капиталов вызвал к жизни целый ряд новых экономических явлений, но не изменил его общественную сущность.

Маркс говорит об об'единении капитала:

«Оно есть упразднение капитала, как частной собственности, в рамках самого капитализма... Но эта экспроприация (капиталистов капиталистами) является внутри самой капиталистической системы в антагонистической форме, как присвоение общественной собственности немногими; а кредит сообщает этим немногим все в большей степени характер чистых баловней судьбы» («Kapital», III, 1, 427).

В частности, форма акционерного общества, замечает Маркс в этой же связи, выявляет «только в новой форме» противоположность между характером богатства, как общественной, и его характером, как частной собственности.

Маркс устанавливает также двусторонний характер капиталистической кредитной системы, являющейся одним из сильнейших рычагов для об'единения капитала. Стоило только упустить из виду эту двойственность, забыть о специфически-капиталистическом моменте в присвоении общественного богатства комбинированным капиталистом,—и капиталистический кредит превращался в волшебное орудие социализма. Здесь достаточно напомнить о Сен-Симоне, Оуэне, Прудоне. Социалистические фантазии на тему о кредите были, разумеется, излюбленным коньком мелко-буржуазного, утопического социализма. Если отсутствие кредита ввергало мелкого буржуа в пропасть, превращало его в пролетария, то почему бы наличествующему кредиту не спасти его—если не как мелкого производителя, то как члена крупного социалистического об'единения производителей.

Характер нынешней социал-демократии, как мелко-буржуазной партии, теоретически выражается у Реннера в том, что он возобновляет все социалистические иллюзии, связанные с капиталистическим кредитом и об'единением капиталов, и при этом возобновляет их на марксистской основе. Об'единение капиталов, пишет он, есть «путь к вытеснению частных капиталистов своего рода об'единением общественных чиновников» (разрядка наша). Недурная метаморфоза Морган-Рокфеллера, Шваба и К°! Эти не совсем обычные «общественные чиновники» отличаются, однако, от обыкновенных «чиновников» тем, что не они служат обществу, а общество служит им, их корыстным интересам. Впрочем, в стране доллара нынче вошло в моду у апологетов капитализма прикрывать методы капиталистической эксплоатации названием «общественные услуги» (social service). Но и тут американцы не открыли ничего нового. Как стары «услуги», оказываемые категорией «услуг» апологетам капитализма,—об этом можно прочесть уже у Маркса («Капитал», I, 3 отдел 5 глава: «Zur Kritik der politischen Ökonomie», стр. 14).

Там, где он говорит о кредите, Реннеру мешает его уже известный нам юридический фетишизм. «Из анализа орудий кредита,—пишет он,—мы уже знаем, что без вмешательства права деньги не могут стать денежным капиталом, а денежный капитал—товаром» (стр. 255).

Весь кредитный механизм есть только «надстройка правового порядка над природно-экономическим фактом обращения». Ведь ясно, что товар существует в природе, а вексель, напр., создан искусством, юриспруденцией! Что уже при простой купле и продаже любого товара появляется на сцену «право», что правовая санкция не есть специфическая принадлежность орудий кредита,—об этом Реннер, повидимому, не подумал. Той же юридической иллюзии о самостоятельной и творческой роли правового порядка обязан, как известно, своим существованием вывертъ, именуемый «государственной теорией денег». В самом деле, и «деньги», которые всякий назовет, вероятно, естественно-экономическим явлением, уже связаны с «правом» и «государством», и последнее даже чеканит на денежной единице свое символическое изображение, превращая ее таким образом в монету. Юридическая иллюзия, считающая орудия кредита созданиями права, потому что они санкционируются правом, по существу ничем не отличается от той, которая превращает и деньги в создания права и государства.

Эта юридическая иллюзия повторяется у Реннера на всех ступенях. Так, он говорит о банке: «Государство и право, т.-е. воля организованного общества (! *А. Т.*) создают вещи и наделяют полномочиями лиц, которые осуществляют этот процесс» (стр. 280). Ниже мы увидим, как эта юридическая иллюзия относительно основ капиталистической экономии становится орудием, с помощью которого переход к социализму превращается в юридическую формальность. Если право есть творец капиталистической экономики в ее наиболее развитых формах, то почему бы не быть ему и творцом социалистической экономики?

Сюда же относится следующее замечание:

«Изумительное переплетение многих капиталистов, осуществляемое кредитом, создает как бы анонимное, чисто фактическое об'единение, общество без общественного договора, общество в силу многочисленных правовых отношений (? *А. Т.*), порождаемых кредитной связью, общность судеб (! *А. Т.*) всех капиталов, организованных вокруг контролирующей власти фиктивного капитала» (стр. 265).

Относительно фиктивного капитала, этого удвоения реально функционирующего промышленного капитала в форме акций и т. д., мы тоже находим у Реннера всякого рода фикции. «Колебания в области фиктивных ценностей,—говорит он,—не изменяют национального имущества» (стр. 256). Он забывает при этом, что фиктивный капитал имеет двойной лик. Начиная с известного пункта (который иногда может опускаться гораздо ниже половины всего акционерного капитала), владение акциями, т.-е. фиктивным капиталом дает власть над капиталом реальным. Изменения в области фиктивного капитала имеют весьма реальное экономическое и общественное значение.

С высоты своего марксистски подновленного мелко-буржуазного экономического утопизма Реннер взирает, конечно, с горделивым презрением на Оуэнов, Прудонов и т. д.

«Образование фиктивного капитала революционизирует, как мы видим, технику циркуляции платежей; она создает искусственные платежные средства в форме бумаг—изобретение, внушившее утопистам веру в то, что путем технических ухищрений, без всякого социального переворота, будет достигнуто полное уничтожение денег. Эта утопия вновь ожила в наше революционное время» (стр. 259).

III.

Провозгласив обращение основным, господствующим моментом всего хозяйственного процесса и превратив формы и орудия обращения из созданий экономики в создания права, созидающие экономику, Реннер открывает новый, безболезненный и беспрепятственный путь к социализму.

Как совершается это чудо?

Прежде всего исключим пути, которые не приводят к цели. С уничтожения товарного характера продуктов и денег начинать во всяком случае нельзя. Ибо «тенденция к самоупразднению товарного характера продуктов, а значит и денег, до сих пор не обнаружилась» (стр. 335). Устранение прибавочной стоимости тоже не может быть задачей социализации, ибо «мы нигде не видим еще того пункта, где мог бы вступить в действие подобный закон о социализации, не лишив тотчас же производство и обращение их единственного пока импульса,—разве только этот импульс был бы немедленно заменен другим, столь же всеобщим» (стр. 335). Значит, с производства начинать социализацию нельзя. Точкой приложения социализации может быть только обращение. Процесс обращения создает, еще при капиталистическом строе, мировую организацию (стр. 337). Он является «верховным законодателем и судьей капиталистического общества». «Он реализует стоимость и прибавочную стоимость, он распределяет их среди хозяйствующих суб'ектов, он есть последняя инстанция хозяйственных судеб» (стр. 358). Процесс обращения создает анонимную хозяйственную организацию. Поставьте на ее место государство или нечто ему подобное, что сознательно регулировало бы, исходя из обращения, производство и распределение,—и вы получите новое принципиальное решение вопроса. В банковском капитале весь капитал является непосредственно и осязаемо обобществленным (стр. 351). «Тайна юридической и экономической творческой силы обращения» в том, что она «стремится обманом вырвать будущее из рук непокорного прошлого». Обращение осуществляет то, в чем «нуждается общество»: оно «передает производительные силы в распоряжение тех, кто действительно может и хочет действовать» и концентрирует капитал в таких «количествах и формах, в каких это... соответствует современным производительным силам...» (там же). «Обращение откупается, хотя и дорогой ценой от института собственности. Оно отвергает этот институт, обходя его! В этом центральный пункт развития со времени марксова «Капитала!» (стр. 352, разрядка наша. *А. Т.*). Экспроприация экспроприаторов, капиталистов, становится излишней. В первую половину XIX века экспроприация мелких собственников орудий производства была массовым явлением. Требование экспроприации крупных капиталистов в пользу общества есть «просто-на-просто требование возмездия», т.-е. проявление сентиментальности. К тому же не все могут итти этим путем. Ибо «несмотря на всю концентрацию, число имущих не уменьшается, и вместо нескольких гигантов-капиталистов посреди бесчисленных пролетариев мы видим капиталистов всевозможных типов и достатков, расположенных в виде пирамиды, постепенно суживающейся кверху» (стр. 358). Экспроприация приводит либо к тому, что экспроприируется также мелкая и средняя собственность, либо к государственному капитализму (стр. 359). Не изменение размеров, а изменение функции собственности решает дело. Капитал (в форме банковского капитала) «становится анонимным, безличным, превращается в общественный институт. Правда, частный собственник, исчезая со сцены, сохраняет за собою право на некоторую часть прибавочной стоимости» (стр. 360). Это можно назвать «процессом социальной интеграции»: после предшествующей дифференциации капиталистические функции об'единяются банковским капиталом. «Идеальной целью» этого процесса является создание «универсального капитала в общественном масштабе»; как «продукт автоматического обращения, получается автоматическая социализация—все еще, однако, бессознательная, невольная, лишенная юридической санкции, не определяемая людьми, которые социализированы лишь пассивно, не образуя в правовом отношении активную общину,—получается половинчатая социализация» (стр. 264—5). Уже упразднение капиталистической конкуренции означает «замаскированную социализацию» (стр. 365). В ближайшем десятилетии предстоит (капиталистическая) «организация мирового рынка», «организация обращения всего капиталистического хозяйства, выходящая за пределы всех доселешних масштабов. Это обобществление обращения впервые создает все нужные предпосылки для мирового социализма» (стр. 369). Капитал ведет к социализму (стр. 370). Социализация может совершаться насильственно или без насилия. В последнем случае все дело в том, чтобы довести до конца организацию обращения. Это возможно без нарушения производства. Захваты фабрик и т. д. могут происходить в революционные времена, но это не путь к цели (стр. 370—1). «Генеральная экспроприация путем декрета, это—генеральная бессмыслица, потому что она приведет только к хаосу» (стр. 372). Вполне достаточно экспроприировать, с соблюдением необходимых переходных сроков, права на капиталистическую прибавочную стоимость, достаточно «экспроприации прав». «Прорвать и уничтожить в каком-нибудь пункте обращение, а тем более стремиться к устранению его важнейшего вспомогательного средства, денег, есть раз навсегда явное безумие» (стр. 372). Путь к социализации, отправляющийся от обращения, в конкретных чертах таков.

«Итак, поставим существующие картели и концерны под контролирующее руководство государства, а там, где концернов нет, создадим их государственными мерами. И пусть они сначала присваивают и об'единяют в своих руках прибавочную стоимость собственными методами, а затем передадим ее сразу государству, которое сделает из нее производительное употребление» (там же). «Не дать замереть хозяйству—таков категорический императив социализации» (стр. 379). Для действительно полной социализации необходимо овладение государственной властью. Но социализация может совершаться постепенно, от случая к случаю. Этой экономической стадии соответствует в политической сфере «политика меняющихся союзов» со стороны пролетариата,—другими словами, коалиционная политика (стр. 379). Это приво-

дит, разумеется, к изменению прежнего отношения к государству. Социализация в рамках отдельного государства возможна лишь постольку, «поскольку ее допускают формы и порядки обращения на мировом рынке».

Таковы взгляды Реннера. Мы можем быть кратки в критике этой прекраснодушной юридически-экономической конструкции безболезненного и беспрепятственного перехода к социализму со стороны обращения, т.-е., конкретно говоря, путем овладения банковским капиталом. Предположим, прежде всего, что им овладевает буржуазное государство. Тогда мы получим государственный капитализм, и «автоматический ход» обращения будет ввергать нас все глубже в этот государственный капитализм, но ни на волос не приблизит к социализму. Вместо единичного капиталиста будет эксплоатировать коллективный капиталист, именуемый государством. Мы получим наивысший рост общественного сотрудничества, какой только возможен при капиталистическом строе, но вместе с тем и наивысший рост эксплоатации; в производственно-организационном отношении—наибольшее приближение к социализму, в социальном—наиболее резкую противоположность к нему. Противоречия капиталистической системы были бы доведены до своего высшего предела. О постепенном переходе к социализму в этом случае не может быть, следовательно, и речи.

Предположим, во-вторых, что банковский капитал захватывается рабочим классом, который на первых порах оставляет в руках капиталистов промышленные тресты и т. д. Эта хитроумная гипотеза имеет только один недостаток: она представляет себе и капиталистов и рабочих более глупыми, чем то допускается полицейскими правилами. Она исходит из предположения, что только один человек, именно сам Реннер, понимает смысл происходящего. Что банковский (вернее—финансовый) капитал есть центральный рычаг капиталистического хозяйства, это сообразил не только хитроумный Реннер, это знают и капиталисты. Поэтому пролетариат не сможет овладеть им, пока не покончит с буржуазией. Далее: если к социализму нас приведут одни только законы обращения, без экспроприации промышленных капиталистов, то это, разумеется, означает, что промышленный капиталист сохраняет свободу распоряжения своим капиталом. Кто же помешает ему, при таких условиях, найти себе другой банк, хотя бы за границей, вместо того, чтобы обращаться в банк, принадлежащий социалистическому правительству? Что помешает ему основать, вместе со своими собратьями, новый банк, управляемый капиталистами? Одно из двух: либо промышленный капиталист остается хозяином своего предприятия и своего капитала,—и тогда он без труда посадит на мель социалистический центральный банк; либо вы отнимете у него право свободного распоряжения своим капиталом, — и тогда, значит, он будет экспроприирован, и, следовательно, будет изменена социальная база производства. Это и явится в таком случае первичным, основоположным фактом.

Влияние обращения второстепенно, оно не производит экономической революции, а лишь продолжает уже совершившуюся в сфере производства. Так на практике будет доказано то, что давным-давно доказал действительный, а не перевернутый вверх ногами марксовский анализ капиталистической экономии, именно, что форма производства есть фундаментальный, первичный и господствующий момент, что обращение обусловлено этой формой, что оно отнюдь не может самостоятельно и революционно противостать производству. Насколько второстепенно значение обращения, как орудия социализации, показывает новая экономическая политика Советской России. Основная идея нэпа заключается в том, чтобы использовать рынок и, следовательно, обращение в качестве промежуточного звена для перевода на социалистический путь крестьянского и мелкого частно-промышленного производства. Но даже ребенку ясно, что предпосылкой для этого служит социалистическая государственная промышленность, государственный банк, государственные железные дороги и т. д. «Автоматический механизм» обращения только потому действует здесь в направлении социализации, что уже совершился революционный переворот в основных областях производства. Этот автоматический механизм не образует социализма из капитализма, а лишь продолжает развивать дальше уже образовавшиеся начатки социализма.

Эта роль достаточно важна и не только для России, но и для Западной Европы. Здесь, где во всех областях происходит дальнейшая концентрация и об'единение капитала, социалистическому центральному государственному банку предстоит крупнейшая организационная роль—разумеется, при одновременной социализации промышленности.

Что же касается рабочего, то он скажет господину Реннеру: к чему мне завоевывать политическую власть, если капиталист попрежнему останется собственником и хозяином фабрики и попрежнему будет меня эксплоатировать? Социальная революция не делается ради пустяков.

Но Реннер, конечно, вовсе и не думает о революции, а думает лишь о том, как бы обойти ее, как устроить так, чтобы можно было врастать в социализм, оставаясь в лоне капитализма.

Э. Гольденберг.

Запоздалый рефлекс.

Мы вступили уже в шестой год новой экономической политики. Тем не менее до сих пор нам приходится сплошь и рядом сталкиваться с пережитками военно-коммунистических приемов действия в практической работе и с пережитками военно-коммунистических представлений и предрассудков в идеологической области. Пережитком последнего рода является и статья тов. Преображенского «О законе ценностей в советском хозяйстве».

Статья эта представляет собой не только академический интерес, так как пытается дать теоретическое обоснование определенной программе экономической политики особого экономического курса, отличного от курса, принятого и проводимого всей партией. Над всем анализом тов. Преображенского тяготеет пресловутый «закон» социалистического накопления, впервые открытый и изложенный им еще в 1923 году. Этот «закон» служит стержнем всех рассуждений; его отраженным светом светят все остальные положения и выводы.

С методологической стороны основной порок исследования «О законе ценностей» (точно так же, как и статьи о социалистическом накоплении, прямым продолжением которой оно является) заключается в вульгарно-механическом подходе к вопросу. Мысль тов. Преображенского все время движется в рамках схоластических расчленений и формально-логических противопоставлений, не улавливая диалектической связи противоречивых и борющихся начал. А метод, как известно, душа исследования.

Общая установка исследования изложена т. Преображенским в следующих словах:

> ...«Закон ценности и плановое начало вступают в состязание в крайне своеобразной обстановке, в обстановке весьма сильного отрыва в области производства и в сфере обмена об'единенного кулака государственного хозяйства от неорганизованного моря простого товарного производства» (стр. 13).
>
> ...«В результате такого своеобразного положения, мы неизбежно должны иметь далеко идущее отмирание действия закона ценности внутри круга государственного хозяйства при очень большом разгуле действия закона ценности за пределами государственного хозяйства и при постоянных ударах рыночной стихии по всему государственному хозяйству, как единому целому» (стр. 14).

Отмирание закона ценности в государственном хозяйстве здесь, следовательно, выступает, как результат отрыва последнего от «неорганизованного моря простого товарного производства». Но в таком случае по мере усиления смычки государ-

ственного хозяйства с государственной экономикой процесс отмирания закона ценности должен смениться процессом его восстановления внутри государственного круга. Между тем для тов. Преображенского отмирание ценностных отношений (как мы это еще увидим ниже) равнозначно движению к социализму. Вся его статья в сущности посвящена доказательству того, что мы движемся к социализму лишь в той мере, в какой ценностные отношения вытесняются плановым регулированием. Смычка «государственного хозяйства» с деревней, которая является основной задачей и основным содержанием новой экономической политики, поскольку она влечет за собой осквернение государственного хозяйства законом ценности, с точки зрения тов. Преображенского, должна представляться прямым ущербом социализму, скатыванием с социалистических высот в болото неорганизованного товарного производства.

Эти выводы с необходимостью вытекают из положения т. Преображенского и тем самым дают им достаточно красноречивую оценку. Ни к каким другим выводам т. Преображенский и не может притти, потому что он занимается не серьезным анализом действительных отношений и реальных путей к социализму, а схоластической игрой в формально-логические определения.

> «Товарное производство,—пишет он страницею дальше,—мы противопоставляем социалистическому плановому хозяйству, рынок—бухгалтерии социалистического общества, цены—трудовым издержкам производства, товар—продукту».

В этом голом противопоставлении «социалистического планового хозяйства товарному производству» и обнаруживается полное непонимание т. Преображенским действительной роли закона ценности в нашей экономике. В корне неверно представление, будто у нас социалистическое плановое хозяйство может развиваться только за счет вытеснения товарного производства, и обратно, будто товарное производство у нас может расти только за счет уменьшения удельного веса планово-социалистических начал. Развертывание нашей промышленности, работающей на рынок, есть рост товарного производства, и в то же время означает укрепление планово-социалистического начала. Наша кредитная сеть, вырастая из рыночных отношений и их обслуживая, вместе с ними растет, но вполне очевидно, что ее рост есть рост планово-социалистического начала и т. д., и т. п.

В конечном счете социализм, разумеется, приведет к полной ликвидации рынка и рыночных отношений. Но не может быть ошибки более грубой и более вредной, чем смешение результата процесса с самим процессом. Строительство социализма—это длительный процесс, проходящий различные стадии развития, из которых каждая имеет свои специфические особенности и закономерности. Такой анализ, который от этих особенностей отвлекается, будет совершенно бессодержательным в лучшем случае и грубо-ошибочным в худшем. Статья же т. Преображенского представляет собой образчик сочетания обоих случаев.

В самом деле, в чем заключается специфическое содержание и специфическая особенность той стадии строительства социализма, в которой мы находимся в настоящий момент? В том, что в нынешних условиях, на данной стадии, развертывание рыночных отношений является одной из основной предпосылок укрепления социалистических элементов нашего хозяйства. Общий рост то-

варооборота является одной из основных предпосылок роста социалистической промышленности. В то же время рост рыночности крестьянского хозяйства является предпосылкой как его увязки с социалистической промышленностью, а значит, и руководства им со стороны последней, так и развития сельско-хозяйственной кооперации. Что кооперировать натуральные хозяйства в наших условиях—это сумасшедшая утопия, не станет отрицать и тов. Преображенский. Развитию товарного оборота соответствует развитие денежного оборота. Но как раз возможность регулирования денежного обращения является одним из самых сильных и далеко идущих орудий нашего планирования всего хозяйства в целом.

Конечно, такой путь движения к социализму имеет свои опасности и свои трудности. Опасность заключается в том, что из рыночных отношений растут не только социалистические, но и капиталистические элементы. Трудность в том, что их приходится преодолевать преимущественно рыночными методами. Но как бы там ни было, этот путь единственно возможный и единственно реальный. И на этом пути нет места тому голому противопоставлению «товарного производства плановому социалистическому хозяйству, рынка бухгалтерии социалистического общества, цены трудовым издержкам производства, товара—продукту», которое служит исходным пунктом анализа тов. Преображенского. Это голое противопоставление совершенно искажает действительные отношения, которые много сложнее и много диалектичнее. Конечно, рано или поздно должен наступить переломный момент, когда дальнейшее развитие социалистических и плановых элементов нашей экономики будет вести к прямому изживанию рыночных и ценностных отношений. Но на данной стадии положение совершенно другое. Сейчас имеет место не только и не столько борьба плана с рынком, сколько борьба плана за рынок. Задача настоящей полосы не в упразднении рыночных отношений, а в овладении ими. Рост плановых начал сейчас предполагает развертывание рыночных отношений и овладение рыночными отношениями.

Точно так же, как плановое регулирование нельзя грубо механически противопоставлять ценностным отношениям, нельзя грубо механически противопоставлять государственное хозяйство всему лежащему за его пределами. Расщепление всего хозяйства нашей страны на две половинки, из которых в одной господствует план, а в другой стихия, совершенно формально и бессодержательно. Именно такое расщепление мы имеем у тов. Преображенского, когда он говорит о «далеко идущем отмирании закона ценности внутри круга государственного хозяйства, при общем большом разгуле действия закона ценности за пределами государственного хозяйства». На деле, однако, планирование внутри государственного круга может быть успешным лишь в той мере, в какой мы в состоянии «спланировать» рынок, лежащий за пределами этого круга. Реальность промышленного плана самым непосредственным образом зависит от реальности и успешности проведения хлебозаготовительного, экспортно-импортного и т. п. планов. Это относится не только к «производству средств производства (или средств потребления), когда государство является монопольным производителем, но не монопольным покупателем»—случай, для которого значение рынка признает и тов.

Преображенский,—это относится ко всему государственному хозяйству в целом [1]). Другое дело, что крупная промышленность, транспорт и т. д. являются в наших руках теми орудиями планирования, силою которых мы преодолеваем сопротивление плану частного хозяйства. Но это ничего не меняет в том основном факте, что путь к плановому хозяйству лежит не через замыкание государственного хозяйства, но, напротив, через смычку с рынком, через овладение им рыночными связями.

От общих рассуждений тов. Преображенский переходит к более конкретным формулировкам. Он говорит:

«Борьба за плановое начало есть прежде всего борьба за накопление материальных рессурсов государственного хозяйства, обеспечивающих рост одних производственных отношений за счет других. Это накопление ограничено действием еще существующего закона ценности, следовательно, подвержено действию стихии. С этой точки зрения закон первоначального социалистического накопления есть та форма, в которой происходит диалектическое перерождение стихийных закономерностей неорганизованного хозяйства в новый тип достижения равновесия в экономической системе, осуществляемого при огромной роли сознательного предвидения и практического учета экономической необходимости».

У свежего человека это место вызовет целый ряд недоуменных вопросов.

Во-первых, почему здесь говорится только о росте производственных отношений за счет других и ни звука не упоминается о параллельном и уже во всяком случае не менее важном процессе перерастания одних производственных отношений в другие? Ведь социализм в нашей стране растет и будет расти, с одной стороны, за счет вытеснения кулака и нэпмана, но с другой стороны, и через кооперирование середняка и бедняка, через включение их в систему социалистического хозяйства. Неужели с точки зрения роста социалистического хозяйства вытеснение кулака настолько важнее кооперирования середняка и бедняка, что о последнем можно вообще не упоминать? С каких это пор центральными фигурами необобществленного сектора нашего хозяйства стали нэпман и кулак?

Во-вторых, почему накопление материальных рессурсов государственного хозяйства ограничено действием еще существующего закона ценности? Разве мы не накопляем в ценностном обмене? Разве в случае эквивалентного обмена между городом и деревней промышленность перестает накоплять? Неужели производительность промышленного труда у нас настолько низка, что в ней не создается никакого прибавочного продукта? Разве промышленность накопляет лишь в такой мере, в какой продает свои товары выше их действительной ценности?

Чтобы разобраться во всем этом, необходимо вспомнить, что тов. Преображенский понимает под социалистическим на-

[1]) Тут же отметим, что и пример «далеко идущего отмирания закона ценности», приведенный тов. Преображенским, крайне неудачен. «Понятие «товар»—говорит он,—по отношению к паровозу Сормовского завода отступает на задний план перед понятием государственный продукт, изготовленный для государства» (стр. 16). Почему отступает? Разве паровоз этот не попадает на рынок? Разве его амортизация протекает не на рынке? Разве он не продается таким образом по частям тем, кого он возит?

коплением. В статье, написанной в 1923 году (продолжением которой служит разбираемая нами статья), он дал следующее определение основного закона социалистического накопления [1]):

«Чем более экономически отсталой, мелко-буржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции, тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на эксплоатацию досоциалистических форм хозяйства, и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе, то-есть, тем меньше оно будет питаться прибавочным продуктом работников социалистической промышленности».

При таком «понимании» основного закона социалистического накопления естественно и утверждение, что закон ценности ограничивает накопление. Конечно, ограничивает, если социалистическое накопление есть раньше всего эксплоатация досоциалистических форм. Понятно, что ничего не говорится о перерастании одних форм в другие. Какое уж перерастание, когда основным методом строительства является эксплоатация! Не совсем понятным остается только одно: почему, собственно, тов. Преображенский говорит, что «закон первоначального социалистического накопления есть та форма, в которой происходит диалектическое перерождение стихийных закономерностей неорганизованного хозяйства в новый тип достижения равновесия». Почему диалектическое? При чем тут диалектика? Если основной закон социалистического накопления заключается в эксплоатации досоциалистических форм, то перерождение последних в организованное хозяйсво должно, повидимому, протекать не по методу диалектики, а по методу старого анекдота о некой кобыле, которую приучали не есть до тех пор, пока она не умерла.

«Закон» тов. Преображенского был в свое время исчерпывающе разобран и раскритикован тов. Бухариным в статьях «О новом откровении, о советской экономике» и «К критике экономической платформы оппозиции». Социалистический пролетариат не эксплоатирует крестьянское хозяйство, а кооперирует его. Это единственный и политически и экономически (а ведь политика—это концентрированная экономика) возможный путь к тому, что тов. Преображенский несколько кудряво называет «диалектическим перерождением стихийных закономерностей неорганизованного хозяйства в новый тип достижения равновесия в экономической системе». В этом—существо новой экономической политики.

В плане брошюры о продналоге (опубликованном во II Ленинском сборнике) тов. Ленин писал: «Ни разверстки, ни налога, а обмен продуктов крупной («социализированной») промышленности на крестьянские продукты, такова экономическая суть социализма, его база. Разверстка не «идеал», а горькая и печальная необходимость. Обратный взгляд—опасная ошибка».

А несколькими строками ниже мы читаем: «Переход от войны к строительству. IX с'езд 1920 (ср. IV 1918) Versus X с'езд

[1]) «Вестник Соц. Акад.», кн. 8, 1923 г.

(III 1921 г.). Переход от разверстки к правильному товарообмену».

Для Ленина т. о. переход от войны к строительству (строительству социализма, конечно [1]), связан с переходом к правильному товарообмену. Что правильный товарообмен и социалистическое накопеление по рецепту тов. Преображенского вещи разные—это в пояснениях не нуждается. У Ленина правильный товарообмен является базой социалистического строительства (а, значит, и социалистического накопления). У тов. Преображенского эквивалентный товарообмен (закон ценности) «ограничивает» социалистическое накопление. По Ленину, разверстка, налог,—это «печальная и горькая необходимость», вызванная условиями гражданской войны. Путь к социализму—у него это путь от «своеобразного» военного коммунизма, «вынужденного крайней нуждой, разорением, и войной к правильному социалистическому продукто-обмену» [1]). У тов. Преображенского его «закон» первоначального социалистического накопления (т.-е. эксплоатации досоциалистических форм) есть та форма, в которой происходит «диалектическое перерождение» и т. д.

«Борьба за плановое начало,—говорит т. Преображенский,—есть, прежде всего, борьба за накопление материальных рессурсов государственного хозяйства». Фраза эта сама по себе абсолютно верна. Все дело лишь в том, какое содержание вкладывается в понятие накопления. Мы видели, какое содержание вкладывает в это понятие тов. Преображенский. У него получается, что борьба за плановое начало, есть борьба за эксплоатацию крестьянства. Все содержание плана в «перекачке». Плана тем больше, чем больше эксплоатации. Дальше итти некуда.

Что мы ни в малейшей мере не утрируем тов. Преображенского, видно из целого ряда других мест его статьи. На стр. 19 он пишет:

«Забастовка покупателей—вот предел для гос. планирования в том случае, если цены государства превышают известный уровень, приемлемый для частного рынка... Наоборот, когда платежеспособный спрос частного рынка превышает размеры государственного производства, рамки хозяйственного маневрирования государства расширяются, расширяются возможности накопления за счет частного хозяйства, государство является хозяином в назначении цен в пределах от себестоимости производства до исчерпания всего платежеспособного спроса (с учетом, разумеется, влияния цен на размеры спроса)».

Здесь планирование прямо отождествляется с политикой высоких цен, так как расширение его рамок возможно лишь тогда, когда расширяются рамки накопления государства за счет частного хозяйства. Такой плановый маневр, как снижение цен, для тов. Преображенского, повидимому, не существует.

Во-вторых, тов. Преображенский совершенно непозволительным образом мешает в одну кучу совершенно разные категории, говоря о «частном хозяйстве». Государство по-разному планирует свою политику по отношению к частному хозяйству середняка и бедняка и по отношению к частному хозяйству

[1]) «Продналог».

нэпмана и кулака. Устанавливать недифференцированный «закон» накопления государством за счет «частного хозяйства» вообще, значит, совершенно не видеть действительной классовой расстановки, не понимать, что середняк и бедняк являются нашими союзниками в социалистическом строительстве, между тем, как нэпман и кулак—врагами, а значит, и наша экономическая политика по отношению к ним не может быть одной и той же.

Весь анализ тов. Преображенского вращается в рамках грубо-механических и потому неверных противопоставлений государственного хозяйства частному, плана—рынку, товарообмена—социалистическому накоплению и т. д. Наиболее ярким, однако, выражением непонимания им специфических особенностей нынешней полосы социалистического строительства, отсутствия у него подлинно диалектического подхода к вопросу может послужить следующее место:

> «Развертывание действия закона первоначального социалистического накопления, в котором концентрируются на данной стадии тенденции движения к социализму, означает усиление определенного типа, коллективного типа, организации человеческого труда. Усиление действия закона ценности и отражает и в то же время способствует тенденции к другой, частно-капиталистической, его организации» (стр. 61).

Со своей точки зрения тов. Преображенский только последователен. Если социалистическим является лишь такое накопление, которое проистекает из неэквивалентного товарообмена, то «усиление коллективного типа организации человеческого труда» возможно лишь через «развертывание действия закона первоначального социалистического накопления», или иными словами через перекачку. Социализма тем больше, чем больше перекачки. В этом вся мудрость тов. Преображенского.

О том, насколько неверно голое противопоставление социалистического накопления ценностному товарообмену на данной стадии, мы уж говорили; с формально организационной стороны тов. Преображенский сталкивает лбами план и рынок, когда в действительности задача в настоящий момент заключается не в том, чтоб с помощью плана прошибить рынок, а в том, чтобы с помощью плана овладеть рынком. Но вслед за этим, он с таким же изяществом сталкивает лбами и материальные процессы: социалистическое и частно-хозяйственное накопление [1]. Социалистическое накопление идет только за счет частного, его единственный источник—это перекачка. При чем единственное указание на границу этой перекачки—это приведенная выше и скромно заключенная в скобки фраза о том, что повышение цен должно вестись «с учетом влияния цен на размеры спроса».

Правильно ли такое голое противопоставление социалистического накопления, часно-хозяйственному. Вопрос необходимо раньше всего дифференцировать. Если говорить о кулацком и нэпманском накоплении, то здесь такое противопоставление, несмотря на то, что известную часть его мы срезаем в свою пользу через налоговый, кредитный аппарат и т. д., правильно, по-

[1] О «материальных» процессах мы здесь говорили лишь условно, противопоставляя их «формально-организационным».

тому что рост кулацкого и нэпманского накопления означает рост враждебных капиталистических элементов хозяйства. Но правильно ли такое противопоставление в отношении к середняцкому частно-хозяйственному накоплению? Нет, не правильно.

Диктатура пролетариата обладает достаточно мощными командными высотами, чтобы двинуть развитие середняцкого хозяйства не по капиталистическому, а кооперативно-социалистическому пути. Тов. Преображенский со многими, правда, оговорками, но тоже делает вид, что это признает. Но в таком случае необходимо отдать себе ясный отчет в том, что на данной стадии развития частно-хозяйственное накопление бедняка и середняка является необходимой предпосылкой кооперативного накопления. Такое середняцкое накопление, которое служит основой для роста кооперации, несмотря на свой частно-хозяйственный характер, означает однако, в наших условиях усиление того, что тов. Преображенский с обычной кудрявостью называет «коллективным типом организации человеческого труда», а не «другой, частно-капиталистической его организации». Не видеть этого, неизбежного в современных условиях соотношения между середняцко-бедняцким частно-хозяйственным накоплением и кооперативно-социалистическим, было бы либо величайшим и вреднейшим обскурантизмом, либо полным непониманием самых основных задач нашей деревенской политики. Голое противопоставление социалистического накопления частно-хозяйственному для данной стадии развития, являющееся одним из китов всего построения тов. Преображенского, т. о. так же неверно, формально, грубо-механистично, как и его противопоставления плана—рынку, товара—продукту и др.

В этой же связи необходимо сделать еще одно замечание относительно теории «перекачки». Не подлежит никакому сомнению, что мы должны перекачивать поддающиеся срезанию излишки кулацкого и нэпманского накопления в социалистическую промышленность. Но несравненно сложнее стоит вопрос о перекачке в промышленность середняцкого накопления, хотя зарекаться от него принципиально мы не можем. Здесь необходимо помнить, что оно является предпосылкой кооперативно-социалистической перестройки деревни. Необходимо помнить слова Ленина в его статье «О кооперации»: «Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса... Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть кооперация» [1].

[1] Закон первоначального социалистического накопления тов. Преображенского имеет своим источником, помимо непонимания нэпа, непонимания кооперативного плана Ленина, еще и недооценку возможностей внутрипромышленного накопления. Между тем, эта недооценка совершенно лишена каких бы то ни было об'ективных оснований. Согласно вычислению т. Гухмана («План.хоз.» № 4, 1926 г.) чистый доход обобществленного хозяйства возрос в 24/25 г. сравнительно с предыдущим 23/24 г. на 218% и показывает максимальный рост сравнительно со всеми остальными видами дохода.

Согласно перспективному пятилетнему плану Госплана в ближайшее пятилетие мы вложим в наш основной капитал до 5 миллиардов рублей, из которых до 4,4 миллиардов даст сама промышленность. Т. о. «перекачка», которая у т. Преображенского является основным, главным и т. п., даст лишь немногим больше 0,1 общей суммы, в которой по этому плану выльется в ближайшее пятилетие основной вид действительного социалистического накопления.

нэпмана и кулака. Устанавливать недифференцированный «закон» накопления государством за счет «частного хозяйства» вообще, значит, совершенно не видеть действительной классовой расстановки, не понимать, что середняк и бедняк являются нашими союзниками в социалистическом строительстве, между тем, как нэпман и кулак—врагами, а значит, и наша экономическая политика по отношению к ним не может быть одной и той же.

Весь анализ тов. Преображенского вращается в рамках грубо-механических и потому неверных противопоставлений государственного хозяйства частному, плана—рынку, товарообмена—социалистическому накоплению и т. д. Наиболее ярким, однако, выражением непонимания им специфических особенностей нынешней полосы социалистического строительства, отсутствия у него подлинно диалектического подхода к вопросу может послужить следующее место:

> «Развертывание действия закона первоначального социалистического накопления, в котором концентрируются на данной стадии тенденции движения к социализму, означает усиление определенного типа, коллективного типа, организации человеческого труда. Усиление действия закона ценности и отражает и в то же время способствует тенденции к другой, частно-капиталистической, его организации» (стр. 61).

Со своей точки зрения тов. Преображенский только последователен. Если социалистическим является л и ш ь такое накопление, которое проистекает из неэквивалентного товарообмена, то «усиление коллективного типа организации человеческого труда» возможно лишь через «развертывание действия закона первоначального социалистического накопления», или иными словами через перекачку. Социализма тем больше, чем больше перекачки. В этом вся мудрость тов. Преображенского.

О том, насколько неверно голое противопоставление социалистического накопления ценностному товарообмену на данной стадии, мы уж говорили; с формально организационной стороны тов. Преображенский сталкивает лбами план и рынок, когда в действительности задача в настоящий момент заключается не в том, чтоб с помощью плана прошибить рынок, а в том, чтобы с помощью плана о в л а д е т ь рынком. Но вслед за этим, он с таким же изяществом сталкивает лбами и материальные процессы: социалистическое и частно-хозяйственное накопление [1]). Социалистическое накопление идет только за счет частного, его единственный источник—это перекачка. При чем единственное указание на границу этой перекачки—это приведенная выше и скромно заключенная в скобки фраза о том, что повышение цен должно вестись «с учетом влияния цен на размеры спроса».

Правильно ли такое голое противопоставление социалистического накопления, часно-хозяйственному. Вопрос необходимо раньше всего дифференцировать. Если говорить о кулацком и нэпманском накоплении, то здесь такое противопоставление, несмотря на то, что известную часть его мы срезаем в свою пользу через налоговый, кредитный аппарат и т. д., правильно, по-

[1]) О «материальных» процессах мы здесь говорили лишь условно, противопоставляя их «формально-организационным».

тому что рост кулацкого и нэпманского накопления означает рост враждебных капиталистических элементов хозяйства. Но правильно ли такое противопоставление в отношении к середняцкому частно-хозяйственному накоплению? Нет, не правильно.

Диктатура пролетариата обладает достаточно мощными командными высотами, чтобы двинуть развитие середняцкого хозяйства не по капиталистическому, а кооперативно-социалистическому пути. Тов. Преображенский со многими, правда, оговорками, но тоже делает вид, что это признает. Но в таком случае необходимо отдать себе ясный отчет в том, что на данной стадии развития частно-хозяйственное накопление бедняка и середняка является необходимой предпосылкой кооперативного накопления. Такое середняцкое накопление, которое служит основой для роста кооперации, несмотря на свой частно-хозяйственный характер, означает однако, в наших условиях усиление того, что тов. Преображенский с обычной кудрявостью называет «коллективным типом организации человеческого труда», а не «другой, частно-капиталистической его организации». Не видеть этого, неизбежного в современных условиях соотношения между середняцко-бедняцким частно-хозяйственным накоплением и кооперативно-социалистическим, было бы либо величайшим и вреднейшим обскурантизмом, либо полным непониманием самых основных задач нашей деревенской политики. Голое противопоставление социалистического накопления частно-хозяйственному для данной стадии развития, являющееся одним из китов всего построения тов. Преображенского, т. о. так же неверно, формально, грубо-механистично, как и его противопоставления плана—рынку, товара—продукту и др.

В этой же связи необходимо сделать еще одно замечание относительно теории «перекачки». Не подлежит никакому сомнению, что мы должны перекачивать поддающиеся срезанию излишки кулацкого и нэпманского накопления в социалистическую промышленность. Но несравненно сложнее стоит вопрос о перекачке в промышленность середняцкого накопления, хотя зарекаться от него п р и н ц и п и а л ь н о мы не можем. Здесь необходимо помнить, что оно является предпосылкой кооперативно-социалистической перестройки деревни. Необходимо помнить слова Ленина в его статье «О кооперации»: «Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса... Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть кооперация» [1]).

[1]) Закон первоначального социалистического накопления тов. Преображенского имеет своим источником, помимо непонимания нэпа, непонимания кооперативного плана Ленина, еще и недооценку возможностей внутрипромышленного накопления. Между тем, эта недооценка совершенно лишена каких бы то ни было об'ективных оснований. Согласно вычислению т. Гухмана («План.хоз.» № 4, 1926 г.) чистый доход обобществленного хозяйства возрос в 24/25 г. сравнительно с предыдущим 23/24 г. на 218% и показывает максимальный рост сравнительно со всеми остальными видами дохода.

Согласно перспективному пятилетнему плану Госплана в ближайшее пятилетие мы вложим в наш основной капитал до 5 миллиардов рублей, из которых до 4,4 миллиардов даст сама промышленность. Т. о. «перекачка», которая у т. Преображенского является основным, главным и т. п., даст лишь немногим больше 0,1 общей суммы, в которой по этому плану выльется в ближайшее пятилетие основной вид действительного социалистического накопления.

Мы не будем вдаваться в критику отдельных положений частного характера в статье тов. Преображенского. Это ни с какой стороны никакого интереса не представляло бы. На одном месте, однако, остановиться необходимо. Тов. Преображенский, конечно, не может упустить случая погрозить кулаком Наркомфину. Политика поддержания валютного паритета червонца представляется ему чистейшим безумием, «денежным фетишизмом» и. т. п.

«Спасать на черной бирже паритет бумажного червонца, где нет золотого обращения, но где есть другие методы регулирования хозяйственных, и в частности валютных, отношений, значит некритически имитировать самые иррациональные и самые убыточные стороны капиталистического регулирования вообще».

И в доказательство приводится цитата из Маркса, где последний говорит, что вся история современной промышленности показывает, что если бы производство внутри каждой страны было организовано, то металл требовался бы только для того, чтобы выплачивать разницу по балансу международной торговли, раз равновесие ее в данный момент нарушено.

«Если бы производство внутри каждой страны было организовано»... Что ж, тов. Преображенский, производство внутри нашей страны уже полностью организовано? На какого читателя вы рассчитываете?

Теория тов. Преображенского с ее непониманием того, что «разверстка, налог—это горькая, печальная необходимость» (Ленин), с ее непониманием действительного значения рынка и рыночных отношений на нынешнем этапе социалистического строительства, с ее грубо упрощенными представлениями о плане и планировании есть—пользуясь его же терминологией—лишь запоздалый «рефлекс» военно-коммунистической идеологии. Партией в целом эта идеология уже изжита. Навязать ее снова после пяти лет «движения к социализму на рельсах нэпа» никому не удастся.

С. Эркнер.

Германский кризис.

После краткого периода ускоренного хозяйственного развития, последовавшего за стабилизацией валюты в 1924 г., в Германии внезапно разразился кризис неслыханных размеров. Быстрый темп хозяйственного развития в прошлом году характеризуется следующими выразительными цифрами: за два первых квартала 1925 г. товарооборот возрос на 66—67%, за третий квартал даже на 72%—против первого квартала 1924 г. Производство, ввоз и потребление очень быстро поднялись из того состояния глубокого упадка, которым было отмечено начало 1924 г., и достигли в прошлом году, по единогласному отзыву сведущих лиц, приблизительно довоенной высоты. Тем сильнее оказалось действие внезапно обрушившегося на страну глубочайшего кризиса.

Под'ем, пережитый Германией в прошлом году, совершился, несмотря на ее пресловутую бедность капиталами, и он был бы невозможен без исключительно высокого ввоза капиталов. Приводимый подсчет платежного баланса Германии за 1925 г., выполненный Имперским Кредитным Обществом (государственное банковское учреждение), дает понятие о громадных размерах этой иностранной поддержки:

Платежный баланс Германии за 1925 г.

(В миллиардах имперских марок).

Ввоз капиталов.	Прибл.	Вывоз капиталов.	Прибл.
Вывоз, без золота и серебра (подсчитано за 11 месяцев)	8,8	Ввоз, без золота и серебра (подсчитано за 11 месяцев)	12,6
Репарационные поставки натурой (подсчитано за 11 месяцев)	0,5	Репарационные платежи . . .	1,0
Избыток услуг в пользу Германии	0,4	Избыточные суммы процентов и т. д.	0,2
Сокращение девизного фонда, возвращение утекших капиталов, продажа ценных бумаг и земельной собственности, получение займов и прочих кредитов	4,8	Избыток ввоза золота и серебра (подсчитано за 11 месяцев)	0,7
Итого . . .	14,6	Итого . . .	14,6

Как видно, германский платежный баланс мог быть сведен только благодаря исключительно высокому ввозу денежного капитала. Германии понадобилось ввезти из-за границы огромную сумму в 4,1 млрд. марок (из статьи в 4,8 млрд., входящей в рубрику «ввоза капиталов», нужно вычесть последнюю статью в 0,7 млрд. из рубрики «вывоза капиталов»), чтобы довести в истекшем году производство и потребление, примерно, до довоенной высоты и выплатить в счет репараций 500 милл. имперских марок (1,0 млрд. репарационных платежей минус 0,5 млрд. репарционных поставок натурой).

Эти астрономические цифры весьма красноречивы. Они отмечают прежде всего один благоприятный для капиталистической Германии момент: ее чрезвычайную «кредитоспособность». В основе же последней лежат не одни только экономические мотивы, но еще и мотив существенно-политический, выражающий собою тенденцию мирового капитализма сосредоточивать громадные силы на угрожаемых в данную минуту пунктах своего фронта. Таким угрожаемым пунктом оказалась Германия, когда социальный кризис обострился в ней до крайней степени. Но указанная тенденция уже вносит элементы кризиса в мировое, а косвенно и в германское хозяйство. Ибо эта концентрация сил означает, между прочим, и помещение капиталов одними промышленными странами в других промышленных странах. Она способствует, таким образом, тенденции к перепроизводству в мировой промышленности и ведет в этом смысле к неправильному распределению капиталов, подготовляющему, в свою очередь, почву для кризисов. Специально для Германии неблагоприятное влияние иностранной помощи сказалось далее в том, что чрезмерная зависимость Германии от заграницы внесла в германское хозяйство элементы большой неустойчивости.

Помимо таких общих последствий минувшего инфляционного периода, как вынужденность Германии экстренно заполнить в кратчайший срок различные пробелы в своем хозяйстве, потребность Германии в миллиардном ввозе иностранных капиталов была еще усилена в прошлом году следующими обстоятельствами кризисного характера: аграрным недопроизводством или неурожаем 1924 г. и относительным перепроизводством угля и железа в прошлом году. Неурожай вызвал в первые 8 месяцев 1925 г. чрезвычайно крупный ввоз хлеба и муки из-за границы. А в то же время тяжелое положение на мировом железном и угольном рынке стеснило германский экспорт, широкое развитие которого могло бы при других обстоятельствах компенсировать ненормальный избыток ввоза. Этими неблагоприятными торговыми условиями об'ясняется исключительно высокий избыток общей суммы германского ввоза в прошлом году (достигший около 3,8 млрд. имперских марок). Кроме того, действовал еще один постоянный фактор, задерживавший образование капиталов: мы имеем в виду неправильную политику капитальных вложений в Германии. Как государство, так и частные лица слишком часто направляли капиталы в такие отрасли хозяйства, доходность которых была явно сомнительна по причинам не временного, а более или менее органического характера. Такое неудачное помещение капиталов вызывалось большей частью непониманием того факта, что современное германское хозяйство должно базироваться на других основаниях, чем довоенное. Так, напр.,

размеры производства железа следовало радикально сократить против довоенной, а тем более против военной нормы, в виду исчезновения рынка для военных припасов. Вместо этого, некоторые отрасли железной промышленности усиленно снабжались субсидиями по соображениям, которые, быть может, и были правильны для довоенных условий, но недостаточно сообразовались с глубокими изменениями, происшедшими с тех пор в хозяйстве. Правильное размещение капиталов в Германии должно было бы считаться как с этими изменениями, так и с могучим под'емом новых отраслей промышленности, прежде не имевших большого значения.

Сказанное относится в первую очередь к простому воспроизводству. Но в прошлом году имело место также и расширенное воспроизводство, которое по приблизительной оценке достигло около 90% расширенного воспроизводства в последнем довоенном году. Мы должны теперь рассмотреть его специально со стороны новообразования собственного германского капитала, как имеющего наибольшее значение.

Для 1913 г. Гельферих оценивал новообразование собственного германского капитала следующим образом:

Образование капитала в Германии.

(В миллиардах марок).

1913 г. прежняя территория.	В довоенных ценах.	В нынешних ценах, переисчисленных: по германскому торговому индексу.	по индексу мировых цен «Берлинер Тагеблатт»'а.	по среднему из обоих индексов.
За счет германского производства и товарного ввоза.	7,5	9,4	11,6	10,5
Прирост требований на заграницу и прирост золота и серебра	1,0			
Новообразование собственного капитала	8,5			

На 1925 г. Имперское Кредитное Общество дает такой подсчет:

Образование капитала в Германии в 1925 г.

(В миллиардах имперских марок).

Новая территория.	При учете повышения цен. по германскому торговому индексу.	по индексу мировых цен «Берлинер Тагеблатт»'а	по среднему из обоих индексов.
За счет германского производства и товарного ввоза	8,5	10,4	9,5
Чистый ввоз капиталов	4,1	4,1	4,1
Новообразование собствен. капитала .	4,4	6,3	5,4

Различие между обоими таблицами бросается в глаза. Образование капитала совершалось в Германии в 1913 г. без всякой иностранной поддержки. При этом процесс новообразования своего капитала Германия смогла расширить в том году за пределы одного лишь германского производства, как это видно из статьи «прирост требований на заграницу». Наоборот, в 1925 г., как опять-таки показывает статья «ввоз капиталов», образование капитала в Германии было возможно только благодаря энергичной помощи со стороны иностранного капитала. И уже в полнейшую противоположность 1913 году, в 1925 г. даже не весь новообразованный германский капитал образовался за счет германского производства и товарного ввоза; в некоторой своей части он образовался за счет ввоза денежного капитала.

Интересно посмотреть, как был использован новообразованный капитал, ибо этот вопрос имеет решающее значение для процесса образования капитала в ближайший период. Обыкновенно промышленные или торговые доходы, не идущие на непосредственное потребление или простое воспроизводство, используются в современном народном хозяйстве для сооружения зданий, для проведения путей сообщения, для пополнения машинного парка и расширения производственного аппарата, для увеличения товарных запасов, без которых невозможно свободное развитие хозяйственных сношений, и, наконец, для вывоза капиталов.

По подсчетам Имперского Кредитного Общества, прирост капиталов в Германии был использован в 1925 г. следующим образом:

Помещение капиталов.	В миллиардах имперских марок
Жилищное строительство	1,3
Сооружение общественных и хозяйственных зданий	1,2
	2,5
Почта, жел. дорога и прочие средства сношения	1,0
Расширение производственного аппарата и увеличение товарных запасов	6,0
Общий прирост	9,5
Из них за счет продажи иностранных ценностей и заключения иностранных займов	4,1

Вложение капиталов в строительное дело держалось в прошлом году в скромных размерах. Правда, строительная деятельность возросла почти вдвое против 1924 г., но все же в 1925 г. она была, несмотря на увеличившуюся плотность населения, вдвое меньше, чем в 1913 г. В этой отрасли наблюдался, таким образом, сравнительно слабый приток капиталов. Относительно вяло вкладывались капиталы и в транспортное дело (почту, железные дороги, судоходство). Между тем, именно в названных отраслях германская промышленность довоенного времени достигла очень большой высоты. Зато сравнительно велик был в прошлом году прирост производства автомобилей и мотоциклеток. Следовательно, типичный массовый рынок, укрепление которого выразилось бы в росте строительного дела и в усиленном развитии транспортного дела, был оставлен без внимания, а вместо этого налегли на производство таких предметов обихода высших классов, как автомобили, что, однако, не могло компенсировать сокращение массового рынка.

Эта несчастная, неизбежно ведущая к кризису политика германских предпринимателей обнаруживается еще ярче при рассмотрении последней статьи приведенной таблицы. В статью эту входят две главные группы: «машинный парк» и «товарные запасы», между которыми и распределяются остальные шесть миллиардов. Значительнейшая часть этой суммы приходится, по единогласному отзыву сведущих лиц, на пополнение запасов. Разумеется, после товарного голода военного и инфляционного периодов расширение товарных запасов было совершенно необходимо для нормального развития хозяйственной жизни. Но германские предприниматели взялись за это дело с чрезмерным усердием, преследуя при этом одну единственную цель: не допустить снижения цен внутри страны. Это означало, конечно, потерю значительной части новообразованного капитала. Если указанным способом и можно было удержать на высоком уровне цены выброшенных на рынок товаров, то вскоре выяснилось, что задержанные на складах товары вообще уже нельзя сбыть— главным образом потому, что клапан заграничного сбыта, на который возлагались надежды, отказался действовать. Припасенные товары обесценивались, а вместе с ними и вложенный в них капитал. Если, таким образом, уже при простом воспроизводстве руководились устарелыми и неправильными соображениями, то неправильной была и политика помещения капиталов при расширенном воспроизводстве. Прикрепление освободившихся капиталов к бездоходным отраслям хозяйства, накопление товарных запасов с единственной целью удержания высоких цен,—все это взвинтило общие издержки производства германского хозяйства, понизило его конкурентоспособность на мировом рынке, лишало доходности все большее число предприятий, пока, наконец, не разразился общий кризис.

Дальнейшее развитие бедного капиталами германского хозяйства затрудняется тем обстоятельством, что вся тяжесть охарактеризованного обесценения падает исключительно на новообразованный собственный германский капитал, как и вообще всякая депрессия по настоящему поражает единственно только германский капитал, оставляя в полной неприкосновенности капитал, ввезенный в Германию иностранцами. Иностранные займы заключаются в соответствующей заграничной валюте, их величина и процентные ставки твердо зафиксированы и тем самым до известной степени поставлены вне кон'юнктурных и кризисных влияний. Благодаря всем этим условиям потенциальное преобладание кредиторов еще значительно превосходит их фактическое преобладание.

В настоящее время Германии уже приходится нести весьма солидное бремя таких премированных помещений капитала. Они не совпадают с общей суммой всего капитала, непосредственно ввезенного в Германию. Эта последняя сумма была оценена для 1924 г. проф. Гиршем, примерно, в 2,2 миллиарда, директором Имперского Статистического Бюро, Сузатом, в 3 млрд. имперских марок, а за 1925 г.—Имперским Кредитным Обществом приблизительно в 4,1 млрд. Таким образом, за последние два года Гер-

мании понадобился ввоз капиталов на громадную сумму в 6—7 млрд. имп. марок, чтобы поднять в прошлом году свою хозяйственную деятельность приблизительно до довоенного уровня. Но чистая задолженность Германии перед заграницей ниже этой цифры. Председатель германского рейхсбанка подсчитал ее на конец 1925 г. в $3—3\frac{1}{2}$ млрд. имперских марок (включая дауэсовский заем). Это и есть сумма находящихся сейчас в Германии «премированных» помещений иностранного капитала. Остаток германского ввоза капиталов состоит, вероятно, главным образом из утекших за границу в период инфляции и теперь вернувшихся германских капиталов. Эти капиталы также ввезены из-за границы. Но при такого рода ввозе капиталов только уменьшается германское имущество за границей, длительного же обременения Германии это не вызывает.

Долгосрочные займы, которые имеют сравнительно с краткосрочными целый ряд преимуществ, но которые вместе с тем, несомненно, обременяют германское хозяйство на много лет вперед, были получены Германией до ноября 1925 г. в следующих размерах:

Германские иностранные займы.

(В миллионах имперских марок по номиналу).

1924 г. (включ. заем по плану Дауэса).	Всего 864.	Из них на долю Соединенных Штатов 512.
1925 г. I полугодие	226	225
» III квартал	417	363
» Октябрь	50	50
» Ноябрь	311	240
11 месяцев 1925 г.	1.004	878
1924 г. + 11 месяцев 1925 г.	1.868	1.390

И эти дорого стоящие иностранные кредиты (8—9% годовых) были отчасти использованы германскими предпринимателями для поддержания разорительных предприятий и для приобретения товаров на складах в целях удержания высоких цен. При неправильном помещении капиталов, в связи с другими факторами, эти кредиты также способствовали подготовке разразившегося кризиса.

В наступающем периоде ввоз капитала (денежного), давший германской хозяйственной жизни такие мощные импульсы в первой стадии валютной стабилизации, испытает, повидимому, разнообразные изменения. Прежде всего, вероятно, сильно сократится, а то и вовсе исчезает, одна статья этого ввоза—именно возвращение в Германию утекших в свое время германских капиталов. Получение краткосрочных кредитов из англо-саксонских стран хотят сильно ограничить сами германские предприни-

матели (опасаясь, что в случае их внезапного прекращения произойдет расстройство денежного рынка, т.-е. опасаясь нарушения равновесия германского хозяйства. Впрочем, эти краткосрочные кредиты уже были в значительной степени ликвидированы в январе в виду наступившего кризиса, и даже впервые после войны германские капиталы были помещены за границей на условиях краткосрочного займа). С другой стороны, в этом году Германии придется уплатить за границу в счет репараций 1.260 милл. имперских марок и в счет процентов по уже заключенным займам (кратко- и долго-срочным) 250—300 милл. имп. марок, т.-е. в общей сложности сумму приблизительно в $1\frac{1}{2}$ млрд. имперских марок.

На основании всех этих фактов можно установить для дальнейшего развития германского капиталистического хозяйства следующую важную тенденцию: в противоположность 1924 и 1925 годам, в будущем иностранное содействие образованию германского капитала грозит прекратиться, в виду невозможности использовать германские имущества за границей—в том случае, если утекшие в свое время германские капиталы действительно не вернутся больше в Германию,—а также в виду возрастающего бремени репарационных и долговых обязательств Германии. Если бы это случилось, то это означало бы, что образование германского капитала должно впредь основываться исключительно только на германском производстве. Размеры образования германского капитала определялись бы в таком случае только степенью способности германского производства к росту, зависящей от общих рыночных условий. Другими словами, оценка будущего процесса образования германского капитала зависит от того, насколько может быть реализовано германское производство на внутреннем и мировом рынке. (Если бы даже Германия и получила в этом году иностранные займы, то о фактическом содействии иностранцев образованию германского капитала все равно не могло бы быть речи до тех пор, пока эти займы не превысили бы громадной суммы в $1\frac{1}{2}$ млрд. имперских марок, слагающейся из репарационных взносов и срочных процентных платежей. При номинальном ввозе в Германию капиталов на 2 млрд. имперских марок фактический вклад иностранцев составил бы только 500 милл., при ввозе на 3 млрд.—только 1.500 милл. и т. д.).

Итак, в настоящем году Германия идет навстречу гигантским переменам. В платежном балансе наступающий перелом должен отразиться в перегруппировке около 5 миллиардов. В самом деле, против прошлогоднего ввоза капиталов на сумму в 4 млрд. (в круглых цифрах), Германия должна будет отказаться в этом году от всякого ввоза капиталов, если она не хочет увеличить свою задолженность сверх репарационных обязательств; против прошлогодних репарационных платежей на сумму в 500 милл. имперских марок Германии придется в этом году уплатить в счет репараций и процентов 1.500 миллионов. При таких условиях Германия должна была бы иметь в 1926 г. исключительно большой избыток экспорта в $1\frac{1}{2}$ млрд. имп. марок, чтобы быть в состоянии из собственных средств покрыть полностью свои репарационные и долговые обязательства. А на ту сумму, на какую экспортные излишки Германии не достигнут в 1926 г. до $1\frac{1}{2}$ миллиарда, автоматически возрастет участие

иностранцев в германском хозяйстве, усилится иностранный захват, при чем иностранцам даже не придется авансировать Германии какие-нибудь суммы в форме займов. Ибо за те репарационные взносы, которые не смогут быть покрыты из экспортных излишков или посредством возможной ликвидации германских заграничных имуществ, иностранные кредиторы «возместят себя», наложив руку на германскую собственность в самой Германии. При нейтральном торговом балансе, т.-е. без избытка как вывоза, так и ввоза, и при одновременной невозможности ликвидировать германские имущества за границей, иностранный захват германской собственности выразился бы, на основании обязательств одного только настоящего года, суммой в $1^1/_2$ млрд. имп. марок. Тогда к возможным иностранным займам Германии пришлось бы присчитать еще и эти $1^1/_2$ млрд., чтобы получить полную меру той задолженности, в которой Германия может оказаться в 1926 г. При пассивном торговом балансе—опять-таки при невозможности ликвидировать германские заграничные имущества—величина германской задолженности в 1926 г. составилась бы из величины импортных излишков плюс $1^1/_2$ млрд. имперских марок.

Из всего сказанного можно во всяком случае вывести одно несомненное заключение: 1926 год покажет на деле, в каком направлении будет сделана попытка «разрешения» репарационной проблемы. В этом особенное значение этого года. Германский торговый баланс сможет при этом служить весьма простым, но и вполне надежным барометром. Избыток германского ввоза или вывоза покажет, будет ли выбран для окончательного разрешения вопроса путь товарного вывоза, или путь иностранного экономического захвата. Первый путь означал бы, что назревает необычайно высокая мировая кон'юнктура, ибо только она и сделала бы возможным такое решение. (Можно принять, что германское производство может быть действительно поднято на громадную высоту, что Германия действительно может дать крупные экспортные излишки, если только найдутся надлежащие рынки сбыта). Второе решение—путем иностранного захвата германского хозяйства—показало бы, что международный финансовый капитал умеет, правда, «реализовать» свои требования к Германии, но не умеет оживить мировое хозяйство в целом на сколько-нибудь продолжительный срок. Иностранное вторжение в хозяйственную жизнь Германии было бы с этой точки зрения весьма сомнительным разрешением репарационного вопроса. Так как германское производство способно, как уже замечено, к такому расширению, при котором оно могло бы давать экспортные излишки, то иностранный захват германского хозяйства был бы результатом двух факторов: германского кризиса (уменьшенное образование капитала) и кризиса мирового рынка (невозможность накопления путем реализации германского производства на мировом рынке).

Выше мы наметили причины разразившегося в конце 1925 г. кризиса, поскольку он имеет более или менее стихийный характер. Однако, эти причины сами по себе еще не об'ясняют громадной напряженности кризиса, а также той его своеобразной черты, для обозначения которой в Германии экономисты употребляют термин «рационализационный кризис». С этой последней точки зрения нынешний кризис представляет собой насильственный процесс, стремящийся в краткий срок перевести германское хозяйство на новые рельсы, именно создать такое положение, при котором образование германского капитала основывалось бы исключительно на германском производстве. Центральной руководящей мыслью является при этом получение репарационных сумм во что бы то ни стало. «Рационализационный кризис» фактически является, таким образом, огромным и вместе с тем насильственным кризисом перехода на новую базу, насильственной «реорганизацией» германского хозяйства.

Предпосылки для этой новой ориентации германского хозяйства создаются в самой Германии следующим образом. Выдвигается требование, чтобы ввоз иностранного капитала был сокращен до минимальных размеров. Прежде всего это требование относится к тому ввозу капиталов, который за последние два года оказался совершенно необходимым для поднятия жизни масс на сколько-нибудь сносный уровень после голодных лет военного и инфляционного периодов. «Рационализация» означает, следовательно, в устах германских предпринимателей прежде всего создание массовой безработицы и, по всем признакам, безработицы длительной. Одновременно предполагается проведение действительной широкой рацинализации технического характера для снижения себестоимости германского хозяйства, что должно облегчить процесс накопления господствующим классам. Однако, тут сразу обнаруживается ряд противоречий: если рабочие обрекаются на безработицу, то вместе с ними выбрасываются из производственного процесса и «образователи капитала». Образование капитала на основе германского производства ставится, таким образом, с самого начала на слишком низкую ступень. Другими словами, германские предприниматели всячески стараются, чтобы избежать затруднений в настоящем, увековечить предпосылки для длительного кризиса (постоянного убывания накопления). В конце концов, при рационализации производства, связанной с миллионной безработицей, окажется, что и «рационализированные» таким способом товары не могут найти себе сбыта. Улучшение организации, снижение издержек производства, прежде всего издержек по оплате труда, должно доставить сбыт продуктам промышленности,—так рассуждает каждый предприниматель, этот путь представляется ему единственно возможным. И лишь новый кризис заставляет его понять, что этот путь исполнен противоречий. Ибо для расширенного производства, к которому приводит рационализация, требуется и более широкий сбыт. К этой, не менее важной «рационализации» рынка, которая включает в себя и беспрепятственный ход образования капитала, Германия может притти только одним путем: путем повышения покупательной способности масс в результате снижения цен, что могло бы обеспечить полное использование производственных возможностей. Подобное падение цен, особенно на разные промышленные изделия, само уже позволило бы, при нынешнем положении в Германии, ждать скорого преодоления органических причин кризиса, но несмотря на величайшее обострение последнего, это падение не наступило до сих пор, находясь в зависимости от общей мировой кон'юнктуры.

Одно во всяком случае несомненно: 1926 год начался для Германии сильным сокращением производства, уменьшением образования капитала, поскольку оно основано на германском про-

изводстве. Далее следует отметить, что до сих пор не произошло такого снижения цен, чтобы можно было говорить о преодолении одной из существеннейших внутри-германских причин потенциальных кризисов Германии. И, наконец, нет никаких признаков, которые указывали бы на усиленный рост германского экспорта. Зато процесс иностранного захвата германского хозяйства как раз в последнее время двинулся вперед гигантскими шагами. Как известно, над государственными финансами Германии уже давно тяготеет рука англо-саксонского финансового капитала. В этих главных очагах народного хозяйства англо-саксонский финансовый капитал уже чувствует себя, как дома. Но теперь он готовится к тому, чтобы прочнее овладеть и непосредственной областью частного германского капитала. Обзор важнейших фактов этого рода, относящихся к самому последнему периоду, покажет, какие «успехи» уже достигнуты в этом отношении англо-саксонским финансовым капиталом.

«Американский финансовый капитал последовательно «приобрел акции» следующих крупных банковских учреждений: Германского Банка, Учетного Общества и Дрезденского Банка. Это три крупнейших банка Германии. Шведско-американская Jnvestment Corporation, основанная мировым шведско-англо-саксонским спичечным трестом, в котором принимает участие и Рокфеллер, вступила, как сообщалось, «крупным пайщиком» в Прусский Ипотечно-Акционерный Банк, крупнейшее учреждение этого рода в Германии. Тот же шведско-англо-саксонский трест, уже завладевший в Германии большой частью спичечной индустрии, готовится теперь к тому, чтобы подчинить себе все германское спичечное производство. Далее, Гарриман, давно уже состоящий в «производственной связи» с крупнейшим когда-то германским судоходным концерном, Гапагом, забрал теперь в свои руки германское производство цинка (Гише, Верхняя Силезия). Американские кинематографические концерны (Famous Players Corporation u. Metro Goldwyn Corporation) уже втянули в сферу своего влияния крупнейшее германское кинематографическое общество «Уфа». Для двух последних случаев иностранного «участия» характерен тот факт, что контролируемые теперь американцами предприятия получили кредиты только ценою ограничения производства и полного подчинения американским интересам (в Германии говорят о «кредитах экономического удушения»). Соглашения аналогичного характера были столь же недавно заключены германской нефтяной промышленностью с англо-саксонскими нефтянными концернами: Германское Нефтяное Акционерное Общество связано теперь т. наз. «Interessengemeinschaft» с Англо-Персидской компанией, а общество, реорганизованное из прежнего нефтяного общества Стиннеса—Рибека,—с Standard Oil Company. Эта связанность настолько крепка, что германские нефтяные фирмы обязуются бойкотировать более дешевую советскую нефть. Такого рода иностранное «участие» означает, следовательно, подчинение интересам англо-саксонских промышленников к прямому вреду для всего германского хозяйства.

В начале текущего года было об'явлено об учреждении американско-германского инвестмент-треста (European Shares Jnc.), который собирается сделать из иностранного захвата германского хозяйства специальную отрасль коммерции. Общество покупает или эмитирует акции германских предприятий с тем, чтобы

потом ввести их и на американских биржах. Это делается, конечно, с той целью, чтобы путем усиленной скупки акций получить непосредственное влияние на германские предприятия и затем извлекать из них обильные дивиденды для американских кредиторов, независимо от роста германского капитала. Еще в декабре 1924 г. было основано аналогичное американское предприятие, American and Continental Corporation, но тогда оно ставило себе целью только предоставление финансовых кредитов и еще не думало о прямом участии в германских предприятиях. С недавнего времени так же «работают» в Германии и два английских инвестмент-треста, которые тоже «финансируют» и «участвуют». Все перечисленные случаи иностранного вторжения в сферу частного германского капитала относятся к самому последнему времени (конец 1925 и начало 1926 г.). В короткий срок оказались, таким образом, под контролем англо-саксонского финансового капитала крупные и крупнейшие отрасли германского хозяйства. Тем не менее, мы стоим еще в самом начале этого развития.

Иностранный захват германского хозяйства, как «разрешение» репарационной проблемы, мы назвали выше весьма сомнительным разрешением. Оно выдает только неспособность международного финансового капитала совладать с органическими причинами германского кризиса. Подробности в каждом отдельном случае—регулирование хозяйственной жизни путем ограничения производства, путем уменьшения германского накопления, расширение сферы влияния финансового капитала за счет всех других форм капиталистического могущества—только подтверждают правильность этого взгляда. Пока из него можно сделать лишь один вывод: германский кризис, даже если он временно уступит место новому под'ему хозяйственной жизни, является только прелюдией к новым кризисам. В настоящем кризисе уже начинают обозначаться контуры кризиса всей системы, контуры завтрашнего кризиса плана Дауэса.

Бернар.

Экономические и социальные основы кризиса французского империализма.

Расширенный пленум исполкома Коминтерна установил, что революционный кризис во Франции подвигается. Для того, чтобы понять значение этого факта, необходимо ближе присмотреться к истории французского империализма в последние десятилетия.

Мы недостаточно отмечали тот факт, что уже несколько лет, как черви подтачивают огромное здание французского империализма, что мы находимся накануне тяжелого кризиса, который станет революционным кризисом французского империализма; открытое проявление этого кризиса можно предвидеть в ближайшем будущем.

Положение французского империализма показывает, что ось революционного движения, проходившая сейчас же после войны в Средней Европе—Германии, Австрии, и других странах,—переместилась теперь на запад, и великие страны-победительницы, победоносно закончившие войну, переживают приблизительно то же состояние, которое мы наблюдали в средне-европейских странах после войны. Если мы вспомним, что на Дальнем Востоке сейчас началось крупное революционное движение, то мы можем сказать, что в настоящее время имеется два революционных центра: Дальний Восток и западно-европейские капиталистические страны.

Что касается Англии, то мы знаем, что там дело идет о полнейшей перестройке всего здания английского хозяйства и английских классовых взаимоотношений.

Сегодня мы можем сказать, что то же самое относится и к Франции, где экономические условия изменились в самом основании, равно как все условия жизни крупной и мелкой буржуазии и рабочих. Теперешняя Франция совершенно не похожа на Францию довоенную. Назревающая во Франции революционная ситуация об'ясняется тем, что новые производственные и классовые отношения вступают в конфликт со старыми политическими формами внутри страны и с окружающим империалистическим миром. Революционный кризис достигнет своего апогея в ближайшие годы; это положение установила французская комиссия расширенного пленума. Франция приближается к тому моменту, когда дальнейшее развитие ее экономических сил натолкнется на такие огромные внутренние и внешние препятствия, что революционные столкновения станут неизбежными.

Бросим сначала взгляд на довоенную Францию. Большинство товарищей знает, что довоенную Францию называли мировым банкиром. И, действительно, Франция в течение ряда десятилетий до войны снабжала капиталом значительную часть мира. Так, напр., царская Россия заключила крупные займы во Франции, и русские административные центры (Москва, Петербург) и крупнейшие русские фирмы одалживали у Франции деньги. То же самое делал и ряд других стран в Европе и Азии.

Сопоставляя этот огромный экспорт капитала из Франции, скажем, с английским экспортом капитала за то же время, мы заметим большую разницу: в Англии уже задолго до войны была высоко развитая индустрия, и банковский капитал был тесно связан с промышленным. Часть накопленной прибавочной стоимости всегда тратилась на улучшение и расширение собственной промышленности, и лишь остаток капитала уходил за границу.

Совершенно иначе обстояло дело во Франции. Там уже гораздо раньше начался вывоз денег и предоставление займов загранице. Промышленность осталась на средней ступени развития, и почти все сбережения ссужались загранице и не употреблялись на развитие собственной индустрии. Таким образом, во Франции до войны имелся мощный, высоко-концентрированный банковский капитал, почти совершенно не работавший внутри страны ни для сельского хозяйства, ни для промышленности, в результате чего как индустрия, так и сельское хозяйство оставались почти на одной ступени. Все деньги, которые накоплялись во Франции, уходили за границу; в Англии и Германии же в то же время индустрия мощно развивалась.

Откуда шли эти деньги, которые крупные французские банки вывозили? В большинстве случаев они получались от крестьянства. Крестьянин, если ему удавалось отложить немного денег, не покупал себе на них скота, не улучшал своего дома, не прикупал плуга, а покупал государственные бумаги, т. е. отдавал деньги в банк, который их, в свою очередь отдавал за границу. То же самое делал и ремесленник, и мелкий промышленник и даже рабочий, имевший более или менее приличный заработок. Все они отдавали свои деньги в банк, получая за это ценные бумаги и облигации, собирали регулярно проценты и надеялись жить когда-нибудь «мирно и покойно» на проценты со своего маленького капитала, накопленного в течение долгих лет. Каждый экономил в течение первой половины своей жизни для того, чтобы впоследствии иметь возможность жить на проценты. Само собой разумеется, что и чистая прибыль промышленных предприятий и банков обращалась на ту же самую цель.

Таким образом, Франция в течение десятилетий перед войной накопила капиталы, благодаря которым она имела возможность вывозить ежегодно до 4 миллиардов золотых франков. Это—не малая сумма. Деньги были так распределены, что еще в 1910 г., когда уже начался некоторый рост вкладов и внутри страны, за границу были посланы 4 миллиарда, и лишь 700 милл. были использованы внутри страны. Таким образом, Франция к 1913 г. имела за границей фонд в 50 миллиардов, отданных в виде займов, за которые она получала ежегодно 2.300 миллионов золотых франков в виде процентов.

Если мы это примем во внимание, то увидим, что Франция имела лишь слабо развитую индустрию, не об'единенную, как в Германии, в гигантские предприятия, синдикаты, тресты и т. д., а состоявшую из бесчисленных мелких предприятий, с

числом рабочих в 100—500—800. Эта индустрия едва удовлетворяла потребности французского рынка. Для экспорта во Франции существовал лишь один род промышленности—так называемая парижская промышленность предметов роскоши, художественной мебели, кожаных изделий и пр. Сельское хозяйство стояло на необыкновенно низком уровне. Если мы будем сравнивать урожайность Франции и других стран, то окажется, что Франция далеко уступает Англии и находится приблизительно на том же уровне, как и западные губернии России. Поля обрабатываются совершенно примитивным образом без машин и без искусственного удобрения.

Для того, чтобы поддержать свою валюту на одном постоянном уровне, капиталистические страны должны заботиться о соблюдении равновесия между своим экспортом и импортом. Страна, ввозящая слишком много и вывозящая слишком мало, вынуждена делать долги. Дело обстоит, как у купца, который закупает больше товаров, чем продает, влезает в долги и не в состоянии итти вперед. В стране, как Франция, имеющей очень слабо развитую индустрию и вынужденной ввозить очень много продовольствия и сырья, не могло быть равновесия в балансе. Казалось бы, что это должно было бы привести к большой задолженности, но в действительности этого не наблюдается. Хотя Франция вывозила мало товаров и ввозила много, но разница исчезала вследствие вывоза денег, которые приносили огромные проценты. В 1913 г. Франция ввезла товаров больше, чем вывезла, на 1.854 миллион. золотых франков, но зато она получила 2.300 миллион. золот. франков в виде процентов, так что общий баланс не нарушил равновесия между экспортом и импортом.

Для того, чтобы получить полную картину положения во Франции, необходимо подойти к социальным основам этой экономической структуры Франции. Все сбережения рабочих, ремесленников, крестьян, мелких буржуа и других стекались в крупные банки, которые их одалживали за границу, за что получались проценты. Крестьяне, ремесленники, мелкие и крупные промышленники и очень много рабочих хранили у себя в шкафу государственные бумаги, отрезали каждые полгода купоны и получали свои проценты. Промышленность и сельское хозяйство не двигались вперед и оставались на одной и той же ступени.

Каковы были следствия этого своеобразного развития? Мы имели перед собой тонкий слой крупной буржуазии, сгруппированной вокруг банковского капитала. Промышленная буржуазия была очень раздроблена, так как промышленность не была об'единена, не так тесно связана с банковским капиталом, как в Англии или Германии и вела самостоятельную жизнь. Кроме того, имелась городская мелкая буржуазия, многочисленный класс высокоразвитых ремесленников, купцов и огромный слой рантье. Последний слой образовался вследствие того, что масса мелких буржуа, крестьян и др. систематически оставляла свою землю и покидала фабрики для того, чтобы жить на покое, на счет своей ренты в 10 тысяч франков. Главное занятие этих рантье и их идеал заключались в том, чтобы где-либо на берегу тихой речки коротать время с удочкой в руках. И теперь еще можно видеть в провинции по воскресным дням сотни этих людей, сидящих часами с удочкой на берегу реки. Даже в городе, в Париже, они сидят со своими удочками. Это был их высший идеал—удалиться в маленький собственный домик, иметь свой кусочек земли и удить рыбу. В такой стране умирает, разумеется, всякий интерес к более важным вопросам. Мы во Франции видим типичную картину, описанную Лениным в своем «Империализме». Полный упадок, застой в науке, в индустрии, страна погружается в апатию и т. д. Крестьянин, очень добродушный и экономный, продолжал постоянно жить в одних и тех же экономических формах, деньги свои вкладывал в процентные бумаги и кончал свою жизнь в качестве рантье. Ему почти не нужно было платить налогов и высокие покровительственные пошлины защищали его от американской конкуренции. Что касается рабочих, то большинство из них было занято в типичном для того времени производстве предметов роскоши. Имелся значительный слой высококвалифицированных и хорошо оплачиваемых рабочих. Они также имели в своих шкафах процентные бумаги. Рабочие эти, конечно, не были особенно революционно настроены; то были реформисты, синдикалисты. Лишь на севере, где, благодаря угольным копям, индустрия более развивалась, имелись рабочие сознательные, настоящие пролетарии, стоявшие на почве революционного марксизма. Наконец, на ряду с этим имелся еще один очень крупный слой—люмпенпролетариат: обедневшие рантье, проводники туристов, проститутки, разоренные ремесленники и пр.

Важным и своеобразным во всей этой структуре Франции является то, что все эти средние и низшие слои населения, средняя буржуазия, мелкий промышленник, городской мелкий буржуа, рантье, большинство крестьян и большая часть рабочих были заинтересованы в том, чтобы государство продолжало свою мирную работу, чтобы деньги были выгодно размещены и чтобы они имели возможность регулярно получать свои проценты. Они были заинтересованы в том, чтобы государство сохраняло свои колонии, чтобы страна могла туда посылать свои капиталы и чтобы она вела успешную империалистическую политику. Сила третьей французской республики и заключалась именно в союзе банковского капитала с этими слоями, интересы которых заключались в том, чтобы бумаги не потеряли свою ценность. В этой системе был лишь один революционный элемент, а именно часть промышленных рабочих на севере Франции, небольшой слой в Париже и небольшой слой рабочих шелковой индустрии в Лионе. На ряду с этим, был еще один слой, носивший лишь псевдо-революционный характер: рабочие, вербовавшиеся из крестьян, стекавшихся в город, и в первую очередь строительные рабочие, приходившие на время строительного сезона и затем возвращавшиеся в деревню. Они представляют главный контингент синдикалистско-анархистского движения.

Но вся эта грандиозная система, представляющая собою шедевр буржуазного государственного искусства, разрушена теперь до основания и в корне изменена. Старая основа Франции—экспорт огромных капиталов, которые государство получало в свои руки, благодаря соответствующей организации банков,—вся эта система разрушена и, начав распадаться в течение войны, она окончательно распалась вследствие российской революции и революционного движения в Средней Европе.

На развалинах старой системы Франция создала себе новый базис. Эта работа началась уже во время войны, велась и после войны и близка теперь к полному завершению.

Повод к этому дан был войной, которая создала для Франции необходимость иметь собственную индустрию. В первое время приходилось очень дорого платить за оружие, покупаемое в Англии. Германия, Италия и др. страны оружия не поставляли, и Франции пришлось приступить к созданию своей собственной военной промышленности. Это было первым толчком к индустриализации.

Затем присоединилась и потеря капиталов, вывезенных за границу. Когда эта основа былой силы пала, французской буржуазии пришлось думать о создании новой основы. Франция потеряла свои 50 миллиардов, хранившихся за границей, и теперь пришлось искать новых путей. Ныне Франция собирается стать страной современного финансового капитала наподобие Германии и Англии.

Французское государство вынуждено было купить ценные бумаги, находившиеся за границей, для того, чтобы иметь возможность заплатить за различные товары, купленные в других странах. Для этой цели государство купило право распоряжения находящимся за границей капиталом, и в период от 1914 г. до 1919 г. оно таким образом вернуло 2 миллиарда золотых франков. В 1917 г. поднялась революционная волна сначала в России, затем в Австрии, Германии, на Балканах. На этом Франция потеряла не менее 20 миллиардов своих капиталов, находившихся за границей. 3 миллиарда франков потеряли значительную часть своей ценности и, таким образом, у Франции осталось за границей лишь 19 миллиардов. Вследствие постоянно возраставшей инфляции эти 19 миллиардов теряли из года в год свою ценность и теперь оцениваются не больше, чем в $^1/_7$ прежней своей стоимости. От всего этого капитала, таким образом, почти ничего не осталось. И вместо 2.350 миллион. Франция теперь получает всего лишь каких-нибудь 500 миллион. франков процентов из-за границы.

С другой стороны, мы видим созидание новых жизненных форм французского капитала и строительство собственной большой индустрии.

Какими средствами это производится? В первые годы Франция получала еще проценты со своего заграничного капитала. В первые военные годы она заключила в Англии и Америке займы на сумму 28 миллиардов. Союзные армии оставили массу денег в стране, приблизительно 9,6 миллиардов. Большая часть этих денег была в буквальном смысле этого слова обращена в снаряды. Но все же не малая часть этих денег была употреблена на создание промышленности в Париже и юго-западных областях (авиационная, машинная индустрия). Таким образом, процесс индустриализации начался еще во время войны.

Затем пришло перемирие. К тому времени Франция уже не получала больше процентов из-за границы, и страна была свободной от чужих армий. Она продолжала одалживать деньги у Америки и Англии, но в первую очередь увеличивала свои внутренние долги. Эта политика внутренних займов, и в особенности, займов «для обороны страны», дала французской казне крупные суммы. Были и долгосрочные займы с планом уплаты

в течение 5,10 и больше лет, давшие 119 миллиард., и краткосрочные займы на 1 год, 6 и 3 месяца, принесшие 37 миллиард., и займы «обороны страны» на общую сумму в 61 миллиард. Всего эти займы дали, таким образом, около 220 миллиардов.

На что пошли эти деньги? Почти исключительно на расширение промышленности путем восстановления разрушенных войной областей на Севере, во Фландрии, в Лотарингии, в области Брие и т. д. При восстановлении этих разрушенных областей были допущены огромные злоупотребления и мошенничества. Любой мелкий лавочник подавал заявления о том, что он владел целой фабрикой, и ему выдавали миллион. Деньги эти он, разумеется, не клал в карман, а обращал на постройку фабрики. Таким образом, на эти деньги, взятые из карманов мелкого люда, построена была масса новых фабрик, огромных предприятий, шахт и пр. Все это строилось по последнему слову техники, так что в техническом отношении, мы теперь имеем во Франции промышленность, стоящую выше и германской, и английской.

Какова была цель этого развития промышленности? Как я уже говорил, Франция до войны имела пассивный торговый баланс. Потеряв свои капиталы, она должна была искать новые источники для восстановления равновесия своего баланса, и в известной степени ей удалось выровнять свой торговый баланс.

Эта полная реорганизация изменила всю картину французского хозяйства. Центром экономической жизни стал вновь возникший современный финансовый капитал. Банковский капитал об'единился с капиталом молодой промышленности и создал блок, который мы знаем, как финансовый капитал, и который характерен для современного империализма. Переход к индустриальному государству стал исходным пунктом колоссальной политической спекуляции. Потеряв свое прежнее лицо, Франция должна была думать о том, как бы укрепить свое положение в Европе на новых началах. Французская буржуазия при этом исходила из той мощной военно-политической позиции, которую Франция заняла после войны. Это должно было стать исходным пунктом ее наступления. Военно-политические рамки должны были быть сохранены для создания крепкой экономической базы. Для сохранения своего военно-политического влияния в Центральной Европе Франция предоставляла среднеевропейским странам «политические займы» и поддерживала их в военном отношении. Для этого ей приходилось занимать деньги у Америки, так как сама она уже не имела средств. На этой основе Франция начала укрепляться экономически в Чехо-Словакии, Польше, Верхней Силезии, на Балканах и везде накладывала свою руку на отдельные промышленные предприятия. Важнейшим шахматным ходом в этой игре было тогда занятие Рурской области. Эту область заняли для того, чтобы связать рурский уголь с лотарингским железом и таким образом создать в Европе несокрушимый экономический блок. Но этот счет был составлен без хозяина, т.-е. без Англии. Искусными маневрами Англия достигла того, что рурская авантюра окончилась неудачей. Франция вынуждена была отступить, и, таким образом, и эти мечты ее были разбиты. Однако, основной процесс индустриализации страны продолжал итти вперед. Посмотрим, что было достигнуто. Приведем для этого лишь пару цифр.

До войны, в 1913 г., во Франции было добыто 41 миллион тонн антрацита, в 1920 г. эта сумма упала до 24 миллион., а в 1924 г. поднялась до 45 миллион. тонн. Железная руда: в 1913 г.—добыто 22 миллиона, в 1922 г. лишь 13 миллионов, а за последний год—29 миллион. тонн; производство стали поднялось с 3,6 до 7 миллион. тонн.

В то время, как продукция в других капиталистических европейских странах: в Австрии, Германии, Италии и даже Англии, идет по нисходящей линии, Франция уже сейчас значительно поднялась над довоенным уровнем. Это видно и по торговому балансу; ввоз с'естных припасов, сырья и пр. падает следующим образом:

1914 г.	ввезено на 33	миллионов франков.
1922 »	» » 21	» »
1924 »	» » 10	» »

Экспорт растет. С 12 миллиард. франк. довоенного времени он в 1922 г. опускается до 9 миллиард., затем до 7,7, с тем, чтобы потом подняться до 11 миллиард. В результате экспорт превышает в 1924 г. импорт Франции, таким образом, не приходится больше прибегать к займам для удержания равновесия экспорта и импорта.

С развитием индустрии возникает, конечно, вопрос о возможности сбыта своих товаров, этот вопрос является решающим для Франции. В этом отношении Франция находилась в особом положении. После войны у нее был огромный внутренний рынок для сбыта своих товаров, и восстановление разрушенных областей дало массу работы французским фабрикам. Первым условием развития французской промышленности явилось это развитие внутреннего рынка. Затем наступил период инфляции, и Франция смогла дешевле производить, чем Германия, Англия и Америка. В-третьих, она имела хороший рынок и в своих колониях, как, напр., в Северной Африке, где также происходил процесс индустриализации. Все это дало возможность Франции так широко и грандиозно поставить развитие своей промышленности.

Я хотел бы еще сказать пару слов о сельской промышленности. Как во всех странах, так и во Франции, уменьшилось количество земли под посевами и увеличилось под пастбищами. Несмотря на это и на огромные потери рабочей силы в деревне вследствие того, что 900 тысяч крестьян погибли во время войны или стали инвалидами, и приблизительно еще столько же крестьян ушли в города, мы замечаем относительный рост сельского хозяйства.

Это об'ясняется, без сомнения, улучшением методов обработки земли. Мы замечаем, таким образом, развитие техники не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве: крестьянин начал пользоваться машинами, искусственным удобрением и т. д., больше засевается льна, сахарной свеклы, конопли и других культур. Мы видим вторжение промышленного капитала в сельское хозяйство. Культуры этих растений зависят сейчас от сахарной, текстильной и других видов промышленности, для надобностей которых они скупаются и чьими крупными машинами обрабатываются поля.

В крестьянском хозяйстве также замечается процесс индустриализации. Статистические данные (к которым нужно, однако, отнестись с большой осторожностью) говорят об увеличении числа средних крестьян. Эти крестьяне начали с некоторого времени—мы ниже укажем почему—вкладывать свои сбережения в реальные ценности, а не в процентные бумаги, как это было раньше. Они чинят свои дома, живут лучше, чем раньше, и в первую очередь начали покупать с.-х. орудия, пользоваться искусственными удобрениями, проводят в дома электричество и пр. Эти перемены имеют, без сомнения, значение для относительного под'ема урожайности.

Теперь перейдем к оборотной стороне этих процессов. Мы видим, что промышленность и с.-х. продукция растут. Какое влияние это оказывает на социальный состав страны и ее классовые взаимоотношения? Улучшилось ли положение рабочих, крестьян и мелкого люда в той же степени, как и состояние промышленности, и сохранилась ли старая довоенная система материальной заинтересованности крестьянских слоев, рабочих, мелких буржуа и других в прочности государства? На это мы можем ответить отрицательно. Как же это случилось?

Мы видели, что французская буржуазия для проведения своих планов восстановления вынуждена была деньги занять и, главным образом, у своих собственных соотечественников. Она взяла деньги мелких буржуа, крестьян-ремесленников, рабочих и др., и на эти сбережения мелкого люда она создала крупную промышленность. Эти внутренние займы заключались под лозунгом: «Мы временно прибегаем к внутреннему займу, так как завтра нам немец все заплатит. Когда он заплатит, вы все получите обратно». Но и этот счет был составлен без хозяина: Германия ничего не платила. Пришлось заключать снова займы для того, чтобы получить возможность выплачивать пособия инвалидам и проценты по прежним займам. Когда немец продолжал не платить, пришлось прибегнуть к новым займам для уплаты прежних. Но для того, чтобы люди согласились дать свои деньги, пришлось повысить проценты, и таким образом при каждом новом займе, каждые полгода, государство вынуждено было итти на большие уступки и соглашаться на уплату более высоких процентов. Долги его при этом постоянно росли и дошли до огромных размеров. Государству становилось все труднее и труднее реализовать новые займы. Так, например, по внутренним займам получено:

1920 г.	46	миллиард.	бумажн.	франков	= 16,5	золот. франк.
1921 »	39	»	»	»	= 14,7	» »
1922 »	26	»	»	»	= 11,1	» »
1923 »	21	»	»	»	= 6,1	» »
1924 »	13	»	»	»	= 3,6	» »

Это означает, что крестьянин, ремесленник, рабочий и служащий не дают больше своих денег. Так как правительство, однако, должно было постоянно платить и тратить деньги на восстановление разрушенных областей, то оно вынуждено было последовать примеру Германии: прибегнуть к помощи печатного

станка и периодически выпускать новые бумажные деньги. Это привело к инфляции, т.-е. к падению покупательной способности денег. Эта инфляция имела громадное социальное значение—разорение всех слоев населения во Франции, на грошевых сбережениях которых зиждилась прежняя система.

С точки зрения изменения классовых взаимоотношений дело обстоит следующим образом: часть средней буржуазии поглощена финансовым капиталом. Их предприятия поглощены крупными синдикатами и подпали под контроль банков, т.-е. потеряли свою самостоятельность. Городская мелкая буржуазия и в первую очередь огромные слои людей, живущих целиком или отчасти на доход от капиталов, потеряли свою экономическую базу. Бумаги потеряли свою ценность, и накопленные рентные бумаги, хранившиеся у мелкого буржуа в шкафу, обесценились, и на проценты с них ничего больше нельзя купить. Мелкий люд, рантье вынуждены были думать о приискании занятий. Крестьянин первый почувствовал недоверие и, увидев, что его бумаги не имеют ценности, первый отказался давать свои деньги государству и начал их употреблять для ремонта своего дома, покупки машин и т. д. Промышленный рабочий при падении реальной зарплаты не мог ничего больше откладывать. В результате все эти слои потеряли связь с господствующими классами, с которыми их раньше связывало получение доходов с капиталов. Они увидели, что то самое государство, которому они доверчиво отдали свои деньги, их теперь оставило на произвол судьбы, и это заставило их перейти в оппозицию к нему. В этом заключается все революционное значение этой глубокой перемены, происшедшей в структуре французского хозяйства.

Это не могло долго продолжаться, не проявляясь в политическом кризисе. Первый подобный политический кризис совпал с окончанием рурской оккупации. Когда Англия заявила, что дело не может итти так дальше, влияние коренной перемены классовых взаимоотношений во Франции на средние слои достигло своего апогея. Рурская оккупация и финансово-политическое наступление Англии дали повод к инфляции. Средние слои перестали верить старому лозунгу правительства «немец заплатит», отвернулись от политики займов и начали искать новой ориентации. В тот самый момент, когда Англия вмешалась извне, правительство потеряло внутри страны почву под ногами. У власти стал левый блок, т.-е. блок мелко-буржуазных партий, которые в течение десятилетий защищали интересы мелких промышленников и рантье, торговцев, ремесленников, государственных чиновников и высшего слоя рабочих. Социалисты поддерживали правительство, не принимая в нем непосредственного участия. Но левый блок взял бразды правления в свои руки в момент, когда мелкая буржуазия уже настолько распалась, что не в состоянии была больше проводить свою собственную политику и нуждалась в посторонней поддержке. Эту поддержку она нашла во французской индустрии, а именно: в так называемых «деловых банках» и в части обрабатывающей промышленности. Что же получилось в результате? 1. Эта группа обрабатывающей промышленности заинтересована в продолжении инфляции, вследствие чего правительство систематически проводило инфляционную политику.

2. Она заинтересована в марокканской войне и заставила правительство продолжать ее. 3. Она заставила проводить политику более сильного обложения крестьян при одновременном предоставлении некоторых уступок рабочим. Таким образом, левый блок проводил политику, которая являлась политикой крупной буржуазии. Эту политику он мог, однако, более или менее, спокойно проводить лишь в течение 18 месяцев. Вместо улучшения критического положения мелкой буржуазии, она принесла дальнейшее ухудшение. Благодаря этому страна вступила в период нового кризиса и находится теперь в переходном состоянии, означающем крушение попытки проведения самостоятельной мелко-буржуазной политики и подготовляющем отвоевание государственной власти финансовым капиталом.

В этом периоде, в котором мы сейчас находимся, происходит следующее: финансовый капитал, вокруг которого сгруппирована крупная буржуазия, ведет борьбу за власть. Он старается при этом использовать растущую слабость средних классов для разрушения мелко-буржуазного блока, при чем часть его он привлекает в свои ряды, другую же отталкивает, разбивает и запугивает средствами фашизма. Но и финансовый капитал заинтересован в дальнейшем развитии инфляции, так как он еще не все сделал для погашения внутренних долгов. В мае, кроме того, предстоит срок платежей, в который государству предстоит уплатить несколько миллионов по займу и, вероятно, выпустить новые бумажные деньги. Эту работу предпочитают еще предоставить левому блоку.

Недалеко, однако, тот момент, когда с инфляцией придется покончить, и нужно будет провести стабилизацию валюты. Имеются уже некоторые экономические и социальные результаты инфляции, могущие стать опасными для буржуазии. Финансовый капитал проведет нужную ему стабилизацию валюты. Каково значение этой стабилизации для Франции в социальном и политическом отношениях? Стабилизация означает: 1) серьезный поход против рабочего класса для подготовки и проведения финансовых операций необходимых для стабилизации и 2) наступление колоссального инфляционного кризиса, подобного тому, который был в Германии. Сейчас мы имеем пред собой распад мелкой буржуазии, социальный и, значит, политический кризис средних слоев. Так как эти слои во Франции сильнее и влиятельнее, чем, например, в Германии, то этот политический кризис всего режима уже теперь имеет больший размах, чем в Германии. По наступлении же стабилизации валюты мы перейдем в период, который ударит по рабочему классу, не задетому пока непосредственно кризисом. Весь вопрос теперь в том, удастся ли крупной буржуазии настолько распылить силы мелкой буржуазии, чтобы не дать ей возможности помочь рабочему классу, изолировать последний, разбить его и провести стабилизацию валюты за его счет, когда стабилизационный кризис вызовет, подобно Германии, кризис безработицы.

Не стало прежней Франции, где среди отсталой промышленности и сельского хозяйства был высокоразвитый банковский капитал, и городская мелкая буржуазия, рантье, крестьяне и часть рабочих связаны были с правительством и его империалистической политикой вследствие помещения своих сбережений в процентные бумаги. Новая Франция построена на промышлен-

ности, созданной благодаря разорению средних слоев населения. Создан современный финансовый капитал, который будучи на короткое время вытеснен с рынка, теперь снова стремится захватить руководство политикой в свои руки. Основное условие для расширения его базиса заключается в отказе от инфляции и в проведении стабилизации валюты. В виду того, что восстановление разрушенных областей закончено, внутренний рынок перестал расширяться, и исчезли все те особые условия, которые дали возможность промышленности беспрерывно расширяться. Все эти явления порождают опасность крупных боев с рабочим классом после того, как в предыдущий период мелко-буржуазные массы уже вынуждены были занять позицию, враждебную правительству.

Французский империализм ищет исхода из этого положения. Он ищет его во внешней политике, и ему нужны новые рынки для сбыта, но как раз теперь, когда он собирается принять власть в стране и начать вести соответствующую внешнюю политику, ему извне настолько подрезали крылья (план Дауэса, Локарно и т. д.), что он чрезвычайно стеснен в своих действиях. Таким образом, молодой французский империализм, выросший благодаря об'единению старого банковского капитала с молодым промышленным капиталом, основывавшимся на постоянно возраставшей продукции,—эта новая молодая сила, собирающаяся оттолкнуть средние слои и взять бразды правления в свои руки, приходит к своей цели как раз в такой момент, когда политика других империалистических держав ограничила ее свободу действий, а затруднения внутри страны достигли необычайных размеров. Это кажущееся безвыходным положение французского империализма не может не отразиться серьезнейшим образом на внутренней жизни страны. Мы уже имеем серьезный крупный кризис мелкой буржуазии. С наступлением стабилизации валюты к этому кризису присоединится и кризис пролетарский.

В заключение я хотел бы еще сказать несколько слов об огромных сдвигах в среде французского пролетариата. Французский империализм уже не имеет пред собой довоенного пролетариата, т.-е. небольшого слоя высококвалифицированных, предававшихся беспочвенным идеалам рабочих, а мощный промышленный пролетариат, увеличившийся на целые миллионы. Париж, например, бывший городом рабочей аристократии, стал городом крупной металлической индустрии. Если теперь выйти за пределы Парижа, то натолкнешься на ряд всевозможных, построенных по последнему слову техники, фабрик, опоясывающих весь город. Париж стал городом 250 тысяч металлистов; французский пролетариат еще слабо организован, он молод, и у него еще нет большого боевого опыта, но он уже показал себя. В ноябре 1924 г. в Париже состоялась интересная демонстрация. Правительство хотело завоевать симпатии парижских рабочих перенесением тела Жореса в Пантеон, но оно было горько разочаровано: в этой демонстрации, устроенной правительством, приняло участие не более 7—8 тысяч парижских мещан. В ответной же демонстрации, устроенной в это же время компартией, приняло участие 200 тысяч парижских рабочих, полных такого воодушевления, какого правительство меньше всего ожидало. Французский капитал стоит, таким образом, пред лицом нового

промышленного рабочего класса, который, несмотря на свою молодость и неопытность, не даст себя так легко столкнуть с дороги. Когда французский империализм при переходе к стабилизации валюты попытается переложить все тяготы на плечи пролетариата, он столкнется не только с сильным рабочим классом, но с блоком, опирающимся на пролетарское большинство, на враждебное буржуазии крестьянство, и связанным—это будет зависеть от тактики компартии—с средними слоями, разоренными хищнической политикой буржуазии. Если нам удастся выковать этот блок, то кризис, назревающий для французского капитализма, кончится не так, как кончился германский кризис 1923 года.

Эр. Квиринг.

Перевыборы советов на Кубани.

Прошлогодние перевыборы стансоветов на Кубани (так называемые «мартовские перевыборы») заметно выделялись из перевыборов в других районах, происходивших в начале 1925 г.

Эти перевыборы с особенной ясностью показали, что низовые парт'ячейки, в целом ряде случаев, оказались совершенно неподготовленными к руководству крестьянством в новых условиях. Курс «лицом к деревне» понимался, как поворот к зажиточному; свобода выборов—как отказ со стороны партии от руководства перевыборной кампанией и советами. Отсюда—полная растерянность перед наступающим кулачеством. Беднота и батраки менее всех остальных слоев деревни принимали участие в выборах. Они действовали неорганизованно, своими выступлениями нередко отталкивали от себя середняков и в результате потерпели полное поражение. Организованнее всего выступало кулачество. С большим мастерством кулаки подготавливали выборы. Середняк в значительной своей части подпал под их влияние,—в результате вся выборная кампания происходила в условиях резко выявившейся сословной и классовой борьбы.

В составе избранных во время «мартовских» перевыборов советов произошло резкое понижение процента коммунистов, комсомольцев, женщин, батраков и бедноты. Весьма значительно повысился процент казаков. В составе советов и даже их президиумов нередко можно было встретить бывших атаманов, белогв. офицеров и др. антисоветские элементы.

Руководящее начало в отдельных советах находилось в руках кулаков.

Этот урок, полученный Кубанской парторганизацией в новых условиях работы, оказался весьма тяжелым и требовал со стороны организации в течение всего этого времени совершенно исключительного внимания к деревне. Поэтому, закончившаяся недавно перевыборная кампания советов на Кубани требует самого внимательного изучения. По ней ярче всего мы можем судить об успехах, которые имеет наша партия за последний год в деревне, в районах, где классовое расслоение довольно резко выявилось, где деревенская верхушка более всего организованно и активно себя проявляет, где мы имеем дело не только с классовой борьбой, но усложненной еще и сословной.

Четыре центральные задачи стояли перед организацией в нынешней перевыборной кампании:

а) подготовить к перевыборной кампании станичные ячейки таким образом, чтобы не только изжить элементы растерянности и отказа от руководства, но на деле осуществить руководящее влияние ячейки;

б) организовать бедноту и батраков вокруг перевыборной кампании так, чтобы она принимала в ней активное, руководящее участие;

в) вырвать середняка из-под влияния кулака, установить союз между беднотой и середняком;

г) максимально сгладить сословную рознь.

Для того, чтобы выполнить эти задачи, хотя бы в некоторой части, со стороны организаций требовалось провести большую подготовительную работу. Эта работа была начата еще с октября месяца прошлого года, фактически же выборы происходили в январе и феврале мес. этого года.

В общем и целом, как это будет видно из дальнейшего, мы, несомненно, имеем в нынешних перевыборах советов на Кубани значительные достижения. Они, понятно, не могут быть целиком и полностью отнесены только за счет хорошей работы партийных и советских организаций Кубани. На благоприятную обстановку и исход выборов сказалась, прежде всего, общая политика нашей партии и советской власти, проводимая за последнее время, и в частности политика партии в отношении казачества.

Все это способствовало тому, что вся перевыборная кампания происходила в более спокойной обстановке. Если характерной чертой прошлых выборов было открытое, часто вызывающее выступление кулаков и ответное выступление бедноты в духе 1918 года, то при нынешних выборах такие выступления уже редко имели место.

Для нас особенно важно внимательно проанализировать отношение различных социальных групп деревни к выборам. Какие в этом отношении произошли изменения в сравнении с прошлым годом?

Беднота, в отличие от прошлогодней кампании, вела себя более активно и выступала более организованно. В огромном своем большинстве она охотно шла на предвыборные собрания, активно помогала ячейке в намечении кандидатов в будущий состав советов. Наиболее передовая часть бедноты поняла, что только в союзе с середняком она может одержать действительную победу над кулаком. Делу сплочения бедноты в значительной степени помогли проведенные в ряде мест общие собрания бедноты. Правда, в целом ряде мест парторганизации с излишней осторожностью подходили к этой работе, что в последствии сказалось и на самих выборах. Если бы на сторону работы по организации бедноты путем устройства общих собраний бедноты и создания групп бедноты было своевременно обращено больше внимания, целый ряд промахов, имевших место, мог бы и не быть.

Удалось ли бедноте установить союз с середняком? Правильнее было бы сказать, что союз этот только еще строится, поскольку союз бедноты с середняком мы понимаем как союз, в котором руководящее влияние принадлежит бедноте. На выборах, в большинстве случаев при помощи нашей партии, был найден общий язык между беднотой и середняками. И те и другие начинают понимать, что в борьбе с кулачеством этот союз нужен.

То сближение бедняка с середняком, которое мы сейчас имеем, еще далеко не достаточно прочное и при малейшем промахе со стороны нашей партии эти группы приходят к открытому столкновению. Для иллюстрации приведу два примера: в ст.

Платнировской происходили перевыборы стансовета при участии весьма незначительного количества избирателей. Беднота со своими кандидатами провалилась. Совет был избран, главным образом, середняцкий. Беднота почувствовала себя крайне обиженной и по окончании перевыборов предложила устроить демонстрацию против вновь избранного совета. Она предлагала взять оркестр музыки, красные знамена из ячейки и перед зданием совета устроить демонстрацию. Некоторые члены ячейки такому предложению сочувствовали, и стоило не мало трудов отговорить зачинщиков от совершения такой демонстрации. Эта демонстрация по существу своему являлась бы демонстрацией против середняков, поскольку вновь избранный совет являлся середняцким.

В другой станице в одном квартале беднота имела большинство голосов. Она оказалась весьма сплоченной и, увидев, что за ней большинство, начала проваливать кандидатуры середняков, выставленные ячейкой, и заменять их своими, хотя при обсуждении кандидатур на предвыборном собрании против середняков не возражала.

Эти два случая ярко показывают, насколько союз бедноты с середняком еще не прочен, насколько бедняк в отдельных случаях недоверчиво относится к середняку.

Однако, если нельзя говорить еще о твердом союзе бедноты с середняком, то с полной уверенностью можно сказать, что трещина между кулаком и середняком образовалась весьма основательная.

С помощью нашей партии между беднотой и середняком найден общий язык, и это является первой гарантией к тому, что кулак действительно окажется изолированным. Громадное большинство всех списков, выставлявшихся на выборах, предлагалось от имени об'единенного собрания бедноты и середняков. На выборных собраниях эти списки проходили на 80—90%.

В отношении кулака беднота держала себя явно враждебно. Случаи, когда беднота попадала под влияние кулака, единичны. Классовые противоречия настолько глубоки в Кубанской станице, что стыка между этими двумя группами не может произойти.

Нередко были случаи, когда беднота на выборных собраниях выступала с отводами против зажиточных, как эксплоататоров, не могущих защищать интересы бедноты и середняков. В большинстве случаев эти отводы поддерживались середняками.

Однако, не всегда наши ячейки умели в должной мере вызвать и использовать активность бедноты, вследствие чего имели место такие случаи, когда на выборах фигурировали списки от бедноты и, в противовес им, списки от ячеек. В станице Марьинской на выборах фигурировали три списка: первый от имени ячейки совместно с крестьянским активом, второй—список бедноты, и третий—список старого станичного совета. Два первых списка торжественно провалились и почти целиком прошел список старого стансовета.

Этот случай показывает не только полное неуменье ячейки работать с беднотой, но и с крестьянским активом, поскольку список этого «актива» не был поддержан широкой массой крестьянства.

Другой пример. В одной крупной станице, где имеется значительное количество бывших партизан, они в противовес списку ячейки с активом выставили в совет кандидатуры бывш. атаманов и, таким образом, надеялись скорее дискредитировать совет в целом и разогнать его.

Неуменье со стороны ячейки использовать активность бедноты приводило к тому, что в целом ряде случаев беднота собиралась самостоятельно по хатам, где обсуждала план действия во время выборов. Ячейка об этих собраниях узнавала обыкновенно только некоторое время спустя. Бывали и такие случаи, когда беднота, собравшись где-нибудь в частном порядке, посылала своего представителя в ячейку с просьбой прислать докладчика.

Как же вело себя на выборах среднее крестьянство?

Среднее крестьянство на выборах чувствовало себя господином положения. Середняк играл роль действительно центральной фигуры. В прошлом году, когда первый раз происходили перевыборы советов в новых условиях, он в значительной степени подпал под влияние кулака, так как ему показалось, что кулачество является наиболее верным защитником нового курса, поскольку, как выше было указано, ячейки не были способны к руководству перевыборами в условиях «оживления советов».

Год работы в советах убедил середняка в ином. Во-первых, середняк убедился в том, что не простого оживления советов хотел кулак, а их свержения, и, во-вторых, работая в советах, он увидел, что через них возможно получить правильное разрешение всех вопросов местного самоуправления.

В ходе выборов особенно ярко выявилось, насколько политика нашей партии за истекший год отразилась на настроениях в первую очередь середняка. Настойчивое проведение партией в жизнь лозунга «оживление советов», облегчение налоговых тягот, установление правил о найме рабочей силы и аренды земли, более выдержанная политика хлебных цен и т. д.—все эти мероприятия чрезвычайно резко повлияли на настроение середняка.

В начале кампании местные партработники подходили очень осторожно к определению настроения середняка. В своих речах ответственные товарищи обыкновенно говорили: «середняк только частично с нами», «небольшая группа середняков с нами», «середняк нейтрален» и т. п. Под конец кампании эти т.т. изменили свою точку зрения и уже более уверенно стали говорить о союзе с ним. Во всяком случае, там, где ячейки подходили с должным вниманием к середняку, вели среди него соответствующую работу, в большинстве случаев удавалось середняка повести за собой. При этом требовались чрезвычайная осторожность, гибкость и действительный учет интересов середняка.

Окончательное намечение кандидатов в будущий совет обыкновенно происходило на совместном собрании бедноты с середняками. До этого собрания кандидаты намечались ячейкой совместно с активом, обсуждались на общих собраниях бедноты, на женских собраниях и т. д. Казалось бы, обсуждение достаточно всесторонне, и намеченные кандидатуры должны бы были сравни-

тельно легко проходить через совместное собрание бедноты с середняком. На деле получалось иное.

Середняк здесь еще раз внимательно прощупывал всех кандидатов и в большинстве случаев дополнял эти списки новыми середняцкими кандидатурами.

И ячейка и беднота шли на эти уступки, лишь бы сохранить единый фронт против кулаков.

При подборе кандидатур середняк проявлял большую деловитость. Он занимался деловым подбором середняцких кандидатур, поддерживал деловые бедняцкие кандидатуры. Поддерживал только наиболее авторитетные кандидатуры членов партии.

Однако, не достигнув еще прочного союза с середняком, мы образовали значительную трещину между ним (середняком) и кулаком. Кулак еще не совсем изолирован, но ему трудно уже повести за собой середняка.

Как же держали себя кулаки? По общему отзыву всех товарищей, кулак был менее активен. Он сравнительно редко выступал открыто, а где и выступал, то с гораздо меньшим гонором, чем в прошлом году. Свое внимание он направил в сторону критики наших недостатков, а в особенности трудностей нашего хозяйственного роста. В своих выступлениях он заостряет внимание на отсутствие товаров в деревне, на несоответствии цен между продуктами сельского хозяйства и промышленности. Особенно часто эти выступления касаются отсутствия леса и высоких цен на него. Для Кубани (вернее для всего Сев. Кавказа) этот вопрос требует к себе действительного внимания. В этой критике, по линии наших хозяйственных трудностей, кулак, несомненно, имеет некоторый успех. Характерно отметить, что кулак свою агитацию очень быстро приспосабливает к изменившейся обстановке. Уже редко встретишь заявление со стороны кулака, что бедняк—«лодырь». Теперь можно услышать со стороны кулака, примерно, такие речи: «Бедняку, конечно, надо помочь, а то человек мается, а самостоятельно на ноги встать не может. Только надежда на вас (коммунистов) плохая, все обещаете, а ничего не делаете. Наверное и на этот раз поговорите, и этим дело кончится».

Вся постановка речи такова, чтобы посеять среди бедноты недоверие к тем мероприятиям, которые проводятся партией, показать бедняку, что действительную помощь он может получить только в союзе с кулаком.

Однако, констатируя, что кулак вел себя на выборах менее активно, чем в прошлом году, мы не делаем отсюда вывода, что он чувствует себя разбитым. Кулак еще весьма силен и в целом ряде случаев давал себя чувствовать весьма основательно. Я проиллюстрирую это несколькими примерами.

На Тихорецком районном с'езде советов кулаками была организована беспартийная фракция. На заседание этой фракции пропускали только по особым билетам. Эта фракция выставила следующие требования: 1) организация крестьянского союза с политической программой для него; 2) предоставить для занятия беспартийными следующие портфели в РИК'е—зав. финотделом, зав. земотделом, зав. административным отделом и зам. председателя РИК'а. Против занятия остальных постов коммунистами особенно не возражали, и 3) требовали полного уравнения в избирательных правах с рабочими. Свою агитацию они вели так умело, что в начале с'езда имели за собой большинство среди крестьян, присутствовавших на с'езде. Для того, чтобы их разбить, пришлось устроить на один день перерыв, во время которого была совершена экскурсия в железнодорожные мастерские с целью ознакомления делегатов с жизнью рабочих. После этого удалось рядовую крестьянскую массу делегатов взять под руководящее влияние коммунистич. фракции с'езда. Однако, верхушка этой «беспартийной» фракции, в количестве 12 чел., держала себя активно до последних дней с'езда.

В ст. Вышестеблиевской за день до выборов была расклеена «газета» под заголовком: «Вышестеблиевская газета» («Правда в очи коле»). Издатель этой газеты базарком № 2, размер два писчих листа. Написана газета химическим карандашом на украинском языке. Цель этой газеты заключалась в том, чтобы опорочить тех лиц, которые рекомендовались в состав нового совета.

Такая же газета распространялась и в прошлогоднюю мартовскую кампанию.

Привожу еще один пример несколько другого порядка. В наказе делегатам на районный с'езд, принятом Ивановским стансоветом, требовалось предоставление крестьянам права ношения огнестрельного оружия.

Этих нескольких примеров достаточно для того, чтобы судить о том, насколько кулак активно себя проявлял там, где имел надежду на успех.

Для того, чтобы действительно изолировать кулака, необходимо проделать еще большую работу. Для открытого выступления в перевыборной кампании он не чувствовал под собой на этот раз достаточно твердой почвы, поэтому он несколько отступил, чтобы при первом же промахе в нашей политике пойти более уверенно в наступление. Кроме того, следует внимательно присмотреться еще к одному вопросу. Не сосредоточил ли в настоящее время кулак свое внимание на кооперации, в особенности сельско-хозяйственной? На Кубани это довольно сильно заметно. Руководящее влияние кулаков здесь постепенно усиливается.

Перехожу к вопросу об интеллигенции. Она приобретает все большее значение в выборной кампании. В особенности это заметно на Кубани. Там в станицах имеется большое количество интеллигенции. В некоторых станицах одних учителей 50—70 чел. Среди них довольно большое количество местной интеллигенции, тесно связанной с крестьянской массой, а иногда и занимающейся сельским хозяйством, и, естественно, что она имеет большое влияние на крестьянство.

В общем и целом мы должны констатировать, что интеллигенция на выборах голосовала за кандидатуры ячейки, но активно их не защищала. Казачья же интеллигенция, в значительной мере связанная с офицерским званием, не только не шла вместе с ячейкой, а нередко являлась организатором и руководителем деревенского кулачества. Два примера о поведении казачьей интеллигенции: в Уманском районе квартира врача являлась местом, где вырабатывались планы действия кулацкой группы на выборах. Сам врач во время перевыборной кампании являлся наиболее настойчивым защитником кулацких кандидатур.

В станице Ново-Покровской учитель Семенов на выборах стансовета являлся наиболее активным человеком, проваливавшим кандидатуры коммунистов.

Перевыборы показали, что перед местной организацией стоит серьезная задача усиления своего руководящего влияния на интеллигенцию, и в особенности казачью.

Еще несколько слов необходимо сказать о роли беспартийного крестьянского актива в перевыборной кампании. Вплотную к созданию крестьянского актива ячейки подошли только в ходе самой перевыборной кампании, поэтому в этом деле было не мало промахов. Прежде всего, ячейки не всегда достаточно уясняли себе, что такое беспартийный актив, из кого он слагается и как с ним необходимо работать, что привело к тому, что ячейка нередко группировала вокруг себя такой актив, который совершенно не пользуется авторитетом среди масс. Для иллюстрации приведу два примера.

В ст. Ново-Мышанской «в начале перевыборной кампании был создан хлеборобский актив из 80 чел. С созданием его допущена большая ошибка. В актив этот были записаны не члены старого совета, которые активно выделились в ходе годовой работы совета, а те, которые до сего времени оставались совершенно безучастными к общественной работе. На заседании актива, несмотря на вызовы повестками, являлось человек 30, не больше.

На первом своем собрании актив выдвинул в кандидаты совета своих близких и знакомых и выступил против кандидатур женщин и молодежи.

На первых квартальных предвыборных собраниях списки кандидатов в совет, намеченных активом, по требованию собрания и самого актива были сняты.

Уже в процессе перевыборной кампании наметился новый, надежный и крепкий актив из красноармейцев-бедняков, середняков-хлеборобов и женщин».

Примерно, такая же картина имелась в станице Переяловской. Предвыборная работа с активом станицы была проведена неумело: не сумели сплотить бедноту с середняками. На собраниях актива много говорили о том, что, дескать, в совет нужно провести бедняков и середняков, что сословной розни не может быть. Все было как-будто благополучно, но на выборах списки намеченных собранием актива торжественно провалились.

В результате выборов из 101 чел. членов совета 76% казаков. Бедноты—4 чел., остальные—зажиточные и середняки. Женщин—7, членов партии—7.

В других станицах работа с беспартийным активом хотя и стояла несколько лучше в отношении качества самого актива, однако, ей был придан характер, который неминуемо должен был привести к оформлению его в виде самостоятельной крестьянской организации. В ст. Ново-Покровской 22 ноября состоялось заседание бюро ячейки, на котором присутствует ряд беспартийных. Бюро ячейки обсуждало вопрос о создании беспарт. крест. актива, постановляет поручить беспартийным, присутствующим на бюро, на завтра составить список беспартийного актива станицы и прислать секретарю ячейки, и на послезавтра созвать этих активистов. На следующий день присылается список, собирается собрание беспарт. актива в количестве 100 с лишним человек. Что же делает этот беспартийный крест. актив? На одном из своих заседаний постановляет: слушали «вопрос о выборах в районную комиссию для перевыборов в стансовет», постановляет «избрать от имени актива в районную комиссию таких-то и таких-то». Далее—слушали «доклад уполномоченного по землеустройству, постановили «избрать от имени актива в состав землеустроительной комиссии таких-то и таких-то» (идет перечисление фамилий). На след. заседании обсуждают вопрос опять о землеустройстве, и крестьянский актив постановляет подтвердить постановление общего собрания граждан, т.-е. выходит, что крестьянский актив стоит уже выше общего собрания. Состоялось следующее совещание беспарт. актива, на котором обсуждался вопрос о перевыборной кампании. Беспарт. крест. актив постановляет выбрать из своей среды на каждый квартал по 5 чел. для того, чтобы они руководили в квартале намечением кандидатур в будущий совет и всей перевыборной кампанией. Далее собирается еще раз беспарт. крест. актив и на этом собрании ставится вопрос о плане дальнейшей работы беспарт. актива. Тут наши коммунисты спохватились и предложили снять этот вопрос за отсутствием времени. С тех пор вообще перестали работать с беспартийным активом.

Было бы, однако, ошибочно, если из приведенных примеров неудачной работы с беспартийным активом мы сделали бы вывод, что актив не играл существенной положительной роли во всей выборной кампании. Наоборот, можно было бы привести десятки случаев, когда намеченные ячейкой и активом кандидаты на 90% проходили в совет, что называется «без сучка и без задоринки».

Другой вопрос, кто в этой работе играл главенствующую роль—ячейка или актив. И здесь надо сказать несколько слов вообще о руководящей роли ячейки во всей кампании. Отказа со стороны ячейки от руководства кампанией не было. Ячейки старались брать руководство в свои руки. В большинстве случаев—худо ли, хорошо ли—это им удавалось, а в отдельных случаях они плелись в хвосте событий. Актив беспартийного крестьянства в ряде мест взял руководство кампанией в свои руки, и ячейка играла роль подсобного характера.

Определить, насколько авторитетны ячейки в глазах широкой массы крестьянства, трудно. Мы пробовали проверить, в каких кварталах выбирались наши партийцы и установили, что, как правило, в кварталах с преобладающим казачьим населением в совет проходила только руководящая головка коммунистов (секретарь ячейки, пред. совета или кооперации и т. п.), рядовые же члены партии выбирались, главным образом, по кварталам с преобладающим иногородным населением.

Это обстоятельство можно понять, имея в виду, что подавляющее большинство коммунистов из иногородних, казаки же составляют ничтожное меньшинство. Надо отметить еще и то, что даже там, где кулаки имели на своей стороне большинство, секретарь ячейки и еще один-два коммуниста все же выбирались в совет по предложению самих же кулаков.

Имеются случаи, когда отдельные, даже весьма ответственные члены ячейки, отказывались выступать с отводами кандидатур кулаков, мотивируя свой отказ тем, что это роняет его «авторитет» в глазах широких масс. Вообще случаи подлаживания под «настроения массы» встречаются довольно часто. Для иллюстра-

ции привожу только два примера: в одном стансовете обсуждается вопрос о раздаче детей из детдомов по крестьянским хозяйствам. Задается вопрос, а можно этих детей бить. Встает авторитетный кулак и раз'ясняет, что, конечно, можно. Присутствовавшие бывшие партизаны возмутились таким нахальным заявлением кулака, а наши коммунисты, члены совета, не дали должную отповедь такому выступлению. На вопрос, почему они не выступили, последовал ответ: «Я не расслышал этого выступления». Случаи некоторой «глухоты» у отдельных коммунистов имели место и в других местах. В ст. Дядьковской, когда голосовалась кандидатура ячейки, один коммунист не голосовал за нее. Когда его спросили—почему? он заявил: «Не расслышал кого голосуют». Конечно, это являлось простой отговоркой. Вообще случаи недисциплинированности отдельных членов партии и комсомольцев, выразившиеся в том, что они голосовали против кандидатур ячейки, имели место.

К недостаткам необходимо также отнести голосование при выборах на так называемые «чистые голоса». Голосование на «чистые голоса» обозначает: голосуют «за» и «против»; голоса, полученные против, высчитываются из голосов, полученных за, и в совет проходят по количеству получивших большинство оставшихся «чистых» голосов. Приведу пример: в ст. Дядьково голосуются два кандидата—коммунист и кулак. Коммунист получает «за» 105 голосов и «против» 73, остается чистых 32. Кулак получает «за» 104, «против» 33, остается чистых 72. Таким образом, по системе голосования на «чистые» голоса прошел кулак.

Еще несколько слов необходимо сказать относительно выявления лиц, подлежащих л и ш е н и ю и з б и р а т е л ь н о г о п р а в а. На прошлогодних «мартовских» выборах это было одним из самых больных вопросов. Кулаки, поддержанные середняками, нередко настаивали на восстановлении в избирательных правах лиц, которые явно на это не имели права согласно конституции. В нынешнем году этот вопрос почти нигде не вызывал протестов, хотя количество лишенных избирательных прав несколько увеличилось.

Общее количество лишенных избирательного права составляет 1,4% всех избирателей. Едва ли такой процент можно считать достаточным. Общее количество кулаков на Кубани по всей вероятности составляет не менее 3—4%, а скорее всего даже больше, если принять общее количество лишенных избирательных прав за 100%, то среди них:

	%
духовенства	11,0
торговцев	45,0
полицейских	9,0
умалишенных	1,0
осужденных	5,0
предпринимателей	8,0
прочих	21,0

Как видно, количество крестьян-кулаков крайне незначительно. Огромное большинство лишенных избир. права составляют торговцы, духовенство и т. п.

Это обстоятельство должно быть учтено на будущих выборах. Насколько неполно были выявлены лица, подлежавшие лишению избир. прав, наглядно видно на следующем примере.

На Тихорецком районном с'езде советов выступала «беспартийная» фракция. Кто же являлись руководителями этой фракции?

1. У с о в—судебный пристав, перед концом старой власти был назначен участковым помощником, в переводе на наш язык, это—нечто вроде земского начальника.

2. П л о т н и к о в—имеет магазин и хлебную ссыпку.

3. С л е с а р е н к о—бывш. офицер, имеет два трактора. Он же является председ. с.-х. товарищества.

3. Ч а п и л ь в е н—с него есть икона в церкви, как «мученика» от красных.

Фамилий двух других я не записал, они являются бывш. офицерами, недавно вернувшимися из концентрационного лагеря. Вот кто являлся руководителями так назыв. «фракции беспартийных» на Тихорецком с'езде советов.

Каковы же итоги перевыборной кампании в сравнении с двумя предыдущими перевыборами?

Прежде всего, имеется налицо значительное повышение количества избирателей, явившихся на выборы, хотя сами выборы происходили в период отчаянной грязи (на Кубани совершенно исключительная грязь, когда, что наз., «порядочный хозяин собаку и то не выгонит»).

	По перевыборам в марте мес. 1925 г.		По перевыборам в данное время.	
	Абс.	В %	Абс.	В %
Число переизбран. с/сов	134	100	134	100
Всего избирателей	409.050	100	392.891	100
Явилось на выборы	138.364	33	161.425	41
Избрано в советы	7.949	100	7·647	100

При чем здесь необходимо отметить, что особенно повысился процент иногородних, явившихся на выборы. В моем распоряжении не имеется данных для всего округа, а только по двум районам, которые, конечно, не являются счастливым исключением.

Так, по Кореновскому району казаки увеличили свою явку на выборы, в сравнении с прошлым годом, на 2%, а иногородные на 110%. По Тихорецкому району казаки—на 20%, иногородные—на 60%.

Это обстоятельство, несомненно, также сказалось на результатах перевыборов.

Состав вновь избранных стансоветов представляется в следующем виде:

	1924 г. *)	1925 г.	1926 г.
По полу:			
	%	%	%
Мужчин	90.2	7,245—91.1	7,167—93.7
Женщин	9,8	704— 8.9	480— 6.3
По бывшему сословию:			
	%	%	%
Казаков	53.6	4.904—61.7	4.921—64.4
Крестьян	41.4	2.698—33.9	2.726—34.6
Других сословий	5.9	—	—
По соц положению:			
	%	%	%
Хлеборобов	75.3	6.526—82.1	6.271—82.1
Из них: бедняков	24.0	1.274—19.5	2.170—34.6
середняков	76.0	5.252—80,5	3.867—61.7
прочих	—	—	234— 3.7
Рабочих и батраков	9.9	477— 6.0	274— 3.7
Служащих	11.1	709— 8.9	734— 9.6
Кустар. и ремесленик	—	—	80— 1.0
Интеллигентов	3.7	237— 3.0	315— 4.1
По партийности:			
	%	%	%
Членов ВКП(б) и канд.	12.2	688— 8.7	704— 9.2
Членов ВЛКСМ	3.5	150— 1.9	123— 1.7
Беспартийных	84.3	7.111—89.4	6.820—89.1
Участие Кр. армии:			
	%	%	%
Терармейцев	—	—	237— 3.7
Красноармейцев	1.2	89— 1.1	63— 1.0
Демобилизованных	35.7	2.364—29.7	1.838—28·8
Не служивших	63.1	5.496—69.2	4.267—66·6

Примечание: Сведения об участии Кр. армии даны по 14 районам; нет сведений от Каневского, Медведовского и Краснодарского районов.

Таким образом, как заметные положительные стороны в отношении состава новых советов, необходимо отметить значительное повышение процента бедноты, превысившего даже процент 24 г., некоторое повышение процента коммунистов и повышение % иногородных.

*) Данные для 24 г. приводятся только в %, т. к. они относятся к 190 стансоветам, тогда как данные 1925 г. и 1926 г. относятся к 134 стансоветам, в которых проходили перевыборы.

К отрицательным результатам—понижение процента женщин, комсомольцев, батраков и демобилизованных красноармейцев.

Одними этими цифровыми выражениями еще трудно определить действительное улучшение состава советов. Для более точного определения следовало бы еще иметь и данные о зажиточности состава середняцкой группы, о количестве б. атаманов, б. офицеров и т. д. Этих данных в нашем распоряжении не имеется, но по отзыву товарищей, проводивших выборы, в этом отношении, несомненно, имеются достижения.

Какие же выводы напрашиваются в итоге перевыборной кампании на Кубани?

1. Перевыборная кампания в целом по сравнению с мартовскими перевыборами происходила при более спокойной обстановке повысившейся активности широких крестьянских масс, что является, во-первых, результатом политики нашей партии за истекший год, направленной к действительному учету интересов бедноты и середняков, и, во-вторых, настойчивой работы местной парторганизации по усвоению низовыми парторганизаторами смысла и значения современного курса партии.

2. В низовых ячейках постепенно изживаются элементы растерянности и отказа от руководства беспартийной массой. Однако, эти ячейки на последних перевыборах еще не всюду являлись действительными руководителями бедноты и середняков. Ячейками была проявлена излишняя осторожность по организации бедноты, вследствие чего имели место случаи, когда беднота самостоятельно организовывалась и со своими списками кандидатов выступала в противовес списку ячейки.

Внутри ряда ячеек отсутствует спайка и дисциплина, что приводило к отказу, со стороны, отдельных коммунистов, от отвода нежелательных кандидатов, или, наоборот, к голосованию коммунистов против кандидатов, выставленных ячейкой.

3. В союзе середняка с кулаком (который имел место на прошлогодних выборах) образовалась серьезная трещина, вследствие чего, в большинстве случаев, при умелом подходе со стороны ячейки, середняк голосовал вместе с беднотой против кулака.

Однако, прочный союз бедноты с середняком еще не создан. С помощью нашей партии выборная кампания сблизила бедняка с середняком, и при умелом руководстве они выступали вместе против кулака, но руководящее влияние принадлежит все еще середняку.

Эм. Газ.

Ответ на ответ.

I.

Быть может, читатели помнят нашу рецензию, посвященную книге Н. Попова «Очерки по истории РКП» и помещенную в № 3 «Большевика» за текущий год. В ответ на эту рецензию автор книги разразился в № 5 того же журнала сердитой статьей, обвиняя нас во всех смертных грехах. Само собой разумеется, в задачу критики вообще и в нашу задачу в частности не входило намерение обязательно понравиться автору рецензируемой книги. Естественно и то, что наша критика вызвала со стороны Н. Попова большое неудовольствие, которым он и поспешил поделиться с читателями «Большевика». «...Эта рецензия,—пишет автор,—построена отчасти на непонимании, отчасти на прямом извращении моих мыслей»... («Большевик» № 5, стр. 76).

Присмотримся же к возражениям автора книги и проверим, насколько правильны его суждения по ряду вопросов, связанных с историей нашей партии.

«Автор рецензии,—начинает свой ответ Н. Попов,—с места в карьер приписывает (или, лучше сказать, пришивает) мне взгляд на интеллигенцию, как на «особую самодовлеющую силу (курсив мой. *Н. П.*), в борьбе за свои собственные интересы опирающуюся и использовывающую (использующую? *Н. П.*) то тот, то другой класс» («Большевик» № 3, стр. 97)». Энергично выражается наш автор, но, увы, вся эта тирада страдает некоторой, скажем... излишней суб'ективностью. Чтобы убедиться в этом, достаточно мельком взглянуть на нашу рецензию. На протяжении целых двух страниц мы показали (и, надеемся, доказали), что в своей книге Н. Попов вульгарно исказил и извратил классовую сущность и источник как народничества так и «легального марксизма». Только после (и на основании) подробного анализа этой части книги Н. Попова мы позволили себе заключить результаты рассмотрения в следующем положении. «Вся беда т. Попова, приведшая его к этой путанице, заключается в том, что он рассматривает интеллигенцию как какую-то особую самодовлеющую силу, в борьбе за свои «собственные интересы», опирающуюся и использовывающую то тот, то другой класс» («Большевик» № 3, стр. 92).

Н. Попов—автор ответа—с этим выводом не согласен, он считает себя неповинным в указанной нами ошибке. Но тогда следовало бы потрудиться доказать, что те посылки, т.-е. критика точки зрения Н. Попова—неверны и, следовательно, тем самым неверно, беспочвенно и лишено всякого разумного основания было и само, покоившееся на этой критике, заключение. Вместо этого, наиболее простого и «экономного» способа выяснения спорных вопросов, наш автор, по весьма прозрачным побуждениям, предпочитает иной путь. Неожиданно и «с места в карьер» он обрушивается на ту характеристику роли интеллигенции, которую мы дали в положительной части рецензии, и переходя в наступление по всей линии, восклицает: «...Чтобы интеллигенция как целое представляла собою «особую самодовлеющую силу»—это мнение во всяком случае не мое, а скорее самого автора рецензии».

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Из критика мановением волшебного пера Н. Попова мы превращены в обвиняемого и, странное совпадение, как раз по тому же «делу», в котором видели «грех» автора книги.

Но соответствует ли действительности это обвинение? В этом весь вопрос.

В цитированном выше положении, коснувшись источника ошибок Н. Попова, мы продолжали: «Эту концепцию (Н. Попова. *Э. Г.*) необходимо перевернуть, поставив ее на ноги. Не интеллигенция в борьбе за свои интересы использовывает другие классы (точка зрения Н. Попова. *Э. Г.*). Этого в «природе» не бывает. В действительности же другие классы—главным образом буржуазия, а также пролетариат и крестьянство,—использовывают в качестве «идеологов» и организаторов своей борьбы интеллигенцию. Поэтому последнюю нельзя рассматривать как нечто единое, а следует помнить, что в капиталистическом обществе, продуктом которого интеллигенция является, она политически выступает не столько как интеллигенция вообще, сколько как буржуазная, пролетарская и мелко-буржуазная интеллигенция» («Большевик» № 3, стр. 77—78).

Стоит только сопоставить эту цитату с тем обвинением, которое тщится нам «пришить» автор рецензированной книги, чтобы убедиться, насколько основательна его контр-критика в данном вопросе.

Но на этом наш автор не останавливатся. После нашей критики и в противовес ей он выдвигает свое понимание этого вопроса. Вот оно: «В отличие от Эм. Газа я считаю, что в капиталистическом обществе интеллигенция не по большей части (?), не «постольку-поскольку» (?), а всегда выступает как представительница или как часть (?) определенного класса (классовой прослойки): крупной буржуазии, мелкой буржуазии, пролетариата» («Большевик» № 5, стр. 76).

«Обжегшись на молоке, начнешь дуть на воду»—скажем мы по поводу этого странного оборота. Если в своей книге Н. Попов только и видел, что мелко-буржуазную интеллигенцию, заполнившую своей борьбой всю арену истории, то теперь, в своем ответе—он по существу лишает интеллигенцию права на существование, так как пристегивает ее к другим классам (классовым прослойкам) «как часть». Но, быть может, Н. Попов не пожелает сделать этого, логически неизбежного вывода из его определения? Тогда... мы не видим для него другого выхода, кроме присоединения к нашей формулировке.

Вдоволь поговорив об интеллигенции «вообще», Н. Попов спохватывается. Приведя одно из цитированных нами в рецензии мест своей книги, он замечает: «Правда, в этой цитате Эм. Газ пытается найти у меня другую погрешность, отрыв народничества 70-х годов от мелкого производителя, от крестьянства» («Большевик» № 5, стр. 77).

Именно так, именно эту, а не какую-либо другую погрешность критиковали мы в книге Н. Попова по данному вопросу; именно на этой (хотя не только на этой) погрешности обосновывали мы свойственное нашему автору «лавристское» представление об интеллигенции. Однако, прежде чем перейти к разбору аргументов Н. Попова, восстановим вкратце картину спора.

Что, собственно, критиковали мы в той части книги Н. Попова, которая посвящена народничеству? Полное непонимание автором социально-классовой сути этого движения. В чем это непонимание выразилось? В том, что, по мнению Н. Попова, «...если с классовой точки зрения подойти к движению революционеров-народников 70-х годов, то мы увидим в этом движении определенные интересы мелко-буржуазной интеллигенции и «только» («Очерки», стр. 26). Приведя эту цитату из книги Н. Попова, мы спрашивали в своей рецензии: «Достаточна ли такая точка зрения на народничество, как на движение, выражавшее «только» интересы мелко-буржуазной разночинной интеллигенции?» И, отвечая отрицательно, мы ссылались на следующее место из В. И. Ленина: «Сущность народничества—представительство интересов производителей с точки зрения мелкого производителя, мелкого буржуа. Г. Струве... назвал народничество «национальным социализмом». Вместо «национальный» следовало бы сказать «крестьянский»—по отношению к старому русскому народничеству (т.-е. 60-х, 70-х г.г. *Э. Г.*) и «мещанский» по отношению к современному (т.-е. 90-х г.г. *Э. Г.*). «Источник» народничества—преобладание класса мелких производителей (крестьян и кустарей. *Э. Г.*) в пореформенной капиталистической России» (Собр. сочин., т. VI, стр. 61).

Стоит сравнить эти две цитаты (Н. Попова и В. И. Ленина), чтобы увидеть, что при оценке народничества они исходят из совершенно различных положений. Поэтому, сопоставив этих двух авторов и согласившись с последним, мы пришли к следующему выводу: «...Именно это основное в народничестве — представительство интересов мелких производителей»—ухитрился совсем не заметить тов. Попов («Большевик», № 3, стр. 97).

Теперь, когда суть спора ясна, послушаем по данному вопросу Н. Попова. В своем ответе он пишет: «Чтобы убедить меня в связи народничества 70-х годов с крестьянством, Эм. Газ приводит даже (?) цитаты из Ленина. Но здесь он совершенно напрасно, хотя и вооруженный с ног до головы цитатами из Ленина (помилуйте, Н. Попов ведь всего одна—единственная цитата! *Э. Г.*), ломится в открытую дверь».

Последнее образное выражение должно, очевидно, выражать полную солидарность нашего автора с В. И. Лениным. Запомнив это, перейдем к дальнейшему. «Ибо в самом начале книги на стр. 7,—пишет Н. Попов,—я говорю о представителях нашей народнической интеллигенции 70-х годов: «Они остаются плоть от плоти, кость от кости тех общественных слоев, откуда они вышли: мелкого мещанства, крестьянства (курсив мой. *Н. П.*), чувствовавших на себе всю тяжесть государственной, полицейской, бюрократической машины».

И на той же странице несколькими строками ниже: «Это одно (полуазиатский характер государственного строя. *Н. П.*) порождает среди развивающейся интеллигенции, частью связанной с растущей буржуазией, частью с освобожденным крестьянством (курсив мой. *Н. П.*)[1]), известное недовольство существующим строем» («Большевик» № 5, стр. 77).

Таковы те цитаты из книги Н. Попова, которые автор смог привести в своем ответе, дабы доказать неверность нашей критики и свою солидарность с В. И. Лениным. Но доказывают ли они это? Нисколько,—скажет всякий непредубежденный читатель. Наоборот, они являются лучшим подтверждением правильности нашей критики и лучшей демонстрацией коренного расхождения, которое существует между взглядами В. И. и нашего автора,—расхождения, ставшего источником ошибок Н. Попова по данному (и не только по данному) вопросу.

Методологически это расхождение сводится к следующему. В то время, как для всякого марксиста вопрос о классовой природе той или иной партии решается анализом всей суммы ее теоретических идей и, главное, практических действий, для Н. Попова этот вопрос без остатка решается только анализом социального состава участников и деятелей этой партии.

В свое время Маркс, разбирая классовый характер французской социал-демократии, мелко-буржуазной партии эпохи революции 1848 года, писал: «Еще меньше следует думать, что демократические представители—все только лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и личному положению в обществе они могут быть, как небо от земли, далеки от них.

Представителями мелкого буржуа их делает то, что в своем сознании они не переступают тех границ, за которые не выходит в жизни мелкий буржуа, что они поэтому теоретически приходят к тем же задачам и лозунгам, на которые мелкого буржуа практически наталкивает его материальный интерес и общественное положение. Таково вообще отношение между политическими и литературными представителями какого-нибудь класса и классом, который они представляют» (Собр. сочин. Маркса и Энгельса, т. III, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»).

Характеризуя народничество, Ленин утверждает: «Философствование о возможности иных путей для отечества», это только внешнее облачение народничества. Содержание же его—представительство интересов и точки зрения мелкого производителя, мелкого буржуа. Поэтому, народник в теории точно так же является Янусом, как в жизни является Янусом мелкий производитель, который смотрит одним ликом в прошлое, желая укрепить свое хозяйство, не зная и знать ничего не

[1]) Обращаем внимание читателя, что центр тяжести аргументации Н. Попова в приведенных цитатах по существу сводится к подчеркиванию слова «крестьянство» в то время, как в тексте книги курсивом набрано почти всюду слово «интеллигенция». Это «курсивное увлечение», как нельзя лучше, хотя и косвенно, выдает с головой нашего автора. Заслуживает также быть отмеченным и то, что крестьянство вовсе не играло столь значительной роли в формировании пореформенной интеллигенции, как это хотелось бы представить Н. Попову. Мелкое чиновничество, захолустное духовенство и даже дворянство — таковы те группы общества, которые, помимо крестьянства и мещанства, сыграли очень большую роль в формировании интеллигенции. Но это только между прочим.

желая об общем экономическом строе и о необходимости считаться с заведующим им классом,—а другим ликом в будущее, настраиваясь враждебно против разоряющего его капитализма» (Собр. сочин., т. II, стр. 155)[1]).

Подведем теперь итоги. Критикуя точку зрения Н. Попова в своей рецензии, мы писали: «Было бы неверно отрицать, что всеми условиями своего существования значительная часть пореформенной интеллигенции толкалась в резкую оппозицию господствующему режиму. Но сам по себе этот факт исторически очень значительный, так как им создавалась важнейшая предпосылка народничества, не в состоянии все же исчерпывающе об'яснить его социально классовую суть, т.-е. как раз то, к чему сводится задача марксистского анализа» («Большевик» №. 3, стр. 96).

Этого то и не понял Н. Попов ни в своей книге, ни в своем ответе на нашу рецензию. Подменив общий и решающий вопрос о классовой природе партии, хотя и важным, но все же частным и подчиненным критерием социальной характеристики личного состава участников и носителей движения [2]), он и пришел к своей теории всеоб'емлющей мелкобуржуазной интеллигенции, творящей историю по своему образу и подобию.

Аналогичную ошибку, вытекающую из того же источника, делает Н. Попов и по вопросу о «легальном марксизме». Схема нашего автора чрезвычайно проста и примитивна. Если раньше, как мы видели, мелко-буржуазная, разночинная интеллигенция в борьбе за свои интересы, в борьбе против бюрократического, полицейского режима самодержавия сделала попытку опереться на крестьянство,—откуда—крестьянский уклон, то впоследствии, убедившись, что эта опора ненадежна, что «роман» с крестьянством бесплоден, мелко-буржуазная интеллигенция решает опереться на рабочий класс,—откуда—марксистский уклон. Приведя в своей рецензии соответствующие места из книги Н. Попова, мы обращали внимание читателя на следующее противоречие: «Теперь пусть судит читатель, что получается у т. Попова. Народничество—это попытка разночинной

---

[1]) Вульгаризируя марксизм, ограничиваясь поверхностью движения, Н. Попов дает нам такое законченное определение народничества: „...Это был социализм неоформленный, в достаточной степени расплывчатый, отражавший на себе неопределенность и промежуточность классового положения так наз. разночинной интеллигенции, которая являлась его носителем, при чем он имел определенный крестьянский уклон". Откуда же взялся этот „уклон?" „Интеллигенции, нуждающейся в политических реформах, чувствовавшей на себе самодержавный гнет, нужно было на кого-нибудь опереться в борьбе с самодержавием. На кого же она могла опереться?" Ответ ясен: на крестьянство („Очерки", стр. 8). Чтобы читатель понял, какие политические выводы вытекали из этого анализа, кстати сказать, даже в выражениях совпадающего с тем анализом, который давал Маркс мелко-буржуазной партии 1848 года во Франции, приведем следующее за этим место: „Понятно отсюда, что отвергать всю народническую программу целиком, без разбора, было бы абсолютно неправильно. В ней надо строго отличать ее реакционную и прогрессивную стороны". Забегая вперед укажем, что этого никогда не понимали меньшевики—откуда их теоретически фальшивая, а практически ренегатская идея о роли крестьянства в нашей революции.

[2]) Кто, например, станет отрицать, что несмотря на рабочий состав германская социал-демократическая партия отнюдь не является пролетарской по существу своей политики?

интеллигенции опереться на крестьянство в борьбе за свои «собственные интересы». «Легальный марксизм»—та же разночинная интеллигенция в борьбе за те же «собственные интересы» пытается опереться на рабочий класс. Но ведь всякому известно, что «марксизм» Струве, Туган-Барановского и т. д. занимал позицию диаметрально противоположную народничеству. Первый исходил под флагом марксистской фразеологии из интересов капитала, последний из интересов труда (мелких производителей), хотя и плохо понятых и еще хуже защищаемых» («Большевик» № 3, стр. 97).

Как опровергает в своем ответе это положение Н. Попов? Довольно своеобразно: он не считает даже нужным опереться на какие-либо доказательства из своей книги, сослаться на какие-либо мысли в ней, чтобы показать, что мы их не «поняли», или даже «извратили». Верный своей методе, он «с места в карьер» переходит в атаку против нашего толкования этого вопроса, противопоставляя ему свое. Таким образом, получается довольно веселая история: мы критиковали в рецензии Н. Попова—автора книги, в ответе же перед нами выступает тоже Н. Попов, но упорно молчащий о тех взглядах, которые были изложены им в книге, явившейся об'ектом нашей критики.

«Борьба между легальным марксизмом и народничеством,—пишет наш автор,—отражала крупные социальные процессы, происходившие в нашей стране, и вместе с тем отражала пестрый, разноцветный характер нашей мелко-буржуазной интеллигенции. Та часть ее, которая представляла городское мещанство (связанное с буржуазией, с одной стороны, с пролетариатом—с другой), тяготела к легальному марксизму (и к экономизму), другая часть интеллигенции, связанная с крестьянством (в том числе и с его верхушечными слоями), тяготела к народничеству» («Большевик» № 5, стр. 77—78). Святая истина, что борьба между народничеством и «легальным марксизмом», «отражала крупные социальные процессы»... Но ведь задача в том и заключается, чтобы вскрыть и об'яснить эти «процессы». В своей рецензии мы по возможности эту работу выполнили. Но приведенная там схема кажется Н. Попову «смехотворной» [1]).

---

[1]) Чтобы читатель мог самостоятельно судить о степени верности критической оценки Н. Попова, приведем эту грубую и нарочито заостренную схему, как писали мы в рецензии, целиком.

Если... мы подойдем к той идейной борьбе, которая в 90-х годах происходила между революционным марксизмом и народничеством, с одной стороны, между «легальным марксизмом и народничеством, с другой, то мы сразу увидим, что здесь не интеллигенция вообще боролась за свои собственные интересы, а три различные группы интиллигенции в своей борьбе, представительствуя три различных класса, «оружием критики» предвосхищали грядущую «критику оружия».

Революционный марксизм означал классовую эмансипацию пролетариата, его выделение из сплошного крестьянского моря, и соответственно, революционные марксисты, в лице Плеханова, Ленина и т. д., сбрасывая с себя «ветхого Адама» народничества и переходя на сторону пролетариата, становились пролетарской интеллигенцией.

«Легальный марксизм» был своеобразной формой самоопределения буржуазии, и соответственно, в лице Струве, Туган-Барановского и т. д. создавались кадры буржуазной интеллигенции.

И наконец, третьей, мелко-буржуазной, группой интеллигенции было народничество, смотревшее на вещи глазами мелкого производителя, разоряемого капитализмом («Большевик» № 3, стр. 98).

Но что же дает нам взамен этой «смехотворной» схемы наш автор? Одну тощую и ничего не говорящую плоскую фразу о каких-то «крупных социальных процессах»... А затем он спокойно возвращается на свою излюбленную колею, к мелко-буржуазной интеллигенции, надеясь в ее «пестром, разноцветном характере» найти разрешение всех тревожащих его вопросов. На этом пути он, как и следовало ожидать, терпит крушение, ибо как иначе назвать то об'яснение, которое мы выше привели в изложении Н. Попова.

А теперь по поводу того кавалерийского рейда, которому подверглась наша рецензия со стороны Н. Попова. «Борьба легального марксизма с народничеством,—пишет он,—вовсе не была борьбой между интересами капитала и труда, как хочет нас уверить Эм. Газ. Если бы мы стали на эту более чем странную точку зрения, то пришлось бы признать, что Ленин и Плеханов, выступавшие одно время вместе с легальными марксистами против народников, защищали интересы капитала против интересов труда» («Большевик» № 5, стр. 77) [1]). Сей, с позволения сказать, аргумент Н. Попов считает неотразимым. Для этого он не постеснялся произвести над нашей цитатой небольшую операцию, сведя ее к голой антитезе труда и капитала.

Итак, Н. Попов не согласен с тем, что народники исходили из интересов «труда (мелких производителей), хотя и плохо понятых и еще хуже защищаемых». Вот что говорит по этому поводу автор, с которым, как знает читатель, ранее согласился Н. Попов. «Народничество отразило такой факт русской жизни, который еще отсутствовал в ту эпоху, когда складывалось славянофильство и западничество, именно: противоположность интересов труда и капитала» (Ленин, Собр. сочин., т. II, стр. 68). Комментировать эту цитату излишне, поэтому пойдем дальше.

Чьи интересы об'ективно [2]) защищали легальные марксисты в отличие от революционных? По мнению Н. Попова, «Блок легальных марксистов с революционными имел место до тех пор и постольку, пока и поскольку речь шла о защите интересов экономического развития в целом, поднятия производительных сил, в которых заинтересованы как мелко-буржуазная интеллигенция, так и пролетариат. Потом (?) внутри марксизма произошла дифференциация, некоторые из бывших легальных марксистов превратились в буржуазных либералов, перестав быть марксистами» («Большевик» № 5, стр. 78). Прежде всего отметим перманентное противоречие, свойственное нашему автору: мелко-буржуазная интеллигенция заинтересована «в поднятии производительных сил» и т. д., в то же самое время—мелко-буржуазная

[1]) В примечании к этому месту Н. Попов приводит цитату из нашей рецензии, которую он не берет в кавычки, чтобы иметь возможность ее исказить. У нас сказано: «Легальный марксизм» «исходил—под флёром марксисткой фразеологии (курсив наш. *Э. Г.*)—из интересов капитала», народничество—«из интересов труда (мелких производителей, курсив наш. *Э. Г.*), хотя и плохо понятных и еще хуже защищаемых» (см. «Большевик» № 3, стр. 97).

Подчеркнутые нами теперь места показывают «случайные» пропуски щепетильного автора.

[2]) Мы говорим об'ективно, потому, что вопрос о суб'ективных намерениях и целях Струве и К⁰ нас, в данной связи, не интересует. Пусть вспомнит читатель приведенное ранее определение Маркса об отношении «между политическими и литературными представителями какого-нибудь класса и тем классом, который они представляют».

интеллигенция в лице народников упорно и тупо борется против этого самого «развития в целом»... Прямо не интеллигенция, а какой-то сфинкс! Но это только мимоходом. Верно ли утверждение Н. Попова, что к вопросам «экономического развития» в целом одинаково подходили «легальные марксисты» и революционные; что только потом (когда?) «легальные марксисты» превратились в буржуазных либералов, а вначале были «внутри марксизма»? Начнем с последнего. Если бы утверждение Н. Попова было верно, то тогда следовало бы признать преувеличением, даже ошибкой то выступление Ленина против Струве осенью 1894 г., в котором он называл работу последнего «отражением марксизма в буржуазной литературе».

В данной связи уместно вспомнить и следующее положение, выдвинутое т. Лениным в «Что делать?»: «Ни для кого не тайна,—писал он,—что кратковременное процветание марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзом людей крайних с людьми весьма умеренными. В сущности эти последние были буржуазными демократами, и этот вывод (до очевидности подкрепленный (только подкрепленный) их дальнейшим «критическим» развитием) напрашивался кое перед кем еще во времена целости «союза». (Собр. сочин., т. V, стр. 128, курсив наш *Э. Г.*).

Конечно, между Струве 1894 г. и Струве 1905 г. существует большая разница [1]). В 1894 г. Струве был буржуазным либералом in nuce (в зародыше). Это так. Но из этого еще не следует, что он не был буржуазным либералом уже и тогда. Марксистом (без кавычек) Струве никогда не был; буржуазным идеологом—всегда. Поэтому-то идейная эволюция Петра Струве есть лучшее зеркало жизненной эволюции его «госпожи»—российской буржуазии [2]).

Разницу в подходе к «защите интересов экономического развития в целом» революционных марксистов и «легальных» и классовый смысл «критических» упражнений последних хорошо вскрывает Г. В. Плеханов. «Они (Струве и К⁰) «пересмотрели» теории Маркса с точки зрения «реализма» и в результате их «пересмотра» получилась такая доктрина, которая, давая положительное об'яснение капитализму, в то же время отказывалась об'яснить его «неизбежное падение», анализировать его с его «преходящей стороны» (что делали революционные марксисты. *Э. Г.*). С этой стороны, «пересмотренный нашими «критиками», Маркс анализирует только старые, докапиталистические способы производства и вырастающие на их основе политические формы (т.-е. является удобным средством для борьбы с народничеством и крепостническими методами само-

[1]) Еще большая разница существует между Струве 1905 г. и Струве 1925 г.—редактором «Возрождения».

[2]) Эту подоплеку Струве хорошо вскрыл В. Воровский: «Несамостоятельность русских «критиков» в их методах борьбы с ортодоксией являлась отражением того факта, что по существу они были не мелко-буржуазными ревизионистами (наподобие самого Бернштейна), а идеологами буржуазного либерализма, не обретшими еще самих себя».

См. сб. «Памяти К. Маркса», статья П. Орловского, стр. 174, курсив наш. Э. Г.

См. также по этому вопросу предисловие т. Л. Каменева к второму тому собр. сочин. В. И. Ленина.

державия. *Э. Г*). Таким образом, наш «неомарксизм» является самым надежным орудием русской буржуазии в борьбе ее за духовное господство в нашей стране» (Собр. сочин., т. VI, стр. 270—271).

Эта блестящая характеристика целиком приложима к «Критическим заметкам» Струве. Ленинская критика этой книги идет всецело по этой линии. Но если это так, если «легальный марксизм» выковывал, по выражению Плеханова, «надежное оружие русской буржуазии», то это и значит, что Струве и его «критические» друзья при оценке современной действительности (экономической и политической) исходили из интересов капитала.

Юмор Н. Попова насчет того, что «по смехотворной схеме Эм. Газа... легальные марксисты были простыми (?) защитниками капитала», мало смешит. Но в том-то и дело, почтенный автор, что если бы «легальные марксисты» были «*простыми*» защитниками капитала, тогда и Вы наверно без труда распознали бы их классовую природу. Тогда нам не пришлось бы об'яснять Вам этого ни в нашей рецензии, ни здесь. Но, увы, тот факт, что они были не «простыми», а *учеными, идейными вождями* буржуазии, скрыл от Вас их истинный смысл и заставил нас предостеречь читателя от следования по Вашему пути.

II.

Высоты *фальшивого морализма* достигает в своем ответе Н. Попов при разборе той части нашей рецензии, которая была направлена против искажения им отношения партии к крестьянскому движению. Займемся этим вопросом.

В чем видели мы *ошибку* автора книги в этом сугубо важном вопросе? В том,—писали мы в рецензии,—что то «*различное* отношение партии пролетариата к *различным* слоям крестьянства на *различных* этапах исторического развития», которое «всегда составляло характерную и отличительную черту большевизма»,—осталось совершенно не освещенным в книге Н. Попова. Основу подхода нашей партии к крестьянскому движению мы изложили следующими словами Владимира Ильича: «Мы поддерживаем крестьянское движение,—писал Ленин в 1905 г.,—поскольку оно является революционно-демократическим. Мы готовимся (сейчас же, немедленно готовимся) к борьбе с ним, поскольку оно выступит как реакционное, противопролетарское. Вся суть марксизма в этой двоякой задаче, которую упрощать и сплющивать в единую простую задачу могут только не понимающие марксизма люди» (Собр. сочин., т. VI, стр. 449).

И дальше продолжали мы: «Этот глубоко диалектический подход к вопросу, конкретно нашедший свое выражение в том, что одновременно с решительным призывом всего крестьянства на борьбу против помещичьего государства, наша партия столь же решительно подчеркивала необходимость «*во всех случаях и при всех обстоятельствах самостоятельной организации сельско-хозяйственного пролетариата*» (из резолюции III с'езда, цит. по Ленину, т. VI, стр. 499), остался совершенно не выясненным у тов. Попова». Почему мы сочли необходимым подчеркнуть эту ошибку автора книги? Потому что,—писали мы,—«он (автор) *усиленно и неоднократно подчеркивает*, что наша революция, в случае

своего успеха *станет прологом революции социалистической*, но при этом *ни разу* не отмечает той *двоякой задачи* партии по отношению к крестьянскому движению, которую мы выше изложили словами Владимира Ильича. Да будет Вам ведомо, тов. Попов,—продолжали мы,—что *именно в ней*, *в этой* «*двоякой задаче*», которую Вы «упростили и сплющили», дана *действительная возможность перехода* от революции буржуазно-демократической к революции социалистической. Не понимая этого, всуе повторять, что наша первая революция в случае своего успеха могла явиться прологом революции социалистической» («Большевик» № 3, стр. 99, курсив наш. *Э. Г.*).

Что имеет сообщить нам по этому поводу Н. Попов—автор ответа на нашу рецензию? Мы просим читателя заранее приготовиться к тому, что ему придется услышать весьма диковинные вещи. Впрочем, начнем по порядку.

«Эм. Газ, якобы в противовес мне,—пишет Н. Попов,—заявляет, что большевики подчеркивали необходимость «во всех случаях и при всех обстоятельствах самостоятельной организации сельского пролетариата». Очень приятно. Я это знаю сам нисколько не хуже Эм. Газа и говорю об этом на стр. 228 своей книги, касаясь IV с'езда». («Большевик» № 5, стр. 79).

Очень, очень жаль, что наш вообще многоречивый автор, на сей раз ограничился только неопределенной ссылкой на такую-то страницу своей книги. Проделаем за него эту, очевидно, ему не совсем приятную работу. Раскрываем книгу и после упорных поисков находим, что в числе многих поправок, внесенных большевиками в аграрную программу на IV с'езде, была и поправка «об охране интересов сельско-хозяйственного пролетариата».

Мы не знаем, какого мнения о читателях держится наш автор; во всяком случае эта попытка, одной строчкой (буквально) констатирующей определенный факт в ряду других, опровергнуть нашу критику говорит о том, что не слишком высокого. Ибо всякому, кто сравнит эту ссылку на стр. 128 с тем вопросом, о котором речь идет в нашей рецензии, сразу станет ясным, что эта ссылка есть не что иное, как замаскированная попытка к бегству от существа обсуждаемого вопроса.

«Оказывается в распоряжении Эм. Газа,—продолжает наш автор,—имеется самое решающее обвинение против меня. По его словам, я полагаю, что крестьянство в целом должно остаться союзником пролетариата и после доведения буржуазно-демократической революции до конца и после перерастания ее в революцию социалистическую». Как же доказывается, что эта наша критика была неправильна? Чрезвычайно показательно для характеристики нашего ожесточенного полемиста. Приводятся всего-на-всего два *примечания* (о том, что вторая цитата также является примечанием, Н. Попов благоразумно умалчивает. Должно быть и самому неудобно сделалось, что все решающие места книги вдруг оказываются рассованными по примечаниям)[1].

Но это было бы еще с полбеды. Вся беда в том, что обе приводимые Н. Поповым цитаты так-таки никакого отношения

[1]) Л. *Фейербах* метко замечает: «*Пространственное* отграничение и различение относятся... к мудрости писателя».

к обсуждаемому вопросу не имеют и выдернуты из контекста книги только потому, что... других более доказательных цитат Н. Попов, при всем желании, в книге обнаружить не мог.

Первая цитата (примечание на стр. 91) относится к вопросу о необходимости «участия социал-демократии во временном революционном правительстве, вторая (примечание на стр. 98)—о замене лозунга «демократической диктатуры лозунгом социалистической диктатуры пролетариата»...; обе, как это может убедиться читатель, прочтя указанные страницы, ни с какой стороны сами по себе не разбирают вопроса об отношении нашей партии к «различным слоям крестьянства на различных этапах революции». Не правда ли, довольно неожиданный способ доказательств? «По-человечески» мы вполне сочувствуем нашему автору: безвыходное положение не позволяет особенно считаться с какой-то там логикой и истиной. Но по «должности» мы вынуждены квалифицировать эти полемические красоты Н. Попова, как засорение читательских глаз песком не относящихся к делу цитат.

Мы допускаем, что неправильно поняли одно из неясно выраженных положений Н. Попова о соотношении пролетариата и крестьянства, по поводу чего он обвиняет нас в фальсификации и поднимает такой шум[1]). Чтобы читатель мог убедиться в том, что рассуждения Н. Попова по вопросу об отношении к крестьянству, оставляют желать большей ясности и определенности, обратимся, например, к тому, как автор оценивает отношение меньшевиков к крестьянскму движению.

Указывая отличие большевистской точки зрения от меньшевистской (и эсеровской), мы писали в рецензии, что меньшевики «зачисляли крестьянство в лагерь реакции». Вот это-то утверждение и не нравится Н. Попову. По его мнению, «сказать, что меньшевики сплошь зачисляли крестьянство в лагерь реакции, значит иметь очень туманное и путанное представление об истории нашей революции и нашей партии». Ибо на самом деле «меньшевики в отличие от большевиков не дооценивали революционного значения крестьянского движения»... («Большевик» № 5, стр. 79).

Мы не имеем возможности в узких рамках ответа на ответ вдаваться в подробный анализ теории и практике меньшевизма по данному вопросу.

Однако, мы можем, и это будет вполне достаточным для нашей цели, сослаться на кое-кого из писателей, занимавшихся этим анализом.

Вот, например, как характеризует точку зрения меньшевизма по данному вопросу один весьма известный автор. «Особенность русского оппортунизма в марксизме, т.-е. меньшевизма в наше время, состоит в том, что он связан с доктринерским упрощением, опошлением, извращением буквы марксизма, изменой духу его... Воюя с народничеством, как с неверной доктриной социализма, меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически-реальное и прогрессивное исторически содержание народничества, как теории мелко-буржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского» против капитализма «прусского». Отсюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея (насквозь пропитавшая и «Общ. движение»), что крестьянское движение реакционно (последний курсив наш. *Э. Г.*), что кадет прогрессивнее трудовика, что «диктатура пролетариата и крестьянства» (классическая постановка) противоречит «всему ходу хозяйственного развития» (стр. 661 ме-ковского «Общ. движения»)[1]). «Противоречит всему ходу хозяйственного развития»—это ли не реакционность?»

[1]) Но если даже допустить, что приведенная нами цитата относится не к крестьянству, а к либеральной буржуазии, то остается все же неясным, что же означает следующая за этой цитатой фраза: „Крестьянская масса ...не имеет основания бояться социализма"...? И почему Н. Попов в своем ответе не раз'яснил нам ее смысл, в данной связи, хотя мы усиленно ссылались на нее в своей рецензии.

По известному нам уже мнению Н. Попова, эта цитата, несомненно, принадлежит автору, имеющему «очень туманное и путанное представление об истории нашей революции и нашей партии». Сама же цитата «является, конечно, сплошным стопроцентным вздором». Увы, автором, которому эта цитата принадлежит, является не кто иной, как... Владимир Ильич Ленин; саму же цитату читатель может прочесть на стр. 315, ч. 1, XX тома, собр. сочин.

Пожалуй, этим можно было бы ограничиться. Но мы считаем не лишним привести Н. Попову свидетельство и другого автора, тем более, что этот последний, по всем данным, является для него не менее непогрешимым, чем сам римский папа.

Отметив те обвинения в народничестве, эсерстве, крестьянском уклоне, которые сыпались на нашу партию со стороны меньшевиков, этот автор пишет:

«Меньшевики заявляли: мы стоим за самостоятельную классовую линию пролетариата, мы против об'единения с крестьянством—крестьянство есть сила полуреакционная; крестьянство, в конце концов, выступит против нас;... что касается либеральной буржуазии, то она есть класс прогрессивный».

Несомненно, что и этот писатель, по классификации Н. Попова, имеет более или менее туманное и путанное представление об истории нашей революции и нашей партии», очевидно, что и сама цитата является, по меньшей мере, пятидесятипроцентным вздором. Но не будем мучить читателя догадками и раскроем псевдоним этого автора. Приведенная цитата принадлежит... Н. Попову, автору «Очерков по истории Р. К. П.» (стр. 112, курсив наш. *Э. Г.*).

Таким образом, Н. Попов—автор ответа—не лишен в некоторой степени своеобразного мужества. Напав со всей отвагой на точку зрения нашей рецензии по данному вопросу, он не только зачислил В. И. Ленина в компанию людей, имеющих «очень туманное и путанное представление об истории нашей революции и партии, но даже не убоялся зачислить в нее Н. Попова—автора книги, т.-е. самого себя. Если это не слишком последовательно, то зато по крайней мере оригинально.

Два слова о «комбедах», природу и роль которых неправильно осветил в своей книге Н. Попов, сводя их только к ак-

[1]) Речь идет о меньшевистском пятитомнике (фактически вышло 4 тома) «Общественное движение в России в начале XX века», выходивщем в 1909—1912 г.г. под редакцией Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Автор имеет в виду статью П. Маслова «Развитие народного хозяйства и влияние его на борьбу классов в XIX в.», т. I.

тивной поддержке «*выкачиванию из деревни хлеба для советской власти*...» По существу, хотя и под покровом ничего не говорящих фраз, наш автор свою ошибку *признал*. Единственное, на что мы хотели бы обратить внимание читателя это — на ту замечательную «историко-философическую» теорию, которую мимоходом развил Н. Попов. «... Эм. Газ,—пишет он,—называет комбеды органами социалистической революции и диктатуры пролетариата в деревне». Мне кажется, что называть их так теперь (?sic!) не годится, хотя это можно было делать в 1918 году» («Большевик» № 5, стр. 81).

Что хочет этим сказать наш автор? Что сейчас комбеды не существуют, а потому называть «их так теперь не годится»? Или, быть может, это касается *исторической оценки*? Но тогда мы напомним нашему автору, что:

То, что жизнью взято раз,
Не в силах рок отнять у нас.

Впрочем, очевидно, Н. Попов и сам не знает, что, собственно, он хотел сказать в стремлении посторонними фразами обойти свою ошибку.

Таков «*баланс*» наших споров по «основным ошибкам» Н. Попова—автора книги и автора ответа на нашу рецензию. Полагаем, что мы не вступим в противоречие с истиной, если скажем, что он складывается далеко не в пользу нашего автора.

III.

Перейдем теперь к рассмотрению ошибок более *частного* порядка, сделанных Н. Поповым в своей книге и отмеченных в нашей рецензии.

Остановимся в первую голову на трактовке нашим автором нэпа. Верно ли, что нэп был, *в конечном счете*, продиктован нам затяжкой мировой революции, как утверждает в своей книге Н. Попов?[1]). Отвечая в своей рецензии на это *отрицательно*, мы давали там иное об'яснение этому вопросу. *Правильность* нашей критики вынужден теперь, хотя и окольными путями и со свойственными ему вывертами, признать и Н. Попов.

«Само собой разумеется,—пишет он,—если бы моя книга была сдана в печать после XIV с'езда и даже накануне с'езда, пришлось бы заострить и дополнить многие ее формулировки не только насчет нэпа» («Большевик» № 5, стр. 81). Конечно, если бы мы стали на ту точку зрения, что правильное понимание нэпа и его точная формулировка обязательны для авторов книг и преподавателей комвузов только накануне последнего с'езда или даже после него, тогда... тогда Н. Попов был бы совершенно прав, негодуя на нашу критику. Но так как мы на этой точке зрения не стоим и так как мы считаем, что XIV партийный с'езд *ничего принципиально нового* в понимание нэпа

[1]) «...Ибо с этой затяжкой мировой революции было связано наше варшавское поражение, ибо с этой затяжкой мировой революции был связан кризис советской власти, из которого единственным выходом являлся нэп» (см. «Очерки», стр. 272).

не внес, то мы сочли своим долгом предостеречь учащихся—возможных читателей книги Н. Попова—от его неверной трактовки этого вопроса. Видеть в этом нашу «вину», значит попросту валить с больной головы да на здоровую.

Но Н. Попов не ограничивается этими, так сказать, «календарными» доводами. Косвенно признавшись в своей ошибке («формулировка нуждается в заострении и дополнении»), он через пару строк, как ни в чем не бывало, продолжает: «Но то, что есть в книге, нисколько не противоречит точке зрения партии на нэп». «У меня в книге сказано, что причиной перехода партии от военного коммунизма к нэпу был кризис советской власти, хозяйственные затруднения. Были ли связаны они с затяжкой международной революции? Разумеется, были. Так это понимала и *осязала* в свое время (?) партия» («Большевик» № 5, стр. 81—82).

Неприятно ловить своего оппонента на некрасивых приемах. Но мы вынуждены это сделать. Разве кто-нибудь когда-либо отрицал, что затяжка международной революции сыграла значительную роль как в нашем переходе к нэпу, так и в формах его осуществления? Но разве в этом указании видели мы ошибку Н. Попова? Разве не отмечали мы сами в нашей рецензии *связь* между этими явлениями? [1]).

И разве *эту* мысль о *связи* хозяйственных затруднений с затяжкой мировой революции хотел выразить Н. Попов, когда писал в своей книге: «Таким образом, советская власть произвела отступление и вернулась к условиям *капиталистического обращения* товаров, к условиям *свободной торговли*. В этом заключалась громадная уступка советской власти, *в конечном счете продиктованная затяжкой мировой революции*»... («Очерки», стр. 272, послед. курсив наш. *Э. Г.*)? Конечно, нет—скажет читатель. Ибо всякому понятно, что «связь» и «в конечном счете продиктованная»—не одно и то же.

Два слова о варшавском поражении. Здесь совершенно напрасно Н. Попов выдвигает целую батарею военно-стратегических, тактических и иных соображений. В своей рецензии мы обращали внимание читателя не на *фактическое* описание в книге Н. Попова причин и условий этого поражения, а только на неувязку его взглядов по данному вопросу. Короче говоря, мы полагали, что в книге существует неясность в изложении *определяющей* причины варшавского поражения. Это и только это мы отметили в своей рецензии. Таким образом, весь набор доказательств, приведенных Н. Поповым в его ответе, бьет мимо цели.

Несколько замечаний о *ленинизме*. В своей книге Н. Попов проявил полнейшее непонимание этого—надеюсь читатель согласится—важного вопроса [2]). Исходя из того, что «нужно истину всегда повторять, ибо заблуждение также все снова и снова повторяют вокруг нас» (Гете), мы сочли себя обязанным

[1]) «Нет сомнения, что затяжка мировой революции, изолировавшая нашу революцию в кольце враждебных капиталистических государств, обострила вопрос о переходе к нэпу (см. «Большевик» № 3, стр. 100).

[2]) «*Метод ленинизма*... является приложением марксизма к практике» (приводим эту формулировку в сокращенном виде. См. «Очерки» стр. 54).

указать читателям на ошибку Н. Попова по данному вопросу. Не ограничиваясь этим, мы кратко изложили и то понимание этого вопроса, которое можно считать общепринятым в нашей партии. Н. Попов не отрицает того, что его определение ленинизма было неверно, но при этом он считает своим приятным долгом обругать своего рецензента за то, что тот обратил на это внимание читателей. Поразительный автор!.. Неподражаемый автор!..

Последнее, на чем мы остановим внимание читателя,—это на вопросе об отношении большевиков и меньшевиков к профессиональным союзам в период 1905 года и Стокгольмского партийного с'езда (апрель 1906 г.). Этот вопрос заслуживает, несомненно, самого тщательного рассмотрения, и потому мы на нем задержимся по возможности подробно.

Какую фактическую неточность в книге Н. Попова отметили мы в своей рецензии по данному вопросу? Утверждение Н. Попова, что на IV с'езде партии, «по вопросу о профсоюзах... была принята меньшевистская резолюция. Меньшевики считали, что профессиональные союзы должны быть нейтральными и совершенно независимыми от партии». В противовес этому мы указывали, что «резолюция о профсоюзах, внесенная на с'езд комиссией, куда входили представители обоих фракций, была принята с'ездом единогласно». И дальше, сославшись на соответствующее место у Ленина по этому вопросу, мы продолжали: «Только на Лондонском с'езде наша партия становится на точку зрения «теснейшего сближения союзов с партией» (см. Ленин, т. VIII, стр. 489) («Большевик» № 3, стр. 103).

Не соглашаясь с этим, Н. Попов в своем ответе открывает против нас ураганный огонь. «На Стокгольмском с'езде, выходит у Эм. Газа, большевики стояли за нейтральность союзов и только на Лондонском они перешли на точку зрения «теснейшего сближения союзов с партией». Но здесь мы вынуждены прервать нашего стремительного автора. Вынуждены прервать по той, прекрасно известной, но тщательно скрываемой нашим автором причине, что та точка зрения, против которой он выступает, принадлежит отнюдь не нам, а В. И. Ленину. Чтобы показать, что дело обстоит именно так, а не иначе, мы вынуждены будем привести ту цитату, на которую сослались в рецензии и которую, несмотря на нашу ссылку, совершенно игнорирует по понятным причинам Н. Попов. В предисловии к сборнику за 12 лет (сентябрь 1907 г.), подводя итоги истории партии за этот период, Ленин писал: «Другое замечание относится к вопросу об экономической борьбе и о профессиональных союзах. В литературе нередко превратно излагаются мои взгляды по этому вопросу. Необходимо подчеркнуть поэтому, что многие страницы в «Что делать?» посвящены раз'яснению громадного значения экономической борьбы и профессиональных союзов. В частности, я высказался тогда за нейтральность профессиональных союзов. С тех пор ни в брошюрах, ни в газетных статьях, я не высказывался иначе, вопреки многим утверждениям моих оппонентов. Только Лондонский с'езд Р. С.-Д. Р. П. и Штутгартский международный социалистический конгресс заставил меня притти к выводу, что нейтральность профессиональных союзов принципиально отстаивать нельзя. Теснейшее сближение союзов с партией—таков единственный верный принцип. Стремление сблизить и связать союзы с партией—такова должна быть наша политика...» (Собр. сочин., т. VII, стр. 483).

Читатель видит, что эта цитата не оставляет сомнений насчет того, что в своем ответе Н. Попов выступает не против нас, а против В. И. Ленина, хотя по тактическим соображениям делает вид, что это ему неизвестно. Но вся беда Н. Попова заключается в том, что взявшись толковать об этом предмете, он даже не понимает того содержания, которое вкладывалось В. И. Лениным в «нейтральность» и «теснейшее сближение союзов с партией». Вырвав эти формулировки из той конкретной исторической обстановки, в которой они выросли, он извращает их истинный смысл, ставя их на одну доску с теорией «нейтрализма» германских ревизионистов.

Мог ли когда-нибудь Ленин стоять на точке зрения признания «равноправности и равноценности партии и союзов»? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы ответить на него отрицательно. А между тем Ленин говорит о том, что он стоял до Лондонского с'езда на точке зрения «нейтральности», а резолюция, предложенная большевиками IV с'езду партии, говорит о необходимости организации «беспартийных проф. союзов». В чем же тут дело? Об'яснения нужно искать в своеобразных условиях развития русского профессионального движения. Вот как характеризует их тов. Зиновьев: «Русское профессиональное движение вскормлено и вспоено русской социал-демократией. Марксисты больше всех работали над созданием наших профессиональных союзов... У колыбели нашего рабочего профессионального движения стояли марксисты. И марксизм наложил на него неизгладимую печать». И дальше: «Считалось чем-то само собой разумеющимся, что социал-демократия будет энергично участвовать в экономической борьбе рабочих, что экономика будет тесно связана с политикой. Но вместе с тем, еще в совершенно туманных очертаниях рисовалось, какие организационные отношения будут созданы между грядущими профессиональными союзами и политической организацией. Отсюда и то, что некоторые лись даже к нейтрализму. Неясность их взглядов в этом вопросе ортодоксальные марксисты России в то время терпимо относилишь отражала тогдашнюю нерасчлененность движения, первоначальную стадию его...» (Г. Зиновьев, «Раб. партия и проф. союзы», стр. 41—42, курсив наш. *Э. Г.*).

Так обстояло дело в действительности, которую знать не хочет Н. Попов со своим шаблонерским подходом к своеобразию исторической обстановки.

А теперь мы можем перейти и к тому вопросу, который послужил предметом наших разногласий с Н. Поповым. Сославшись на Германию, наш автор продолжает в своем ответе: «Германские социал-демократы стояли и стоят за равноправность и равноценность партии и союзов, как двух самостоятельных ветвей рабочего движения. На этой точке зрения стояли и наши меньшевики. Для них нейтральность означала категорическое отрицание партийного руководства союзами» («Большевик» № 5, стр. 84).

Если эта цитата относится к периоду 1905 г.—середины 1906 г., то она совершенно неверна. В этот период меньшевики, как фракция, на точке зрения «категорического отрицания партийного руководства союзами», вопреки уверениям Н. Попова, не стояли. Доказать это нетрудно. В мае 1905 г. состоялась

первая общерусская конференция меньшевиков (в Женеве), на которой обсуждался вопрос об отношении партии к союзам. В принятой резолюции говорится (пункт 5): «Представительство союзов, признающих программу в общемарксистской организации». Комментируя это решение, тов. Зиновьев правильно замечает: «Такая постановка вопроса была в некоторых отношениях даже решительнее, чем постановка Лондонского и Штутгартского конгрессов в 1907 г.» (там же, стр. 34) [1].

Следовательно, по отношению к этому периоду утверждение Н. Попова о «категорическом отрицании партийного руководства союзами» со стороны меньшевиков можно рассматривать как продукт его личного невежества.

Пойдем дальше. Как обстояло дело на Стокгольмском с'езде? «Разумеется,—пишет Н. Попов,—комиссия Стокгольмского с'езда категорически отвергла эту (большевистскую. *Э. Г.*) резолюцию и положила в основу меньшевистскую, в которой о руководящей роли партии, конечно, не было сказано ни слова. Большевики, добившись некоторых второстепенных улучшений резолюции, от которых она не переставала быть меньшевистской, и находясь в безнадежном меньшинстве, решили не давать боя по этому вопросу (не имевшему еще в то время острого практического значения) и не выступать против резолюции на с'езде» («Большевик» № 5, стр. 84—85).

Таково мнение Н. Попова. Посмотрим же, какова его основательность. Оценивая резолюцию Стокгольмского с'езда, тов. Зиновьев пишет: «Его резолюция не была ни большевистской, ни меньшевистской. И большевики и меньшевики сходились тогда на том, что сейчас строить партийно-оформленные союзы нельзя, но что нельзя провозглашать и нейтральность союзов, а необходимо стремиться к тому, чтобы «в борьбе и агитации связать союзы с партией» (там же, стр. 48) [2].

Точно так же подходит к ней и один из виднейших руководителей профессионального движения того времени В. Ногин. Вот его мнение: «...Основная мысль и «дух» резолюции—это сплочение масс под знаменем социал-демократии и энергичная работа в союзах для установления связи между союзами и партией. Цель резолюции—не раз'единение союзов и с.-д. партии, а их сплочение. Ясно отсюда, что беспартийность союзов [3]) предполагалась как нечно временное и зависимое от

---

1) Мимоходом отметим, что эта «решительность» была не без причины. Несомненно, что уже здесь проскальзывает будущая идея меньшевиков о растворении партии в широком, массовом рабочем движении. Хотя для оценки взглядов обоих крыльев социал-демократии на профсоюзы исключительно важно рассматривать их в тесной связи с организационно-партийными взглядами, мы от этого здесь вынуждены воздержаться. Нас в этой связи интересует только фактическая сторона вопроса.

2) Слова, взятые в кавычки, принадлежат резолюции с'езда. Вот этот пункт (3) полностью: «С'езд признает»—«что в союзы должны вступать все члены партии, принимая активное участие во всей деятельности союза и постоянно укрепляя среди членов их классовую солидарность и классовое сознание, чтобы органически в борьбе и агитации связать союзы с партией».

См. также в посылочной части резолюции: «§ 6... что в этой же революционной атмосфере рабочие массы, организуясь и политически об'единяясь, все более и более становятся под знамя социал-демократии» (Ленин, Собр. сочин. т. VII, ч. 2, стр. 193—194).

3) Еще раз напоминаем, что «беспартийность» союзов признавалась и большевистской резолюцией.

местных условий» («V с'езд партии (Лондонский)» Моск. Раб. 1923 г., статья В. Ногина, стр. 54).

Только впоследствии, с поражением революции 1905 года и резким поворотом меньшевиков вправо, последние стали интерпретировать стокгольмскую резолюцию в духе «нейтрализма», двусмысленно истолковывая слово «беспартийность». Таким образом, Н. Попов в блаженном неведении скатывается в оценке резолюции Стокгольмского с'езда к меньшевистской точке зрения, с большим апломбом и претенциозным самомнением обрушиваясь на своего рецензента, указавшего ему на это недопустимое искажение.

Что мы не ошибаемся, что большевизм никогда так (по-меньшевистски) не оценивал резолюцию Стокгольма, видно также из того, что Лондонский с'езд нашей партии (1907 г.), принимая большевистскую резолюцию о профсоюзах, начинает ее словами: «Подтверждая резолюцию об'единительного (т.-е. Стокгольмского) с'езда о работе в профессиональных союзах»... и т. д.

Вполне прав поэтому тов. Зиновьев, когда он пишет: «И только потому, что в основе своей стокгольмское решение было правильно, оно в Лондоне (в 1907 году) не было отменено, а, наоборот, в основном было подтверждено» [1]) (там же, стр. 48).

Пользуясь выражением Н. Попова, мы можем сказать: «Читатель видит теперь, кто впал в фактическую неточность, я или Эм. Газ?» Да, Н. Попов, теперь читатель видит...

Таковы те удивительные «приключения» Н. Попова в истории нашей партии, которые мы, по мере сил, выше разобрали. От личных оценок, характеристик и пр. писательской манеры Н. Попова мы считаем нужным воздержаться. Пусть судит читатель.

Что же касается существа сделанных Н. Поповым в своем ответе возражений, то о них мы скажем словами одного из героев Шекспира: «Его рассуждения—точно два зерна пшеницы, спрятанные в двух мерах соломы. Чтобы найти их, нужно искать целый день, а найдешь—оказывается, что они не стоили поисков».

---

1) В. Ногин: пишет «... ничего противоречащего стокгольмской резолюции в лондонской нет. Последняя является лишь напоминанием одной из основ первой, учитывая сделанные профессиональным движением шаги, делает шаг вперед» (там же стр. 55).

Я. Оссовский.

О путях развития советского народного хозяйства.

Вопрос о том, что наша пореволюционная промышленность значительно отстает в темпе своего развития от темпа развития платежеспособного спроса сельского хозяйства и что это отставание при ныне проводимой хозяйственной политике есть длительное, а не сезонное явление,—все это стало уже достоянием всеобщим.

Различие точек зрения начинается с определения природы этой диспропорции, причин ее вызвавших и способов ее изживания.

По этому вопросу у нас, судя по печати, имеются следующие мнения:

1. Существующее ныне соотношение между сельским хозяйством и промышленностью с точки зрения общехозяйственных интересов является нормальным. Происходящий же хозяйственный кризис об'ясняется попыткой со стороны промышленности так или иначе это нормальное соотношение насильственно нарушить в свою пользу. И лечение хозяйства от создавшегося кризиса предлагается путем укрощения промышленности и удовлетворения главных нужд сельского хозяйства (потребительских и производственных) за счет широкого ввоза этих продуктов из-за границы, путем введения в практику нашей экономики широкой товарной интервенции. Советской промышленности в этой схеме отведена второстепенная, сопутствующая сельскому хозяйству и внешней торговле роль.

2. С общехозяйственной точки зрения существующую диспропорцию между сельским хозяйством и промышленностью надо считать явлением ненормальным, но данным нам об'ективными условиями. Следовательно, подвергать ее коренному изменению мы не можем, если не хотим хозяйственные кризисы осложнять политическими. Происходящий у нас хозяйственный кризис об'ясняется отдельными неправильными мероприятиями со стороны хозяйственных руководящих органов, в том числе и в попытках со стороны промышленности чрезмерно форсировать темп своего развития. Если мы сумеем все эти отдельные недочеты устранить, мы с течением времени сумеем преодолеть об'ективно нам данную диспропорцию между сельским хозяйством и промышленностью.

3. Выявившаяся в последнее время острая диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью с точки зрения общехозяйственных интересов совершенно ненормальна. Эта диспропорция также нам не дана об'ективными условиями. Она

является результатом проводимой нашими руководящими органами неправильной финансово-хозяйственной политики. Продолжающийся долгое время у нас хозяйственно-финансовый кризис имеет свои корни в упорном сопротивлении со стороны частно-собственнического хозяйства (сельского хозяйства главным образом) нести пропорционально своему удельному весу в экономике страны издержки по созданию крупной государственной промышленности, хотя бы в размерах близких к тем, как это было сделано сельским хозяйством в дореволюционное время. Лечение кризиса, являющегося безусловно хроническим, возможно исключительно путем устранения из нашей хозяйственно-финансовой политики допущенных ею в последние 2 года принципиальных ошибок.

Таковы основы сложившихся у нас трех точек зрения по вопросу об оценке специфического положения советского хозяйства к началу 1926 года.

Таким образом, ни одна из упомянутых выше точек зрения не оспаривает наличия в советском хозяйстве значительной неравномерности в темпе пореволюционного развития между сельским хозяйством и промышленностью. Этой неравномерности, сопутствует острый голод на промышленные товары, при их фактическом недостатке в стране, с одной стороны, а с другой—отсутствие достаточного предложения сельско-хозяйственных продуктов, несмотря на наличие их в стране в большом количестве. Такому положению вещей должно было бы соответствовать фактическое отставание восстановительного процесса по отношению к довоенному в промышленности в противовес сельскому хозяйству, где этот восстановительный процесс должен был итти гораздо более быстрым темпом.

Между тем этот восстановительный процесс по отношению к довоенному времени как в промышленности, так и в сельском хозяйстве к концу 1925 года шел одинаковым темпом.

Совершенно естественно встает следующий вопрос: если темп развития сельского хозяйства не перегнал темпа развития промышлености, то чем же об'яснить столь бурный рост платежеспособного спроса на промышленные товары со стороны сельского хозяйства и такое большое отставание от этого спроса промышленного предложения?

Единственным правильным об'яснением этого явления мы можем считать коренное изменение форм реализации товарности сельского хозяйства до революции и теперь. Это изменение заключается в том, что если до революции платежеспособный спрос на промышленные продукты создавала лишь часть товарной продукции сельского хозяйства в то время, как другая ее часть, как результат крестьянского накопления, ежегодно вливалась в промышленность и транспорт, сокращая тем самым платежеспособный спрос крестьянства, то теперь положение совершенно иное.

Почти все каналы, через которые раньше переливались крестьянские накопления в промышленность и транспорт, теперь окончательно разрушены, вернее—закупорены, и не имея промышленного приложения остаются внутри сельского хозяйства и создают ту повышенную покупательную способность, которая не может быть удовлетворена промышленностью.

И так как наша финансово-экономическая политика не способствовала до сих пор (главным образом в последние 2 года, когда произошло усиление накопления в крестьянском хозяй-

стве) соответствующему переливанию крестьянских накоплений в нашу советскую промышленность, то эти накопления теперь напирают на нас, расшатывая наше плановое хозяйство, стремясь выбраться за пределы страны, где они могли бы реализовать свою покупательную силу, не неся расходов на построение собственной промышленности, отвоевать себе наиболее выгодные условия хозяйственного приложения внутри страны, сохраняя за собой свои собственнические интересы. И до тех пор, пока не будет обеспечено непрерывное переливание в промышленность накоплений сельского хозяйства по мере их нарастания там, наше народное хозяйства не выйдет из состояния острых кризисов.

Но как бы мы ни спорили о корнях и причинах диспропорции между темпом развития промышленности и темпом роста платежеспособного спроса сельского хозяйства, однако, сам факт миспропорции признается с одинаковой силой всеми приведенными выше точками зрения.

Тем более интересны пути, предлагаемые для леченя порожденного этой диспропорцией кризиса советского хозяйства.

Проще всего, повидимому, обстоит дело у т. Шанина.

Т. Шанин видит факт, что сельское хозяйство, несмотря на наличие у него большего количества товарной продукции, все-таки ее на рынок не выбрасывает, потому что 1) ему мало платят за нее советских денег и 2) вообще за вырученные советские деньги мало дают промышленных товаров. Таков пока повседневный факт. Т. Шанин не пытается проанализировать этот факт с социально-экономической точки зрения. Он предпочитает тяжбу между сельским хозяйством и промышленностью разрешить с точки зрения «чистой экономики». И исходя из факта, что сельское хозяйство не удовлетворяется продукцией социалистической промышленности, тов. Шанин рекомендует советскому хозяйству развиваться по линии максимального ввоза продуктов потребления и производства для сельского хозяйства взамен экспорта продуктов последнего. Т. Шанин понимает, что это политика аграризации, но он пытается утешить и себя и других, что это только на ближайшее будущее, так лет на 10, например, а там видно будет.

Почему бы тов. Шанину не быть чуточку похрабрее и полнокровному сельскому хозяйству, вышедшему в темпе развития своего платежеспособного спроса за пределы, доступные нашему народному хозяйству в целом, предложить производить некоторые переливания накопленных им средств в промышленность и таким образом двинуть равномерно вперед все секторы народного хозяйства? У т. Шанина напрасно стали бы требовать ответа на этот вопрос.

Т. Шанин уверен, что недостаточное сельско-хозяйственное предложение может быть преодолено исключительно путем широкой интервенции товаров сельско-хозяйственного потребления и производства за счет длительного отставания социалистической промышленности. Другого пути, по его мнению, не дано. Социалистическая промышленность все равно с этим не справится и в конце концов она только проиграет. Преодоление недостаточного предложения сельско-хозяйственных продуктов путем соответствующей системы финансово-экономических мероприятий

т. Шанин, с его «чисто экономической» точкой зрения, считает невозможным и ненужным. Нечего торопиться со строением социалистической промышленности—успеем еще лет через 10.

Т. Шанин умеет угрожать. Если вместо форсирования темпа развития социалистической промышленности мы не направим все усилия к форсированию экспорта, нам угрожает инфляция—обесценения стоимости червонца. Ибо эмиссия для усиления темпа развития промышленности, не подкрепленная соответствующим предложением промышленных товаров, обязательно должна довести до падения стоимости червонца. Но почему за эмиссией, целесообразной в интересах всего народного хозяйства в целом, должен следовать усиленный товарооборот на одном секторе народного хозяйства, а не на другом, в котором накоплены громадные количества товарной продукции и который в состоянии уже теперь выступать с крупными предложениями своих товарных излишков? Ведь, если бы мы использовали хотя бы часть имеющихся в нашем распоряжении средств, мы смогли бы вызвать большое предложение сельско-хозяйственных продуктов, и тогда никакой инфляции нам не грозило бы, несмотря на усиление темпа развития социалистической промышленности.

Напрасно, однако, искать у Шанина ответ на этот вопрос. Социалистическая промышленность по Шанину всегда виновата. И когда перед нами встает вопрос: либо временное сокращение экспорта сельско-хозяйственных продуктов с целью понижения невыгодной нашему советскому хозяйству, чрезмерно высокой кон'юнктуры на эти продукты, либо длительное сокращение плана развития социалистической промышленности, то Шанин не колеблясь выбирает последнее.

Попытка т. Шанина на примере Соединеных Штатов Сев. Америки доказать, что товарный голод не является следствием диспропорции между темпом развития платежеспособного спроса сельского хозяйства и промышленностью, не выдерживает никакой критики. Тов. Шанин забывает, что быстрому развитию в этих странах сельского хозяйства и такому же темпу развития экспорта сельско-хозяйственных продуктов сопутствовал громадный импорт промышленного капитала.

У нас же широкое привлечение иностранного капитала (даже при предположении, что это не подрывало бы основ советской власти) едва ли возможно из-за тех громадных царских долгов и процентов по ним, уплату которых ставят нам как предварительное условие получения новых кредитов. Но даже и в этом случае львиную долю этих процентов и погашений все равно должно будет платить крестьянство, составляющее 85% населения страны. И вот, если сельское хозяйство вложит в промышленность те свои накопления, которые должны были бы итти при признании царских долгов, с целью получения иностранных займов, в карман иностранным капиталистам, то это вполне достаточно было бы для преодоления товарного голода.

Эту простую истину забыл т. Шанин, когда он пустился для экскурсии по Соединенным Штатам Сев. Америки и Канаде.

С тем большим усердием старается т. Шанин искусственно выпячивать в качестве чрезвычайно крупной проблемы вопрос о необходимости в первую очередь вложить средства и развивать темп тех отраслей промышленности, которые способны более быстро их переварить и выступать с предложением своих товаров,

Совершенно верно (понятно, не по-шанински), с точки зрения народного хозяйства—это весьма важно, но это есть практическая, но ничуть не принципиальная сторона вопроса. Этот сам по себе ясный вопрос не затрагивает основную природу наших хозяйственных осложнений и кризисов. Он является частным фактором, который будет разрешен после разрешения основной проблемы о восстановлении порядка обмена веществ между сельским хозяйством и промышленностью.

Основной проблемой наших дней является следующее. Чем об'яснить растущий и неудовлетворенный спрос со стороны крестьянства в то время, когда валовая продукция сельского хозяйства и промышленности в 1925 году против 1913 года поднялись на одинаковый уровень.

На этот вопрос Шанин отвечает, что промышленность пред'являет к сельскому хозяйству незаконные требования, предлагая крестьянству вложить не вмещаемые в собственном хозяйстве накопления в основной капитал промышленности. Мы считаем эти требования вполне законными. Вложения подобного рода имели место и до революции. Изменилось только за это время то, что раньше крестьянские накопления переходя в промышленность не меняли формы собственности, а теперь эти формы меняются, ибо вливаясь в социалистическое хозяйство эти накопления становятся государственной собственностью.

Если так ставить вопрос, а он именно так каждым марксистом должен ставиться, то становится очевидным, что предлагаемые т. Шаниным рецепты равносильны полной капитуляции социалистического хозяйства перед частно-капиталистическим.

Для убеждения читателя в правильности своей капитулянтской точки зрения тов. Шанин проводит следующий мотив:

«Если оставить пролетариат и крестьянство с глазу на глаз в их экономических взаимоотношениях, то соотношение между ними определяется сейчас так: крестьянство имеет что предложить городу, и оно может выжидать, а пролетариат не может выступать с достаточным предложением. Вместе с тем он пред'являет растущий спрос на крестьянскую продукцию, притом с удовлетворением этого своего спроса он не может ждать, если не откажется от чрезмерных задач, которые сейчас перед собой поставил».

Вот смысл всей философии т. Шанина.

Да будет позволено тов. Шанина и иже с ним спросить: свои ли только задачи ставит перед собой пролетариат в наступательном движении по пути промышленного строительства? Не является ли это последнее и задачей крестьянства, тем более, что оно, крестьянство, имеет что *предложить* и *даже выжидать может*?

Мне кажется, что в быстром развитии нашей промышленности заинтересовано все народное хозяйство, в том числе и сельское хозяйство. Если накопления в сельском хозяйстве уже дошли до таких размеров, что основные нужды зажиточного крестьянства удовлетворяются за счет части этих накоплений, а с реализацией остальной части оно может *выжидать*, т.-е. прятать эти накопления в погребах или кубышках, то не является ли более целесообразным в интересах всего народного хозяйства, в том числе и сельского хозяйства, вложение этих накоплений в промышленное строительство? Интересы народного хозяйства властно требуют максимального использования всех наличных свободных сбережений и накоплений, где бы они ни находились, в промышленности или в сельском хозяйстве. Наличие в сельском хозяйстве свободных накоплений не уменьшает, а увеличивает обязанности крестьянства в содействии своими средствами развитию промышленности. А по т. Шанину выходит наоборот: именно потому, что у крестьянства значительные свободные накопления («имеет что предложить и может выжидать»...), пролетариат должен отказаться от привлечения этих капиталов для развития промышленности. Где же логика, т. Шанин?

На этом пока приостановим дальнейший разбор второстепенных положений т. Шанина и попытаемся проанализировать вторую точку зрения, выразителем которой, судя по печати, является главным образом т. Стецкий («Правда» от 6 февраля 1926 года).

Тов. Стецкий в отличие от т. Шанина включает в число причин хозяйственного кризиса и диспропорцию между продукцией промышленности и платежеспособным спросом сельского хозяйства, как результат снижения прямых налогов и ликвидацию всех платежей, которые крестьяне вносили раньше помещикам и государству.

Но эти причины для него только в *общем* правильны. Для об'яснения же происходящего у нас кризиса они ему кажутся, повидимому, недостаточными, и потому он пытается вскрыть в нашей хозяйственной действительности новые причины кризиса, не утруждаясь, однако, проанализировать признанные им же в начале причины. Делает он это, повидимому, потому, что его смущает следующее обстоятельство: если диспропорция между продукцией промышленности и платежеспособным спросом сельского хозяйства исчерпывает вопрос об об'яснеиич причин нашего хозяйственного кризиса, тогда мы явились бы, по его мнению, свидетелями развертывания классического кризиса: цены на промышленные товары при относительном недостатке последних повышались бы, цены на сельско-хозяйственные продукты, которые имеются в избытке, должны были бы падать.

Фактически же цены и на промышленные и на сельскохозяйственые товары все повышаются. Вот это обстоятельство заставляет т. Стецкого не быть удовлетворенным об'яснением причин хозяйственного кризиса одной лишь диспропорцией между темпом развития промышленности и темпом развития у крестьянства платежеспособного спроса.

Верен ли вообще сам факт, что цены и на промтовары и на сельско-хозяйственные продукты одинаково растут. При наличии у нас на промтовары значительных оптово-розничных «ножниц», прежде чем говорить о сравнении движения цен на сельскохозяйственные и промышленные товары, следовало бы т. Стецкому условиться, какие цены он имеет в виду.

Если сравнение провести между розничными ценами на промтовары в деревне и заготовительными ценами там же на сельскохозяйственные продукты, то соотношение между ними было бы далеко не в пользу сельско-хозяйственных продуктов (вопрос совершенно другой—кто на этих «ножницах» накапливает гро-

мадные капиталы). Мы имели бы именно то, что требуется т. Стецкому для того, чтобы в диспропорции между темпом развития промышленности и темпом развития платежеспособного спроса крестьянства как раз и найти исчерпывающие причины хозяйственного кризиса.

Однако, такое об'яснение т. Стецкого, повидимому, не удовлетворяет. Как это так?—он спрашивает. Ведь и самая то диспропорция является результатом ценностных соотношений между товарной массой сельского хозяйства и промышленности, вступающих в денежный обмен на рынке. А на рынке-то ведь государство имеет всеопределяющее(?) значение. Оно уже устанавливает цены и на промтовары через свои производственные органы и на сельско-хозяйственные продукты через свои заготовительные организации.

Если так, то получается, что виновато в диспропорции государство и его хозорганы. Как это государство допустило до таких ошибок и просчетов?—с изумлением спрашивает тов. Стецкий и сам себе отвечает: надо подтянуться.

Нам, кажется, что в ценообразовании как на заготовительном с.-х. рынке, так на розничном рынке промышленных товаров наши хозорганы скорее имеют (и то довольно слабое) регулирующее, чем всеопределяющее значение. Движение цен вверх по с.-х. продуктам и сырью, вниз—по промышленным товарам, проходя через систему частного торгового капитала, перехватывается его влиянием на образование цен. Далеко стоящий от этих первичных рыночных ячеек государственный капитал становится почти совсем бессильным против постоянно увеличивающего свои накопления частного торгового капитала и его влияния.

Но попробуем разобрать предложение т. Стецкого, установить ценностные соотношения между товарной массой с.-х. продуктов и промышленных изделий.

Ставя во главе угла задачу спасения от угрозы инфляции червонца, т. Стецкий находит выход из кризиса или в новой деноминации («понижение внешнего курса червонца») или же в понижении цен на внутреннем рынке, при чем не только на с.-х. продукты, но и на промышленные товары.

Но, как мы выше уже показали, снижение цен на промышленные товары при нынешней кон'юнктуре дальше оптового рынка не идет. Определение цен на с.-х. продукты со стороны государства упирается в сильное сопротивление организованной системы частного торгового капитала на с.-х. рынке. Следовательно, дальнейшее снижение цен на промтовары при все возрастающем накоплении частного капитала в деревне далеко еще не гарантирует снижения цен ни на розничном промышленном рынке, следовательно, и ни на заготовительном рынке с.-х. продуктов. Оно будет иметь своим последствием дальнейший раствор оптово-розничных ножниц на промтовары.

Снижение цен на промтовары можно оправдать только в том случае, если установленные государством так называемые справедливые цены на с.-х. и промышленные товары перестали бы быть таковыми, с одной стороны, потому, что промышленность за этот промежуток времени успела достигнуть новых значительных улучшений, главным образом за счет переоборудования своих предприятий и увеличения их основных капиталов, или же, с другой стороны, сельское хозяйство находилось бы в таком без-

выходном положении, что даже эти сниженные «справедливые» цены на промтовары были бы ему недоступны. Но такого положения нет. Больше того, фактически происходит обратное. Поэтому нам кажется, что в ближайшее время должно произойти снижение цен на с.-х. продукты до уровня, признанного справедливым осенью 1925 г., а цены на промышленные товары оставить те же. Оставление же с.-х. цен на нынешнем уровне требует повышения цен на промышленные изделия.

Совершенно верно, конечно, что укрепление курса червонца—в интересах промышленности, но если это укрепление провести не за счет сельского хозяйства, где в последнее время произошло большое накопление капитала, а за счет промышленности, где накопление ничтожно, то подобная попытка наименьшего сопротивления навряд ли в интересах промышленности.

Отрицательное значение своего предложения о всеобщем снижение цен на промышленное строительство, находящееся и без того в весьма плачевном состоянии, чувствовал, повидимому, и сам т. Стецкий. Он говорит, что без вливания новых капиталов в промышленность невозможно осуществление намеченного XIV партс'ездом плана индустриализации нашей страны. А требуемые капиталы должны извлекаться из крестьянских накоплений, которые, если теперь исчисляются сотнями миллионов, то скоро их будет миллиарды. При чем, когда тов. Стецкий помышляет о привлечении этих сбережений и накоплений в промышленность, то он забывает, что эти накопления сосредоточены главным образом у незначительной части от 22 милл. хозяйств, при чем эти сотни миллионов лежат далеко не мертвыми, как думается тов. Стецкому, а образуют законченную систему частного торгового капитала в деревне. Именно туда пойдут и те миллиардные крестьянские накопления, которые ожидаются (и не без основания) в ближайшее время т. Стецким, если не будут найдены радикальные пути для вовлечения этих накоплений в сферу влияния государственного хозяйства.

Какими же путями нужно итти для избежания такого воистину катастрофического положения нашего социалистического строительства?

Тов. Стецкий указывает как на выход из положения на необходимость развития кредита, сети сберегательных касс, кредитных т-в, займов и пр. Но этот вопрос рассматривается им совершенно абстрактно, вне времени и пространства. Вообще говоря, посредством кредита, конечно, можно мобилизовать частный капитал. Это совершенно верно. Но для этого необходимы определенные предпосылки, определенная конкретная обстановка, а вот об этой-то конкретной обстановке, в которой, по мнению т. Стецкого, должна произойти мобилизация (вернее трансформация) сотен миллионов даже миллиардов рублей частных капиталистических накоплений в социалистическое хозяйство, он, повидимому, не подумал.

Попытаемся разобрать нашу нынешнюю хозяйственную обстановку.

Всем известно, что перелив капитала из одной отрасли народного хозяйства в другую определяется размером средней прибыли на вложенные в них капиталы. И в частно-капиталистическом хозяйстве происходит беспрерывное движение капиталов из менее прибыльных в более прибыльные отрасли народного хо-

зяйства. Чтобы вовлечь торговый капитал в промышленность, необходимо, чтобы средняя прибыль последней не на много отставала от средней прибыли торгового капитала. Если этой предпосылки нет, то не может быть и речи о переливании капитала.

В наших условиях прибыль торгового капитала (имея в виду частную розницу в деревне) местами чуть не в 10 раз превышает прибыль промышленных заведений. Понятно, конечно, что банки, сберегательные кассы и кредитные т-ва не могут платить за капитал больше среднего процента прибыли промышленности. И если у крестьянина накопилась пара десятков рублей, и он становится перед вопросом о том, вложить ли эти деньги в сберегательную кассу, кредитное т-во за 6—8% годовых или же поехать в город и привести для односельчан промышленные товары, на чем он может в один оборот заработать до 50% вложенных средств, то всякому ребенку ясно, что крестьянин, середняк ли он, зажиточный ли, выберет последнее. Ибо где же у него стимул поступать иначе.

Конечно, большая масса крестьянства (бедняки и маломощные середняки), не имеющая почти никаких накоплений, была бы очень довольна, если бы хотя часть сбережений зажиточных крестьян попала им за 6—8% годовых. Финансово-экономические мероприятия в эту сторону были бы, вне всякого сомнения, обеспечены поддержкой этих крестьянских маломощных групп.

Спрашивается, каким путем можно хозяйство, тем более частно-капиталистическое, отвлечь от выгодной сделки и вовлечь в невыгодную при его добровольном согласии? До сих пор мы благодаря чрезмерной мягкости нашей финансово-экономической политики обладателей накоплений до конфликта, правда, не доводили, но зато и вкладов у них пока никаких не добились.

Мы утверждаем, что трансформация накоплений частно-капиталистического крестьянского хозяйства в социалистическое и кооперативное может иметь место лишь при такой финансово-экономической политике, которая делает возможным накопление в частно-капиталистическом хозяйстве только до определенных пределов, дальше которых оно автоматически прекращается и переходит к государству, а отсюда в промышленность и кооперацию.

Вопрос о привлечении частно-капиталистических накоплений в государственные, кооперативные или кредитные учреждения в Советском Союзе не решается так легко, как это, повидимому, думает тов. Стецкий. Если пустить вклады в те хозяйственные круги, откуда они получились, то государству от этого мало пользы, ибо необходимых средств на промышленное строительство в таком случае мы не доставали бы; если же частно-крестьянские вклады будут пущены только в социалистическое и кооперативное хозяйство, то мы их и вовсе не получим.

Можно было бы еще говорить о создании за счет крестьянских вкладов собственных капиталов с.-х. кооперации. Высвобожденный таким образом оттуда государственный капитал пошел бы исключительно на промышленное строительство. Но в такой плоскости ставить вопрос преждевременно. Во-первых, сельскохоз. кооперация занимает пока еще очень скромное место в общей заготовке и сбыте с.-х. продуктов, так что высвобожденный оттуда государственный капитал—небольших размеров, во-вто-

рых, сам факт возможного наличия в с.-х. кооперации крестьянских вкладов в размере, близком к размеру накоплений в сельском хозяйстве, требует в качестве предпосылки совсем другой хозяйственной кон'юнктуры, чем та, которую мы имеем теперь и на радикальное изменение которой в ближайшее время при сохранении существующей финансово-экономической политики навряд ли можно надеяться.

Наконец, в качестве средства преодоления кризиса т. Стецкий предлагает усиление экспорта главным образом с.-х. продуктов. За вырученную валюту будет ввезено оборудование для промышленности. За несколько строк до этого т. Стецким было выдвинуто в качестве средства для той же цели снижение во что бы то ни стало цен на с.-х. продукты на внутреннем рынке. Т. Стецкий совершенно не заметил, что эти два предложения друг друга исключают. Если цены на с.-х. продукты благодаря слабому предложению чрезмерно высоки, то усиленным спросом на эти продукты для экспорта можно вызвать еще больший ажиотаж на рынке, но во всяком случае не содействовать снижению цен. Чтобы достигнуть снижения цен, надо было бы хотя бы временно сократить размер экспорта с.-х. продуктов.

Вот каковы пути, предлагаемые т. Стецким в качестве выхода из хозяйственного кризиса. Признавая, что в основе кризиса лежит диспропорция между темпом развития промышленности и темпом развития платежеспособного спроса крестьянства, т. Стецкий не предлагает никаких совершенных путей, могущих вывести советское хозяйство из кризиса, а предлагаемые пути—паллиативы. Если же диспропорция, как главнейшая основа кризиса советского хозяйства, нам дана об'ективными условиями, то паллиативами навряд ли ее повернешь.

По какому же, однако, пути надо итти, чтобы хозяйственный кризис был устранен в корне. По пути установления целой системы финансово-экономических мероприятий, увеличивающих из'ятие неэквивалентной товарной части сельского хозяйства в размерах, не отстающих от размеров соответствующих из'ятий до войны. Надо провести временное маневренное сокращение экспорта и, если возможно, его перегруппировку. Затем необходимо значительное сжатие оптово-розничных цен на промтовары, приняв для этого ряд действительных, не поверхностных мероприятий. Успех здесь зависит исключительно от проведения цельной системы мероприятий полностью и одновременно. Результатом этой финансово-экономической системы мероприятий должно быть восстановление в прежнем размере перелива частных накоплений из сельского хозяйства в промышленность, несмотря на изменение формы собственности в промышленности. Правильное и равномерное развитие всего народного хозяйства этого властно требует. Даже при вовлечении частных накоплений из сельского хозяйства в промышленность в дореволюционном размере мы только восстановим прежние условия, в которых развивалась промышленность. Когда промышленность требует восстановления этих условий, то она это делает не для того, чтобы за счет этих накоплений форсировать свое развитие, т.-е. двинуть индустриализацию страны более быстрым темпом, чем это имело место

до революции. Эти частные накопления ей необходимы для поддержки дореволюционного темпа развития.

Форсирование нынешнего темпа развития народного хозяйства в целом, и промышленности и сельского хозяйства, по отношению к дореволюционному темпу у нас происходит—и чем дальше, тем в большей степени. Но усиления в развитии этого темпа можно достигнуть не разрушением существовавших прежде взаимоотношений между сельским хозяйством и промышленностью, а сохранением их в прежнем виде при совместном движении вперед на данной нам революцией более высокой общественно-политической базе.

Перелив крестьянских накоплений в промышленность никогда у нас не прекращался за исключением последних двух лет, когда промышленность форсировала использование прежнего оборудования, на создание которого в том или другом виде и до войны были вовлечены крестьянские капиталы. И это временное с 1923 г. прекращение перелива в промышленность крестьянских средств нам теперь и мстит. Высвобожденные от перелива в промышленность крестьянские накопления, кроме того, что замедлили темп ее развития, не абсолютно, конечно, а относительно, грозят окружением нашей социалистической промышленности тесным кольцом частного торгового капитала.

Переживаемый нами ныне хозяйственный кризис именно потому, что он происходит в момент полного исчерпывания, возможного использования прежнего основного капитала в промышленности, благодаря не совсем правильной финансово-экономической политике последних лет, может нанести роковой удар перспективам нашего социалистического строительства, в частности промышленности. Только так стоит вопрос. Если при попытке разрешения вопросов хозяйственного кризиса мы будем избегать всматриваться в его действительные корни, то это может кончиться только крахом и того социалистического строительства, которое до момента расширения его за пределы СССР мы можем и должны провести.

Но прежде чем дать точную формулировку о сущности кризиса 1925 г., необходимо отметить, чем этот кризис отличается от имевшего место в советском хозяйстве кризиса конца 1923 г.

Основные черты советского хозяйства в 1923 г. следующие: 1) появление двух валют, банковской с твердым курсом и совзначной с постоянно падающим курсом, при чем первая еще не успела проникнуть в деревню, сосредоточиваясь главным образом в городе, непрерывно подстригая доходы сельского хозяйства; 2) громадная нужда крестьянства в деньгах в связи с переходом в первый раз с натурального на денежный налог; 3) относительно высокий размер прямого налога, достигшего при тогдашней незначительной крестьянской товарности 400 милл. довоенных рублей; 4) весьма быстрый темп роста эмиссии совзнаков; 5) значительный рост банковских эмиссий на кредитование промышленности; 6) относительно хороший урожай; и 7) первые признаки оздоровления промышленности после ее падения и разбазаривания до того, особенно при переходе на новую экономическую политику.

Все финансово-экономические мероприятия, действовавшие в 1923 г., предназначены были для собирания утерянных в момент перегруппировки сил позиций пролетарской основы советского хозяйства—позиций промышленности. Они способствовали обратному переливу из сельского хозяйства громадных средств в промышленность, утерянных ею в пользу сельского хозяйства в предыдущий период своего упадка. Лишь получив из сельского хозяйства оборотные средства, советская промышленность могла приступить к оживлению и эксплоатации находящегося в его руках в громадном размере основного капитала в виде оборудованных, но не нагруженных или консервированных предпредприятий. Эти оборотные средства промышленности накопились в виде предоставленного ей широкого банковского кредита, а также в виде бюджетных ассигнований, а затем и в виде скопления относительно крупных товарных запасов, не попавших в оборот благодаря насыщенности промышленности оборотными средствами.

Сельское хозяйство, вынужденное в 1923 г. выбросить все поглощенное им в 1921 и 1922 годах, скопления многомесячных товарных запасов промышленности уже дальше выдержать не могло. Цены на промтовары были чрезмерно высоки, чтобы сельское хозяйство, после только что указанной непрерывной перекачки своих накоплений в промышленность, могло пред'явить сколько-нибудь значительный спрос на них. Наступил острый кризис для сельского хозяйства. Снижение цен на промтовары являлось тогда безусловно верным средством для преодоления кризиса. Оно и оживило рынок и сельско-хозяйственный, и промышленный. Конечно, того же самого можно было достигнуть путем ослабления любого из действовавших тогда в пользу промышленности рычагов.

Следовательно, основные черты кризиса 1923 г. выражаются в том, что, несмотря на наличие, благодаря указанным выше финансово-экономическим факторам, широкого предложения сельско-хозяйственных продуктов, крестьянство все-таки не могло, из-за чрезмерно высокой кон'юнктуры промышленности, осуществить спрос на промтовары.

И тут-то наша экономическая политика совершила свое грехопадение. Вместо того, чтобы ограничиться одним снижением цен на промышленные товары или же соответствующим увеличением цен на с.-х. продукты,—мероприятиями, вполне достаточными для выведения сельского хозяйства из кризиса,—мы спешили с проведением целого ряда дополнительных мероприятий, которые в силу того, что они не являлись тогда экономической необходимостью, не могли не дать отрицательного результата для всего народного хозяйства.

Абсолютное сокращение обложения сельского хозяйства вместо его абсолютного повышения (конечно, при некотором относительном его сокращении), при значительном росте продукции сельского хозяйства и его товарности, затем предоставление сельскому хозяйству крупных кредитов по отношению к тому, что было предоставлено промышленности,—все это, надо признать, было чрезмерным перегибом при довольно и без того усердном лечении кризиса 1923 г. Кроме того, не надо забывать, что финансовая реформа начала 1924 г. освободила крестьянство от бесконечного эмиссионного налога, что не могло не влиять на усиление его накопления.

Результат этого был следующий: с 1923 г. по 1925 г. сельское хозяйство увеличило свой платежеспособный спрос на

111%, а промышленность за те же два года—всего лишь на 81% [1]). Если при этом вспомнить, что восстановление продукции и товарности как в промышленности, так и в сельском хозяйстве идет по отношению к 1913 г. одинаковым темпом, то указанные только что цифры, говорящие о наличии значительной диспропорции в темпе роста платежеспособного спроса сельского хозяйства, оставившем позади себя на 37% темп роста платежеспособного спроса промышленности, то все эти факты не могут не навести на мысль, что мы здесь имеем дело с проблемой не чисто экономического порядка, а с переплетением проблем социально-политического и экономического порядка.

Дело здесь состоит в следующем: до революции, в частности в 1913 г., когда народное хозяйство в целом, в том числе сельское хозяйство, кризиса подобно нашему не переживало, сумма всех платежей государству и помещикам со стороны крестьянства равнялось свыше 30% товарности сельского хозяйства, в то время как соответствующие платежи в 1924 — 25 г. составляли всего около 10% товарности сельского хозяйства. Этот процент в 1925—26 г. при сокращении сел.-хоз. налога на 100 милл. руб. еще больше падал. Разница между внеэкономическими из'ятиями и др. платежами сельского хозяйства в 1913 и 1925 г.г. дает в пользу сельского хозяйства около 2½ милл. червон. р. [2]). Громадная доля этой суммы до войны так или иначе была вложена в промышленность, транспорт, проценты по заграничным займам, шедшие тоже главным образом на промышленное строительство. Теперь, вместо прямого, через обложение, переливания в промышленность, как это было раньше, эти громадные суммы остаются в сельском хозяйстве и образуют в нем болезненное полнокровие, особенно в условиях, когда промышленность строится на социалистических началах и поэтому доступ к ней для частно-капиталистических накоплений, без совершения своего рода сальто-мортале, т.-е. без трансформации из частной собственности в государственную, при нынешней политике совершенно невозможен.

Резюмируя сказанное о кризисах 1923 и 1925 г.г., надо сказать следующее: в то время как в 1923 г. промышленность при отвоевании своих потерянных позиций сделала некоторые попытки взять с сельского хозяйства то, что ей не следовало, и вызвала этим кризис во всем народном хозяйстве и потому должна была отступить очень далеко от прежде занятых ею позиций, точно так же теперь сельское хозяйство, упорно наступая уже два года и стремясь все больше и больше оставить у себя долженствующие итти в фонд развития промышленности миллионные накопления, не могло не привести к острому кризису всего народного хозяйства.

Чем это может кончиться, повидимому, еще не все себе достаточно уяснили. Потребуются ли для этого еще дополнительные уроки?—На этот вопрос нам ответит ближайшее будущее.

Сказанное можно формулировать в следующих положениях:

1. Дореволюционное народное хозяйство развивалось главным образом за счет притока крестьянских накоплений из сельского хозяйства в промышленность. Это вполне естественно. Наша промышленность, находящаяся и тогда в начальной стадии своего развития, не могла из себя выделить столько средств для расширенного воспроизводства, которое требовалось интересами 20 миллионов крестьянских хозяйств. Обойтись без накопления этих крестьянских хозяйств при строении промышленности страны нельзя было до революции, нельзя и сейчас. В этом заложен прогресс всего народного хозяйства.

2. Революцией процесс перелива накоплений сельского хозяйства в промышленность не был прекращен.

3. Условия развития пореволюционного народного хозяйства установили некоторые сменообразную форму перелива средств из сельского хозяйства в промышленность и обратно. Необходимость сменообразного перелива средств заложена в природе разрушенного хозяйственного организма, стремящегося к быстрому своему восстановлению, и поэтому в нем происходит процесс временного питания одной части за счет другой.

4. Когда перелив накопления из сельского хозяйства в промышленность или обратно вышел за пределы возможного, наступил острый кризис всего народного хозяйства, а не только той его части, у которой другая попыталась взять лишнее. Изучение всех наших острых кризисов: сельско-хозяйственный кризис 1921 г., промышленный кризис 1922 г., сельско-хозяйственный кризис 1923 г., и наконец, промышленный кризис 1925—26 г., дает этому положению богатейшую иллюстрацию.

5. Вся наша финансово-экономическая политика 1923 г. представляет собой не что иное, как могущественное орудие восстановления потерянных пролетарским государством в предыдущую смену отлива позиций на промышленном фронте.

6. Кризис 1923 г. об'ясняется не тем, что вся финансово-экономическая политика была тогда в полном подчинении стремлениям промышленности отвоевать потерянные ею раньше в 1921—22 г. позиции. Ничуть. Благодаря этой политике промышленность достигла величайших успехов. Последние имели свои положительные результаты для всего народного хозяйства в целом и, конечно, не в последнюю очередь и для сельского хозяйства.

Кризис 1923 г. имеет свои причины в том, что к проводимой тогда правильной политике, промышленность хотела добавить кое-что от себя. Но после того, как совершился громадный перелив накоплений из сельского хозяйства в промышленность, что, несмотря на положительное значение для всего народного хозяйства, не могло не привести сельское хозяйство в напряженное состояние, промышленность задумала создать себе многомесячные товарные запасы. Сельское хозяйство, поддерживавшее всеми силами интересы промышленности в течение всего 1923 г., на такую роскошь итти уже не могло, и вследствие этого разразился острый кризис для всего народного хозяйства, в том числе и для промышленности.

7. Преодоление разразившегося осенью 1923 г. кризиса могло быть достигнуто путем ослабления или полного упразднения одного только из действовавших тогда финансово-экономических рычагов, призванных содействовать переливу средств из сельского хозяйства в промышленность. Достаточно было бы одно

[1]) См. статью т. Гулояна в «Правде» от 18/I—26 г.
[2]) См. ст. т. Преображенского в «Правде» от 15/XII—25 г.

из нижеследующих мероприятий, чтобы вывести сельское хозяйство из кризиса:

а) радикальное сокращение темпа эмиссии совзнаков в пользу бюджета или полное ее прекращение;

б) смягчение налогового пресса на сельское хозяйство;

в) снижение цен на промышленные товары;

г) под'ем цен на сельско-хозяйственные продукты;

д) значительный кредит по бюджету сельскому хозяйству;

е) значительный товарный кредит с. х. от промышленности.

Каждое из перечисленных мероприятий в отдельности в состоянии было бы преодолеть кризис 1923 г., вызванный не всей тогдашней финансово-экономической политикой государства, а лишь завершительным, крайне неосторожным шагом со стороны промышленности.

Мы же, однако, одним из указанных мероприятий не ограничились. Пустили в ход все их сразу. Финансово-экономическая политика 1923 г. была целиком упразднена. Желая вернуть сельскому хозяйству то, что не следовало у него брать, мы стали настолько щедрыми, что оставили в нем и то, что оно должно в силу установленных всей экономической обстановкой страны условий влить в промышленность. Вместе с водой мы вышвырнули и ребенка.

Итак, кризис 1925—26 г. вызван полным упразднением правильной финансово-экономической политики 1923 года, вместо упразднения одного из начинающих неправильно действовать рычагов.

Леопольд Авербах.

О пролетарской культуре, „напостовской путанице“ и большевистских аксиомах.

(Ответ т. П. Ионову).

I.

Терминологическая определенность бесспорно является предпосылкой успешности спора. На это обстоятельство мне довелось обращать внимание т.т. в брошюре «За пролетарскую литературу». Но были ли у Ионова основания упрекать нас в неверной терминологии? Читатель не посетует на нас за большую цитату: она необходима для уяснения существа дискуссии:

«Азбучные вещи нужно об'яснять Слепкову и по вопросу о материальной культуре. Понятие культуры у нас часто берется и как единство «материальной» и «духовной» культур, и специально по отношению к «духовной» культуре. Тогда, когда мы говорим о пролетарской культуре, мы говорим о всей культуре, включая сюда и «материальный остов». И если, поэтому, в культурах буржуазных и социалистических обществ имеются «весьма значительные и исключительно важные секторы, принципиально общие, принципиально одинаковые» [1]), то вопрос только отсюда и начинается.

Пролетариат, рожденный капитализмом и в нем выросший, уже в его рамках создает новое мировоззрение. Захватывая власть, он реорганизует все общество, вплоть до производственных отношений, и «наследство» он берет в ином свете, в другом контексте, в отличных пропорциях, связывает кардинально противоположной (по отношению к буржуазии. *Л. А.*) точкой зрения,— а в этом все дело. Разве машина, электростанция, та же математика—сами по себе классовы? Ничуть не бывало». Как видит читатель, понятия здесь разграничены, и забота о терминологической определенности не может быть отнесена к числу достоинств статьи т. Ионова. При разборе ее мы обратим в частности внимание на то, как ревнитель терминологической определенности на деле обращается с терминологией.

Ионов пишет: «Прав был т. Слепков, предлагая говорить не о феодальных, буржуазных и проч. культурах, а о культурах соответствующих способов производства. Исторические типы культур даны историческими типами общественых форм». П. Ионов привел цитату из моей брошюры, в которой я возражал т. Слепкову. Придравшись к действительно имеющейся у меня стилистически неудачной фразе—«так как—разве» [2]),—П. Ионов чрезмерно возликовал, вместо того, чтобы дать хотя бы самый уме-

---

[1]) Из статьи т. А. Слепкова.

[2]) Впрочем, автору статьи, начинающейся словами: «уже порядочно долго», не пристало кого-либо учить литературной грамоте!

ренный ответ по существу: «Буржуазная культура не может быть приравнена к культуре буржуазного общества,—пишет курсивом Авербах. Почему? А куда вы денете марксизм?!—беснуется Авербах,—нельзя же его причислить к буржуазной культуре...» Выражение «беснуется», знаки вопроса и восклицания должны, очевидно, показать читателю всю степень иронического отношения Ионова к приводимой им цитате. Однако скрывается ли за этой иронией какое-либо содержание? «Слов нет, причислить марксизм к буржуазной культуре довольно затруднительно». Как же Ионов находит выход из действительно затруднительного положения? «Но т а к ж е (курсив мой. *Л. А.*) затруднительно к буржуазной культуре причислить и технику, которая по меньшей мере войдет в качестве «элемента» в пролетарскую культуру». Позвольте, сторонник терминологической определенности! Зачем же вы на глазах переставляете и меняете содержание термина? Ведь приведенная выше цитата из брошюры «За пролетарскую литературу» совершенно недвусмысленно, диаметрально противоположно ставит вопрос о материальной и духовной культурах. Ведь там прямо утверждается, что такие вещи, как техника, сами по себе абсолютно не классовы, это утверждается у нас и по отношению к математике. Я говорю: марксизм никак не причислишь к буржуазной культуре, а мне отвечают: также и технику! Но разве м а р к с и з м можно отнести к таким «секторам», которые будут общи, «принципиально одинаковы» — культуре буржуазного общества и культуре общества социалистического?

Поставив знак равенства между техникой и марксизмом, Ионов пишет: «Не меньше трудностей возникает и с такими вещами, как математика, дарвинизм и проч. Впрочем, что касается последнего (чего «последнего»? дарвинизма или «и проч.»? *Л. А.*), то глубокомысленные напостовские апостолы склонны зачислить его по ведомству пролетарской культуры. «Напостовцы выдвигают следующий потрясающий аргумент. Разве господство пролетариата совместимо с антидарвиновской реакцией? Отсюда неизбежен логический вывод: дарвинизм есть не что иное, как «пролетарская идеология». Поздравляем Авербаха, и иже с ним, с головокружительным открытием»...

Однако иронические приветствия Ионова нисколько нас не смутили. Зададим вопрос: а что же—совместимо господство пролетариата с антидарвиновской реакцией? Хотели бы мы посмотреть на такого Ионова, который даст положительный ответ! А господство буржуазии совместимо с господством дарвинизма? «Обезьяний процесс» демонстрирует наступающую уже необходимость антидарвиновской реакции для сохранения буржуазного господства. Ведь вот в чем дело! Культура не есть механическая смесь некоего количества «элементов», а целостная, согласованная—кем?—классом согласованная система, в которую входят и общезначимые, и долженствующие—как все основное в дарвинизме—быть общезначимыми для всех классов культур элементы. У Ионова культура в этом смысле слова пропадает. Культура представляется ему чем-то таким же эклектическим, как и его точка зрения на культуру!

«То, что Авербах, противореча самому себе (доказательства по милому обыкновению отсутствуют! *Л. А.*), называет буржуазной культурой, является лишь элементом культуры капиталистического общества». Запомним это.

Ионов цитирует «За пролет. литературу»: «Когда мы говорим о пролетарской культуре, то мы, конечно, говорим о всей к у л ь т у р е, включая сюда ее «материальный остов»—и Ионов заключает: «Спрашивается: на каком же основании в таком случае обижать буржуазную культуру, лишая ее материального остова? А раз оснований нет, то понятие буржуазной культуры должно употребляться (или верней, совсем не употребляться) лишь в смысле термина «культура буржуазного общества».

Где это нами «обижалась» буржуазная культура так, чтобы мы отнимали у нее материальный остов? «Обижать»-то мы буржуазную культуру обижали и—о ужас!—предполагаем «обижать» ее дальше. Но для этого нам совершенно не нужно было отрицать наличие у нее «материального остова». Это было бы просто-на-просто неразумно. Мы поступили иначе. Как не безызвестно, пролетариат отнял у буржуазии тот «материальный остов», который входит в пресловутые принципиально общие секторы. ыМ вовсе не отрицаем и не отрицали «материального остова», но мы брали к у л ь т у р у, к а к с о в о к у п н о с т ь и «о с т о в а» и н а д с т р о е к, а н е к а к з е м л ю и н е б е с а, н и ч е м м е ж д у с о б о й н е с в я з а н н ы е, по представлению некоторых «элементов» «культуры буржуазного общества».

Найдите важнейшее место в книге прежнего Каутского «Размножение и развитие в природе и обществе», которое даст нашему красному профессору урок марксистской грамоты: «Каждый класс разовьет свойственное ему миропонимание, которое определяется не только состоянием естественно-научных знаний его времени, но и—еще в большей степени—его положением в обществе. В этом смысле можно говорить о буржуазной и пролетарской науке. Существуют мудрецы, которые иронизируют по этому поводу и выдвигают абсурдность пролетарской химии или физики. Но вся их премудрость свидетельствует лишь об их ограниченности, с которой они часть науки принимают за всю науку, за совокупность проникнутой общим единством картины мира, в которой каждая часть находится в необходимой связи с другой. Отдельные части могут, конечно, быть одинаковы, как одинаковы отдельные кирпичи, из которых строится дом пролетария и княжеский дворец. Но общее построение в одном случае резко отличается от построения в другом, и как часть общей постройки, один и тот же кирпич, из которого построен дом пролетария, выглядит совершенно иначе, чем кирпич, употребленный на постройку княжеского дворца». Оставим теперь П. Ионова с его кирпичами. Авось он сумеет понять, что вся буржуазная культура совершенно так же, как и наука, не куча кирпичей, а более или менее стройное здание.

«Мы уже отметили, что Авербах по существу соглашается с выше данным определением культуры, как «единства культуры» духовной и культуры «материальной». Однако, категорически возражая наряду с этим против замены термина «буржуазная культура» термином «культура буржуазного общества», Авербах впадает в вопиющее противоречие с самим собой»... Незавидная смелость снисходительного утверждения о согласии Авербаха с им же, Авербахом, употреблявшейся терминологией—поистине своеобразна. Нетрудно убедиться, что Ионов здесь повторяет сказанное нами в уже использовавшейся выше цитате! Поищем теперь противоречия.

Что такое буржуазная культура и что такое культура буржуазного общества? Разберемся в этом вопросе. О какой культуре идет речь? И о духовной, и о материальной. В области «духовной» буржуазия имеет свою культуру? Из уважения к читателю не будем обосновывать это положение. Всякий, не окончательно расставшийся с марксизмом человек, согласится с тем, что буржуазия, как класс имеет свою «духовную» культуру, как систему определенного ряда идеологических фактов, понятий,—как свою политическую идеологию, свои общественные науки, свою литературу и т. д. На первый взгляд дело обстоит сложнее с культурой материальной. Но так ли резко разделимы эти две «культуры»? Не доказывали ли мы выше, что они сливаются в одну культуру, которая не перестает быть целостной от того, что некоторые ее части, перейдут и в систему другого класса [1]).

Процесс создания классовой духовной культуры—это процесс превращения класса в себе в класс для себя. Естественно, что в культуре класса остается многое от культуры предыдущих классов, что класс лишь постепенно приводит в полное соответствие отдельные части здания своей культуры.

Но из этого вовсе не следует, что класс не хочет создавать или не создает своей классовой культуры. Ясно обратное.

А что такое культура буржуазного общества? Что такое культура соответствующего способа производства? Разрешение этого вопроса предполагает предварительный ответ на вопрос о характере соответствующего способа производства, о строении соответствующего общества. В реальном буржуазном обществе имеются, кроме буржуазии и пролетариата, и масса крестьянства, и остатки феодальных слоев—помещиков и т. д. Ионов предлагает нам говорить о культуре всего этого буржуазного общества. «Буржуазная культура есть не культура буржуазная, а культура капиталистического общества». И Ионов и Слепков, выдвигая это чудовищное положение, повторяют лишь... Тера-Ваганяна. Зрелище для богов, одинаково радующее как Слепкова и Ваганяна по отдельности, так и зрителя сей комбинации! В 3-м номере «Воинствующего материалиста» т. Ваганян писал: «Ни один здравомыслящий марксист не может считать буржуазную культуру культурой буржуазии».

Приведем по этому вопросу мнение одного марксиста, которого мои оппоненты должны были бы согласиться считать и в достаточной мере компетентным и уж, во всяком случае, «здравомыслящим».

«В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплоатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная)—притом не в виде только «элементов», а

[1]) В брошюре мы писали, что социализм будет создавать и свою новую техническую базу. Я утверждал там и утверждаю сейчас — мне абсолютно нечего менять в моей книжке, как бы ни пытался Ионов превратить ее в оппозиционный документ,—что электрификация, к примеру, берущаяся в условиях планового обобществленного хозяйства, представляет качественно отличное явление, по сравнению с электрификацией на Западе.

в виде господствующей культуры». «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре». Занимательно будет посмотреть на всякого, кто попытается «комментировать» приведенные нами мысли Ленина [1]). Легко убедиться в том, что точка зрения прежнего Каутского—Ленина «несколько» отличается от точки зрения Ваганяна—Ионова.

Употребляющие термин «культура буржуазного общества» замазывают классовую разорванность этого общества, отказываются от классового подхода к вопросам культуры, ставят знак равенства между господствующей классовой культурой и культурой всего общества, в котором идет классовая борьба—и по линии классовой культуры.

По отношению к социализму можно будет говорить о культуре соответствующего способа производства. Почему? Потому что это будет бесклассовое общество равных людей. Там будет единая культура социалистического общества. А в приложении к любому обществу, разделенному на классы, нельзя говорить о всеоб'емлющей культуре данного общества, хотя господствующая классовая культура и накладывает свой отпечаток на жизнь всего общества.

Но между буржуазным и социалистическим обществами лежит период диктатуры пролетариата. Между ними лежит период революционного переустройства первого во второе. Что соответствует этому переходному периоду в области культуры? Вот где основной и наиболее актуальный предмет спора. Ясно, однако, что по-разному понимая классовый характер культуры, мы будем давать разные ответы. Точка зрения Ионова не сможет здесь не отличаться от нашей точки зрения.

В брошюре «За пролетарскую литературу» я писал: «Товарищей, которые высказывались по вопросу о пролетарской культуре, можно схематически разделить на 2 основные группы: в одну группу мы сможем отнести т.т. Бухарина, Луначарского и напостовцев, в другую т.т. Троцкого, Воронского, Яковлева, Ваганяна и др.». Указав на существенные разноречия и внутри этих групп, мы разбирали тогда две последовательные линии. Одни считали, что пролетарская культура создается, одни так, как т. Бухарин, ратовали за ее строительство, а другие об'являли пролетарскую культуру богдановщиной и утопическими химерами, а другие заявляли, что у пролетариата попросту времени не хватит на создание своей культуры, что его задача сводится лишь, по существу, к ученическому усваиванию прежней культуры.

В этом пункте Ионов, вслед за Слепковым, открывает новые пути—если попытка эклектического разрешения вопроса может быть названа новыми путями. Понимая, что перед нами длительный переходный период, Ионов пишет: «Можно и должно говорить

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIX стр. 43 и 50. Мы видим, как П. Ионов вопиет о «неслыханной терминологической путанице» у Ленина. Приносим наше соболезнование! А вот в последнем (3) номере «Красной Нови» опубликованы исключительно интересные заметки Ленина о пролетарской культуре, где он пишет: «Дальнейшая работа на этой основе (критической переработки ценного наследства. *Л. А.*) и в этом же направлении, одухотворяемая практическим опытом диктатуры пролетариата, как последней борьбы его против всякой эксплоатации, может быть признана развитием действительно пролетарской культуры». Курсив мой. *Л. А.*

о пролетарской культуре, точнее—о культуре эпохи диктатуры пролетариата». «Точнее»! Вот уж, действительно, «уточнил»! Проблема пролетарской культуры—это для нас прежде всего вопрос о культурной революции Ленина.

Тов. Сталин в № 3 «Большевика» пишет: «Буржуазная революция завершается обычно захватом власти, тогда как для пролетарской революции захват власти является лишь ее началом, при чем власть используется как рычаг для перестройки старой экономики и организации новой». В этой формулировке—ключ к пониманию ленинской культурной революции.

Как следует ставить вопрос о пролеткультуре? Только в плане ленинской культурной революции. Нам бесконечно чужды богдановские келейные химеры и неверные абстракции. Прежде и раньше всего ликвидация неграмотности. Но процесс культурной революции охватывает не только задачу научить читать и писать. Культурная революция охватывает все области идеологической надстройки. В процессе культурной революции пролетариат не ученически воспринимает прежнюю культуру, а критически перерабатывает ее, беря одни кирпичи, а другие кирпичи откидывая. Но борющийся класс не может успешно воевать и строить с кучей несогласованных элементов-кирпичей. В процессе классовой борьбы, воспринимая и перерабатывая прежнюю культуру, пролетариат из кучи отобранных старых и созданных им новых кирпичей создает свою классовую культуру. Процесс развития культурной революции неизбежно влечет за собой создание пролетарской культуры—если, конечно, культурная революция идет по пролетарским рельсам.

У нас речь идет о массовой культурной революции творчески растущего класса. У нас речь идет о необходимости культурной гегемонии пролетариата. Нам нужно вести за собой крестьянство, все более быстро культурно растущее. Нам нужно бороться с буржуазной идеологией, вырастающей из элементов частного капитализма в нашем хозяйстве. Вот почему на первых стадиях диктатуры пролетариата неизбежно должна расти пролеткультура. В резолюции ЦК о политике партии в области художественной литературы превосходно сказано о задаче перевода крестьянских писателей на рельсы пролетарской идеологии. Культурная революция—это задача невиданно грандиозного культурного под'ема масс и перевода их на рельсы пролетарской идеологии. Вот как мы ставим вопрос о культуре переходного периода. И вот для нас смысл философии всей в вопросе о пролеткультуре! Ясно, что к концу переходного периода, вместе с процессом отмирания классов, будет отмирать и пролеткультура, диалектически перерастая в бесклассовую культуру.

Ионов предлагает нам говорить о культуре эпохи диктатуры пролетариата. Но это еще более чудовищно, чем «культура буржуазного общества». Мы надеемся, что сказанного выше достаточно для опровержения попытки рассматривать культуру такой боевой, такой строительной, такой меняющейся эпохи—как единую культуру. «Пределы своей собственной сущности» [1]) обнаруживают здесь свою существенную бессодержательность и предельное отсутствие собственности... своих мыслей.

[1]) Бессмертное выражение П. Ионова.

* * *

Переходим к вопросу о совместимости господства пролетариата с господством непролетарской идеологии. И здесь статья Ионова вызывает глубочайшее недоумение. С одной стороны, он с удовлетворением замечает, что положение о «несовместимости» встретило «резкий отпор» на стр. «Большевика» в статьях т.т. Яковлева и Слепкова. А, с другой стороны, он «с ехидством» пишет: «Авербах ссылается на Маркса... ведь, это же—большевистская аксиома—восклицает он. Как можно отрицать бесспорное марксистское положение о том, что непролетарская идеология не совместима с фактом пролетарской диктатуры... И ему и невдомек, что вот это-то и плохо, что это—аксиома, и что вот именно поэтому-то ей и было не место в тезисах, претендующих на определение партийной литературной линии».

Нам остается развести руками. Мы не знали до сих пор, что в тезисах, претендующих на определение партийной литературной линии, не должно быть места большевистским аксиомам—заменить их что ли теоремами недоучившихся схоластиков? Что здесь шельмуются именно аксиомы, доказывают эпитеты, употреблявшиеся Слепковым для характеристики этой, по признанию Ионова, аксиомы: «вредное фразерство», мертвые, постные, нежизненные «афоризмы» вроде «несовместимости господства пролетариата с господством непролетарской идеологии». Предлагаем т.т. между собой сговориться, что это—большевистская аксиома или мертвый, постный и нежизненный афоризм! Нет, это такая аксиома, которая ни в какой мере не носит теоретически-абстрактного характера. Это прямая директива нам. И в особенности сегодня, и в особенности в связи с вопросом о классовой борьбе. Этот вопрос имеет политически решающее значение.

Нас обвиняют в непонимании форм классовой борьбы на данной стадии пролетарской революции. Нас обвиняют в непонимании политики гражданского мира и ленинских реформистских методов. «Да здравствует разжигание классовой борьбы»—так несколько раз формулирует нашу точку зрения П. Ионов. Он цитирует мою фразу: «У нас не ослабляется, а обостряется классовая борьба в области идеологии» и комментирует: «Вот уж поистине—как любили говорить некоторые т.т. ленинградцы—мимо Сидора в стенку. Ведь вот именно это-то и плохо,—тов. Авербах!» Плохо или хорошо—это другой вопрос, это вопрос на который ответ может дать только анализ современной действительности. Нами дается констатирование факта [1]). Опровергните его, докажите, что положение иное! Никогда и нигде мы не предлагали нарочито разжигать классовую борьбу—в частности по линии этого вопроса прошла линия нашего размежевания с группой Вардина—Лелевича. Но мы за классовую борьбу там, где она неизбежно будет происходить. Мы утверждаем, что процесс неслыханного приобщения масс ко всем областям «духовной» культуры, процесс культурной революции будет вести за собой острую классовую борьбу в области идеологии: кто кого переработает—массы ли старую культуру сумеют разбить на кирпичи и нужное им взять, или здание целост-

[1]) Отсылаем читателя к докладу тов. Бухарина на Ленинградской губпартконференции. Там несколько раз подчеркивается наблюдающееся у нас сейчас обострение классовой борьбы.

ной старой культуры окажется сильнее пролетарского культурничества.

Мы понимаем, почему Ионова пугает перспектива классовой борьбы в области идеологии. Он пишет: «Мы бы очень хотели посмотреть, как это можно разжигать классовую борьбу в области идеологии, не разжигая ее в экономике и политике—и наоборот, тем более, что понятие «идеология» включает в себя не только науку и искусство, и проч. безобидные штуки (!!), но и политическую идеологию». Эта цитата дает существо вопроса. Перед нами стопроцентная меньшевистская логика, на которую так яростно обрушивался Ленин. Такая постановка вопроса представляет собой лейтмотив всех рассуждений «Социалистического Вестника» за годы после нэпа. У вас свобода торговли, у вас сотрудничество в области экономической—сделайте политические выводы отсюда. Что на это отвечал Ленин? «Капитализм мы допускаем, но в тех пределах, которые необходимы крестьянству. Это нужно. Без этого крестьянин жить и хозяйничать не может. А без эсеровской и меньшевистской пропаганды он, русский крестьянин, мы утверждаем, жить может» [1]). Ленин много раз именно так ставил вопрос, борясь против попыток утверждать будто формы экономического сотрудничества будут определять и нашу политику в области идеологии. Еще при начале нэпа, когда у многих т.т. невольно проскальзывала именно эта, меньшевистская, логика Ленин обрушивался на них: «То, что говорил т. Варейкис, было в сущности не коммунистично и по содержанию мысли напоминало меньшевизм. Надо это сказать прямо. Каким образом он мог приставать с вопросом: «вы скажите, крестьянство—это класс или не класс?» Конечно, класс. Тогда,—говорит он,—ему нужны политические уступки, а если нет, тогда известные меры нужны в этом направлении, которые все же будут похожи на зубатовщину. Тут была сделана ссылка на Мартова, что он утверждал это целиком, т. же Варейкис говорит «до известной степени», «в той или иной мере», «отчасти». Путаница получается самая невероятнейшая, самая чудовищнейшая» [2]). Нужно сказать прямо: эта «путаница» Ионовым формулирована теперь уже не как путаница, а как крупнейшая политическая ошибка. Мы хотим ставить вопрос по-большевистски, памятуя, что говорил Ленин о пулеметах на II с'езде. Припомните, т. Ионов!

«Непримиримая классовая борьба—это единственное, что имманентно присуще взаимоотношениям пролетариата с буржуазной идеологией»,—пишет далее Авербах. И всего комичнее то, что за несколько строк перед этим он победоносно вопрошает одного из своих критиков: «Можно ли ставить знак равенства между периодами по преимуществу ломки и преимущественно строительства»—так комментирует и противопоставляет одну другой две цитаты из моей брошюры П. Ионов. «Комичнее»! Нет, дело обстоит достаточно трагически. Борьба Ионова против нашей постановки вопроса о классовой борьбе приобретает достаточно своеобразный характер. Ионов находит противоречие в нашем утверждении о том, что и в период строительства будет происходить борьба между пролетарской и буржуазной идеологиями. Но у того, кто так ставит вопрос, иное, чем у нас,

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, 2 ч., стр. 61.
[2]) Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 269.

понимание гражданского мира. С нашей точки зрения, гражданский мир есть не что иное, как одна из форм классовой борьбы пролетариата. У Ионова же строительный период, очевидно, исключает классовую борьбу. И это вовсе не комично.

На всякий случай оговариваясь о том, что «в отдельные периоды при диктатуре пролетариата классовая борьба достигает наивысшего обострения», Ионов неправильно ставит вопрос и о диктатуре пролетариата.

Он пишет: «Пролетариату, захватившему власть, уже не нужна новая революция, чтобы перейти к коммунизму: революционный переворот остался уже позади. Постольку для большевиков-марксистов, ленинцев, не метафизиков, а диалектиков—единство мирных и насильственных методов классовой борьбы дано уже в форме мирного руководства, мирной переделки попутчиков-крестьян, мирного соревнования и сотрудничества». Эта формула абсолютно неверна. Основная ошибка заключается в забвении или затушевывании того факта, что, кроме крестьянства, имеется и нэпман, что крестьянство неизбежно выделяет некоторые элементы кулачества. Почему это у нас не вызывает паники? Потому что мы убеждены в том, что мы сумеем массу крестьянства ввести в русло социалистического развития. Мы знаем, что элементы капитализма относительно, а затем и абсолютно, будут все быстрее уменьшаться. Потому, конечно, не будет нужна никакая «вторая революция». Однако, отсюда вовсе не следует, что Ионов должен мещански прятать «ужасное насилие»: диалектическое единство у него заключается в том, что мирные методы до конца и без остатка с'едают насильственные. Вопрос более чем ясен. Читатели «Большевика» в том же номере, в котором они имели сомнительное удовольствие читать статью Ионова, видели и настоящий ответ на этот вопрос:

«В период строительства социализма, наоборот, особенно бьет в глаза мирная, организаторская, культурная работа диктатуры, революционная законность и т. д. Но из этого опять-таки вовсе не следует, что насильственная сторона диктатуры отпала, или может отпасть в период строительства». Мы еще раз оставим т. Ионова наедине с собою—авось, он попытается найти единство в своих взглядах и взглядах тов. И. Сталина. Но мы ему не позавидуем—предприятие безнадежное!

Тяга к обязательной мирности, обязательная тяга к затушевыванию факта наличия классовой борьбы—вот истинная подоплека наших споров по вопросу о совместимости или несовместимости господства пролетариата с господством непролетарской идеологии.

Та борьба, которая идет у нас в идеологической области, представляет собою борьбу за пролетарские рельсы развития, а борьба за эти рельсы есть классовая борьба в области идеологии, против попыток новой буржуазии перевести крестьянство на рельсы ее идеологии («кто кого?»).

* * *

Ионов не мог не порадеть и о крестьянстве. Но здесь его окончательно покинула всякая добросовестность. Приведем одну цитату: «Крестьянские писатели по большей части подводятся под категорию попутчиков. Я предлагаю их считать союзниками. Если мы говорим о представителях мелко-буржуазной

интеллигенции, как о попутчиках, то о крестьянских писателях мы должны перестать говорить, как о попутчиках, а говорить о них, как о союзниках, о спутниках» [1]). Ионов читал мою брошюру. При желании он мог бы подобрать из нее не одну цитату, дающую выразительный ответ на его обвинения. Всякий, хоть немного соприкасавшийся с литературной жизнью, знает, сколько внимания ВАПП—исходя из своих теоретических предпосылок—уделяет крестьянским писателям. Общеизвестно, что все начинания ВАПП'а проводятся совместно с Всероссийским Союзом Крестьянских Писателей. В то время, как на словах осуждаемые, а на деле покрываемые Ионовыми, Воронские игнорировали массового крестьянского писателя, мы боролись и боремся за то, чтобы писатель, растущий из селькорства, чтобы подлинный крестьянский писатель—нимало не похожий на Орешиных и Наседкиных!—пошел по пролетарскому пути.

Этих строчек по «крестьянсокму вопросу» достаточно, если принять во внимание, что Ионов и в этом пункте был верен себе: он не привел ни одного доказательства, обосновывающего сконструированные им за нас ошибки. Здесь будет не лишне привести афоризм Козьмы Пруткова: «Питомец рангов нередко портится».

* * *

Нам уже приходилось характеризовать полемические манеры П. Ионова. Переходя—очень вкратце—к вопросу о партийной политике в литературе и, в частности, к вопросу о попутчиках, я принужден опять заниматься спасением своих мыслей от тех ересей, которые были к ним приклеены «дружелюбным» т. Ионовым. Следите внимательно за цитатой, курсив в ней принадлежит мне: «Раскритиковав в пух и прах досужего публициста из «Руля», утверждавшего внепартийность и внеполитичность литературы, Авербах приходит к заключению, что «политика является первенствующей над искусством, в частности, над литературой». Отсюда для нашего автора с железной необходимостью следует, что при наличии партийной литературной политики мы создадим идеологически-четкую и выдержанную пролетарскую литературу. Таким образом, вопрос у Авербаха ставится так, что как-будто бы в обществе ничего, кроме политики и литературы, не существует (вот уж действительно, как будто бы! *Л. А.*), и что, во-вторых, связь между ними аналогична, к примеру, связи между творчеством канцелярии и приказной деятельностью управделами пыльбухтреста. Само собой разумеется, если согласиться с обоими предпосылками Авербаха, то...»—и далее.

На 3-х страницах Ионов ликует, справедливо резюмируя свои восторги словами: «Все это, конечно, азбука». Но азбука азбукой, однако, для чего же было из правильной фразы сделать словом «отсюда» неправильный вывод—вовсе это не отсюда следует!—на придуманном неправильном выводе надстроить следующий этаж словами «таким образом», и из второго этажа размахивать «отсюда таким образом» вытекающими «предпосылками Авербаха»?! Дешево это. Дешево и грустно.

[1]) Л. Авербах, «За пролетарскую литературу».

А по существу? Как известно, первым спорным вопросом литературной дискуссии были разногласия по линии: нейтралитет или руководство. Они ликвидированы,—точнее должны быть на практике ликвидированы,—принятием резолюции ЦК, установившей партийную линию. Ионов излишне предлагает нам становиться на общепартийную позицию. Мы на этой позиции стояли еще тогда, когда Ионов не начинал писать по вопросам литературы. Наша брошюра, ставшая предметом критического рассмотрения тов. Ионова, вся посвящена доказательству—с документами, с сопоставлением цитат—правильности основной линии напостовства, совпадения ее с резолюцией ЦК. Но это Ионов и не попытался опровергнуть. Он и решенный вопрос о руководстве партии в области литературы пытается замазать. Тов. Троцкий, выдвинув положение, что «методы марксизма—не методы искусства» писал: «Партия руководит пролетариатом, но не историческим процессом». Из этих, в частности, предпосылок т. Троцкий выводил политику нейтралитета партии в области художественной литературы. Мы категорически возражали против этих обоих предпосылок и, в частности, заявляли, что не верно само по себе противопоставление руководства пролетариатом руководству историческим процессом. Пролетариат один из весьма существенных факторов, определяющих ход исторического процесса, а посему,—утверждали мы,—руководство пролетариатом есть прямое воздействие на линию исторического развития. Конечно, партийная политика не может создать литературы, но оказать громадное влияние на ход ее развития она может. «Осмысленно» сославшись на Шулятикова, Ионов пишет: «Напостовцы... претендуют на «руководство» «историческим процессом». Предоставление им (курсив мой. *Л. А.*) этого руководства принесло бы величайший вред всей нашей литературе...» Спрос с т. Троцким о руководстве со стороны партии пролетариатом и историческим процессом Ионовым представляется, как желание напостовцев руководить историческим процессом. Экая ловкость рук! А ведь подумаешь, нормальные ли люди эти напостовцы? Желают руководить—небольшая группа, ведь,—историческим процессом! Нетрудно убедиться в том, что здесь Ионову явно изменила тактика превращения противника в заведомого олуха. Смысл наводимого Ионовым тумана заключается опять-таки в эклектической попытке смазать существо наших литературных разногласий.

Ионов цитировал мою фразу: «Нужно различать между творческим соревнованием и методами анархической конкуренции». Я разграничивал два вопроса. Одно дело—соревнование в области формы. В ВАПП, к примеру, в организацию довольно крепко сколоченную, входят формально самые различные товарищи. Другое дело—классовые писательские группировки. Здесь не должно быть методов анархической конкуренции ни в каком случае, а должна быть твердая установка на классовую пролетлитературу. Ионов валит все в одну кучу и пишет: «Что же касается анархической конкуренции и свободного соревнования, то разницы между ними по существу нет—резолюция ЦК заменяет лишь—и правильно заменяет—первый термин вторым, ибо термин «анархическая конкуренция» мог бы быть истолкован, как отказ от всякого руководства, что было бы неверно» (курсив мой. *Л. А.*). Все дело

заключается в том, что этот термин не мог быть иначе истолкован, что он об'ективно покрывал ставку на кого угодно, и на попутчиков действительных, и, что самое скверное, на попутчиков в кавычках—только не на пролетарскую литературу, у которой т.т. Троцким и Воронским принципиально отнималось право на существование.

В вопросе о формах партийного руководства у напостовцев не было ошибок. Но там, где в одном ответственном напостовском документе действительно были крупные ошибки, там их Ионов не заметил.

В январских тезисах Вардина была дана совершенно неправильная характеристика литературных попутчиков [1]). Именно в этом пункте моя брошюра разительно отличается от вардинских тезисов. И именно об этом я говорил в своей брошюре, заявляя, что у напостовцев были перегибы палки. Вопрос о политике по отношению к попутчикам был одной из главных причин раскола между напостовцами, между всем ВАПП-ом и группой Вардина—Родова—Лелевича—трех рыцарей печального образа без всякой армии. Но разорвав с «левыми», мы только исправили вывих в правильной напостовской линии. «Как же, однако, быть с попутчиками?»—спросит читатель. Нужно ли добиваться их дифференциации? Нужно ли держать курс на гегемонию пролетарской литературы? На оба поставленные вопросы мы без малейшего колебания отвечаем—да». Эта цитата взята нами не из первых напостовских документов 1923 г., как мог подумать читатель. Это цитата из статьи Ионова. Но тов. Ионов или не знает истории, или прячет ее, ибо мысли, которые он здесь высказывает: 1) дифференциация попутчиков, 2) курс на гегемонию пролетарской литературы,—были основными лозунгами, которые мы, напостовцы, отстаивали против ликвидаторов и капитулянтов. Ошибка Вардина, между прочим, заключается в фактическом отказе от политики дифференциации попутчиков. Он рассматривает их всех как одну реакционную массу—в то время, как Воронский их всех считает перлом создания. Методологически одна и та же ошибка!

В нашей дискуссии с «левыми», нам приходилось указывать на ряд ошибок Вардина и иже с ним. Как известно, наши разногласия с «левыми» по литературной линии оформились, примерно, за полгода уже до XIV с'езда. Пришел с'езд, и размежевание между нами целиком прошло в области политической так же, как и в области литературной. Да, те ультралевые теории, которые развивались Вардиным, после отхода Вардина от всей основной массы напостовцев—они были порождены политическими теориями оппозиции. Как только началась последняя партдискуссия мы немедленно, до партс'езда, связали литературные и политические ошибки Вардина. Здесь не место, сейчас, разбирать ошибки Вардина. Желающие ознакомиться с вопросом могут взять материалы Всесоюзной Конференции Пролетписателей, из которых они убедятся, что мы потому раскололись с группой Вардина, что наши ультралевые ликвидаторы так же далеко ушли от напостовства, как и правые ликвидаторы от резолюции ЦК.

[1]) Что опять-таки отмечалось на последней конференции пролетписателей.

* * *

Мы считаем мещанскими разговорами протесты против увязки политических и литературных вопросов. Мы приветствуем попытку Ионова связывать эти вопросы.

«Всякая ошибочная точка зрения, выявляющаяся у партийцев в области литературы, является большим или меньшим производным от той или иной ошибки по общим вопросам партийной политики» [1]).

Но, к сожалению, т. Ионову не удалась правильно поставленная задача: грубостью и топорностью тут ничего не сделаешь! Наша литературная линия есть линия резолюции ЦК, а вытекает она из правильной линии XIV с'езда, направленной как против забвения середняка и переоценки кулака, так и против забвения кулацкой опасности, против замазывания борьбы с кулачьем—вот почему попытка Ионова и не могла удасться. Литературные ошибки т. Слепкова, а теперь Ионова, я рассматриваю, как преломление осужденного партс'ездом правого уклона в применении к вопросам культуры. Я это доказывал на разборе статьи т. Слепкова. Разбор мыслей П. Ионова по вопросу о диктатуре пролетариата и связи между классовой борьбой в экономике и политике только подтверждает нашу прежнюю мысль.

Ионов понимает странность утверждения: напостовство (1922—23 г.г.) рождено новой партоппозицией (1925—26 г.г.). Он об'ясняет эту странность тем, что, дескать, в области литературы заранее сказываются тенденции общественной жизни. «В частности,—пишет он,—новый «чумазый» нашел себе среди правой части попутчиков готовый рупор и готовое знамя, вынесенное привычными руками вперед еще тогда, когда в экономике только едва намечались элементы пореволюционного (курсив мой. *Л. А.*) капитализма». В этой цитате имеется ответ на причины возникновения напостовства. Мы сформировались, как идеологическая группа, тогда, когда начался процесс возрождения буржуазной идеологии. Не случайно основой и исходной базой нашей борьбы с формирующейся идеологией нэпмана и кулака послужили резолюции XII партконференции. Резкость нашей борьбы определялась теми настроениями, которые так отчетливо находят свое законченное выражение в пореволюционном капитализме Ионова. Появление «пореволюционных» настроений—вот причина возникновения напостовства. И лучшим доказательством того, что мы являемся лишь большевиками в приложении и к вопросам культуры,—ничем другим!—является тот факт, что когда в нашей среде наметился «левый» отход от большевизма, мы разорвали с ним еще до того, как обнаружились политические корни наших разногласий.

«Три основных факта лежат, нам думается, в основе всех напостовских теорий. Во-первых, неверие в творческие силы рабочего класса». Мы провели длительную и успешную борьбу за пролетарскую литературу, за признание принципа ее гегемонии,—именно против тех, кто недооценивал силы пролетарской

[1]) «За пролетарскую литературу».

литературы, кто вообще заявлял, что у пролетариата не будет не то времени, не то сил на создание своей литературы. «Чужой нос другим соблазен» — этим афоризмом. Пруткова руководствуется Ионов и потому нашим же добром, да нам же челом! У Пруткова же есть еще один сюда относящийся афоризм: «Одного яйца два раза не высидишь». Ионов в муках производит на свет божий давно уже рожденные яйца, из которых успели вылупиться цыплята, давшие последующее потомство.

«Во-вторых, паника перед зазвучавшим в литературе сменовеховским рупором». «Литкул» загипнотизировал бедняцких Дон-Кихотов! Но... не лучше ли быть бедняцкими «Дон-Кихотами», чем кулацкими Санчо-Пансо? Упрекая нас в панике перед «зазвучавшим в литературе» сменовеховцем, Ионов льет воду на мельницу тех, кто заявляет, что у нас нет в литературе никаких сменовеховцев, кто утверждает, что у нас «единая русская литература», кто об'ективно помогает формированию буржуазной идеологии на фронте литературы. Паника перед буржуазными писателями—так мы характеризовали линию вардинских уклонистов. Но тот, кто у нас находит панику перед «литкулом»—тот должен быть отнесен к лику борцов с «устаревшей терминологией».

«Забвение задач партии—по отношению к крестьянскому писателю—такова, нам думается, третья основная идея, легшая в основу напостовства». На этот пункт мы дали уже ответ выше.

Выводы? Легок оказался багаж у Ионова! Утверждение, что напостовство есть литературная спецификация оппозиции осталось висеть в воздухе. Именно поэтому я считаю долгом отметить одну мою тактическую ошибку. Я не учел того, что партия должна будет перенести удар налево. Не учел, правда, потому что и вся партия тогда не переносила удара налево. Моя дискуссия с т.т., делающими правые ошибки в вопросах художественной политики, об'ективно могла лить воду на мельницу становившихся более опасными левых уклонистов. И если бы т. Ионов так поставил вопрос, то я с ним согласился бы. Но Ионов захотел воспользоваться этой тактической ошибкой—тактической, ибо я целиком отстаиваю все, что писалось в моей брошюре—для того, чтобы политически «ошельмовать» все напостовство, намеренно игнорируя факт ликвидации напостовством своего «левого уклона». Да, основной удар мы перенесли налево, но будем попрежнему отстаивать все наши позиции и против нападений справа.

Пусть судит читатель, удалась Ионову его задача или нет. Пусть судит читатель,—не веря никому на-слово, обращаясь к материалам!—где линия большевистских аксиом. Но мы-то убеждены в том, что литературная политика большевизма не будет нисколько похожа на эклектическую мешанину, хотя бы и выступающую в воинственном одеянии [1]).

---

[1]) В послесловии к статье Ионова пишется о моем «отходе» от политической вардинщины. Отходить можно от того, с чем был связан. Мы в оппозиции не состояли и выражение удовлетворения т. Ионова возвращаем за ненадобностью.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК, под редакцией Л. Б. Каменева, IV, 1925.

Приводимый в настоящем сборнике материал имеет отношение к самым различным историческим периодам. Первый отдел включает четыре письма В. И. Ленина А. Н. Потресову, относящиеся к сентябрю 1898 г.— июню 1899 г. и написанные Ильичем в ссылке (с. Шушенское); во второй («К истории создания «Искры» и «Зари») вошли: проект редакционного заявления о задачах и программе изданий «Искры», написанный Лениным, и статья Ю. Мартова (извлеченная из неопубликованных воспоминаний), из которой, между прочим, явствует, что этот проект редакционного заявления принадлежит именно Ильичу; в третий отдел («Из эпохи «Искры» и «Зари»), открываемый вводной статьей Н. К. Крупской («Перед вторым с'ездом»), вошла переписка редакции «Искры» и «Зари» в Лондонский период (с IV—1902 г., по IV—1903 г.), являющаяся продолжением переписки Мюнхенского периода (см. Ленинский сборник, III).

IV, V, VI и VII отделы дают материал, относящийся к первой революции, февральскому и октябрьскому переворотам. Сюда входят: принадлежащий Ленину проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной Думе для Алексинского, ряд не напечатанных по разным причинам статей Ленина послефевральского периода, план не выполненной Владимиром Ильичем брошюры об апрельской конференции, его заметки на конференции межрайонцев (о выступлении т. Троцкого и план своего выступления), записка т. Каменеву об издании материалов, положенных в основу работы «Государство и революция»; очень интересное письмо И. Т. Смилге в предоктябрьский период, ответы Ильича на запросы крестьян в период непосредственно после Октября.

В VIII отдел вошли уже известные читателю «Большевика» план и конспект брошюры «О продналоге», записка Ленина и ответная записка т. Бухарина о сущности экономических форм Советского Союза в начале нэпа. К IX отделу отнесены тоже известные читателю «Большевика» замечания т. Ленина на тезисы тов. Преображенского и письмо т. Осинскому, относящиеся к периоду подготовки XI с'езда ВКП. Наконец, X отдел («В. И. Ленин и Коминтерн») включает «Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу для второго с'езда Коминтерна», «Письмо к австрийским коммунистам» (август 1920 г.) и рукопись «О тезисах по аграрному вопросу французской компартии» (декабрь 1921 года).

Открывающие сборник письма В. И. Ленина к Потресову (1898—1899 г.г.) дают основание утверждать, что Ильич более резко и отрицательно реагировал на реформистские литературные выступления легальных марксистов, чем Плеханов. Будучи в ссылке, он удивлялся, почему Плеханов оставлял без ответа эти выступления российских ревизионистов.

«Не понимаю только одного,—пишет он в четвертом письме от 27/VI—1899 г.,—как мог Каменский (один из литературных псевдонимов Плеханова. *А. С.*) оставить без ответа статьи Струве и Булгакова в «Новом Слове» против Энгельса» (Сборник IV, стр. 34).

Это дополнительное обстоятельство весьма важно иметь в виду при разрешении вопроса о том, действительно ли Плеханов более решительно и энергично, чем Ленин—и даже якобы вопреки колеблющемуся последнему—боролся с легальными марксистами.

При разрешении этого вопроса необходимо видеть две стороны вопроса: одна касается использования легальных марксистов для дела пролетарской революции, другая—идейной критики ревизионизма легальных марксистов.

Ильич склонен был итти дальше Плеханова в первом направлении—он всемерно старался взять от Струве, Тугана и других все, что они могли дать положительного для партии в этот период ее оформления, он стремился использовать их и для «Искры» (с каковой целью пошел даже на известное читателю Псковское совещание), но в области теоретической и политической критики легального марксизма он шел дальше Плеханова и еще с 1895 года непрерывно реагировал в той или иной форме на все известные ему антимарксистские выступления Струве и К⁰.

Плеханов был не прочь намекнуть, что Ленин слишком миндальничает с легальными марксистами, но его критика последних была сугубо-академичной, мало увязана с критикой политических положений, которые у Струве и К⁰ вытекали из их общетеоретических позиций.

Ленин с самого начала ревизионистских выступлений легальных марксистов почувствовал в них либерально-буржуазных политиков, правда, еще не скинувших с себя «марксистского» облачения. Отношение к легальным марксистам у Ленина находилось в теснейшей связи с оценкой им роли либеральной буржуазии в российской революции.

Во втором письме к Потресову (от 26/I—1899 г.) Ильич делает следующие весьма характерные замечания по поводу статьи П. Б. Аксельрода «Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России», напечатанной в апреле 1898 г. в органе германской социал-демократии «Neue Zeit»:

«В мотивировке... действительно следовало бы порезче выставить Klassencharakter (классовый характер) того Bewegung (движения), о котором говорит автор (он сказал это, но только мимоходом и очень кратко), а затем не так благоволить к фрондерствующим аграриям: в их либерализме больше именно фрондерства и «обиды» за einundsechzig (61), чем желания «быстрейшего индустриализирования» страны. Стоит вспомнить их отношение к отхожим промыслам, к переселениям и пр. Автору следовало бы точнее формулировать задачу: высвободить все и всяческие fortschrittliche Strömungen (прогрессивные течения) из-под хлама народничества и аграриерства и в таком, очищенном, виде утилизировать все их. По-моему «утилизировать» гораздо более точное и подходящее слово, чем Unterstützung und Bundesgenossenschaft (поддержка и союз). Последнее указывает на равноправность этих Bundesgenossen (союзников), а между тем они должны (и в этом я с Вами вполне согласен) в хвосте итти, иногда даже «со скрежетом зубовным»; до равноправности они абсолютно не доросли и никогда им не дорасти, при их трусости, раздробленности и т. д.» (Сборник, IV, стр. 14—15).

Для всякого непредубежденного читателя ясно, что именно Ильич, а не плехановец Аксельрод правильно оценил роль и место либерального движения в классовой борьбе, развертывавшейся в России конца XIX в. А оценивая так либеральное движение, говоря о необходимости «утилизировать» либеральное движение, а не «опираться» на него,—Ленин смотрел и на наиболее видного вождя либералов (правда, левых) Струве, как на об'ект «утилизации».

Уже значительно позже, в 1901 году, в редакции «Искры» имела место полемика по поводу статьи Ленина «Гонители земства и аннибалы либерализма», в которой Ленин дал резкую и заслуженную отповедь Струве, снабдившему предисловием и примечаниями конфиденциальную записку министра финансов С. Ю. Витте «Самодержавие и земство».

«Не следует теперь,—писал в июле 1901 года Плеханов Ленину,—ругать *либерала вообще*[1]). Это не тактично, *надо от плохого либерала апеллировать к хорошему*, хотя бы существование такового и было для нас сомнительно...

Следует несколько раз оговорить, что те, которых Вы презрительно аттестуете, собственно говоря, недостойны называться либералами, что плохи *так называемые либералы*, а *либерализм сам по себе может заслуживать большого уважения*. Мы, ведь, должны относиться к либералам, как к возможным союзникам, а тон у Вас, надо сознаться, совсем не союзнический.

Итак, смягчайте, голубчик. *Либерализм не надо гладить теперь против шерсти. Это большая ошибка!..*

Господина Р. Н. С. (Струве) *надо* разносить, но разносить так, чтобы либерал не подумал, что в лице бедного Р. Н. С. (Струве) разносят его, либерала вообще. Такое впечатление было бы очень благоприятно для Р. Н. С. (Струве). А этого надо избегать...» (Сборник, III, стр. 203—204).

Из приведенного выше становится ясным, как день, что *Плеханов, во-первых, не угадал в Струве либерала* (и не отсталого либерала, а передового российского либерала), и *во-вторых, не понял, что российский либерализм соглашательствует и будет соглашательствовать с самодержавием*, по сути дела, *борется и будет бороться с революционной социал-демократией*, подготовляющей массы к свержению самодержавия. Ильич же не только критиковал теоретические положения Струве и К⁰ (в приведенных в IV сборнике письмах к Потресову он особенно возмущается Булгаковым, на аграрно-экономические статьи которого он написал ряд ответных статей), но понимал связь этой ревизии Маркса легальными марксистами с их буржуазно-либеральной сущностью.

В переписке редакции «Искры» и «Зари» в Лондонский период (апрель 1902 г.—апрель 1903 г.) отразилась внутриредакционная борьба. Ленин, имевший до этого времени ряд стычек с Плехановым, прислушиваясь к Плеханову, привлекая его к тесному сотрудничеству в «Искре» и «Заре», вместе с тем стремился обеспечить такое положение дел, при котором бы «Искра» и «Заря» (особенно «Искра») были ограждены от диктаторских поползновений Г. В. Плеханова.

Это стремление Ильича находило поддержку в Мартове и Потресове. Так Потресов писал в апреле 1902 года Ленину: «Что касается отдачи «Зари» и ее перевода в Женеву, то я безусловно против. Это зарез. Журнал, хотя и в меньшей степени чем газета, может оказаться организационным, собирающим началом. Этого Г. В. (Плеханов) выполнить не в состоянии. Затем под его шеф-редакторством она постепенно изменит свой характер и станет более абстрактной, академической...»

Однако, в дальнейшей переписке, характеризующей ход внутриредакционной борьбы, у противников Плеханова, которого поддерживали В. И. Засулич и П. Б. Аксельрод, возник неосуществленный проект: в целях изжития конфликта передать «Зарю» в распоряжение Плеханова, закрепив за собой «Искру».

---

[1]) Курсив везде Плеханова.

Ленин стоял в этой борьбе на строго-принципиальной почве. На истории с проектом программы и статьи об отрезках он убедился, что диктаторство Плеханова над «Искрой» и «Зарей» может повлечь за собой распространение неверных, нереволюционных идей на страницах органа партии.

Понимая это, Ленин, однако, очень не хотел разрыва с Плехановым, на который (разрыв) его вызывал последний.

Но когда Плеханов потребовал радикальной, принципиальной переделки «статьи об отрезках» Ленина, тогда последний при поддержке Потресова и Мартова заявил о неизбежности разрыва при таких отношениях.

Плеханов, однако, уступил, что весьма обрадовало Ленина и побудило его пойти со своей стороны на кое-какие уступки (в частности, Ильич на время «опустил» национализацию).

Нет никакого сомнения, что этот конфликт не прошел бесследно. Тов. Каменев совершенно правильно писал об этом в III сборнике:

«Было, однако, еще одно немаловажное последствие обсуждения этой статьи. Нельзя сомневаться в том, что именно история редакционного обсуждения этой статьи—вместе с ходом обсуждения проекта программы—убедила Владимира Ильича в нежизнеспособности такого состава редакции «Искры», при котором Плеханов—почти наверное и при любом разногласии, имел за себя еще двух членов редакции П. Аксельрода и В. Засулич. При шестичленном составе редакции это положение становилось тормозом дальнейшего ведения дела. Мысль Ленина об изменении состава редакции «Искры» ведет свое начало, несомненно, от рассмотренного конфликта. А предложение об изменении состава редакции и ограничении ее тройкой (Плеханов, Ленин и Мартов) было, как известно, ближайшим поводом к расколу «искровцев» и созданию «большинства» и «меньшинства» на II с'езде партии» (Сборник, III, стр. 316).

После переписки редакции «Искры» в сборнике помещен «Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной Думе», написанный Ильичем для бывшего тогда большевиком и депутатом II Думы—Г. Алексинского.

Проект речи, снабженный богатым фактическим материалом и частично использованный Алексинским, включает критику правых, особенно детальную критику кадетов (Кутлера) и подхватывает и обосновывает требование трудовиков об отобрании 70 миллионов десятин помещичьей земли, при чем Ильич обосновывает требование безвыкупного отобрания, т.-е. экспроприации.

Из материалов 1917 года наиболее интересно предоктябрьское письмо т. Ленина т. И. Т. Смилге, публиковавшееся не так давно в «Правде».

Это письмо поражает, если можно так выразиться, страстной деловитостью, с которой Ильич намечает план работ для видного работника партии (т. Смилга в этот период был председателем Финляндского областного комитета армии, флота и рабочих). В письме имеется и общая оценка политического положения («История сделала коренным политическим вопросом сейчас вопрос военный»), и директива об организации военных сил революции в Финляндии («Кажется, единственное, что мы можем вполне иметь в своих руках и что играет серьезную военную роль, это финляндские войска и балтийский флот»), и указание о необходимости посылки «агитаторских отрядов из лучших сил матросов и солдат Финляндии» в казачьи отряды, которые Керенский старался изолировать, выведши их из Выборга, и необходимость использования от'езжающих в отпуск матросов и солдат для агитации в деревне и налажения нелегального транспорта литературы из Швеции («без этого все разговоры об «Интернационале»—фраза») и т. д., и т. д.

Из материалов, относящихся к нэпу, помимо известных плана и конспекта брошюры «О продналоге», следует отметить записку Ленина, адресованную т. Бухарину, и ответ на нее последнего, а также письма Ленина о работе в деревне перед XI с'ездом партии («О тезисах т. Преображенского» и «Письмо т. Осинскому»). В записке к т. Бухарину, написанной в период перехода к новой экономической политике, Ильич теоретически ставит вопрос о возможности строительства социализма при условии, когда «пролетарская государственная власть... держит фабрики, железные дороги, внешнюю торговлю», образует «товарный фонд» и продает его: во-первых, «рабочим и служащим за деньги или за их труд без денег» и, во-вторых, «крестьянам за хлеб». Продажа эта должна происходить через комиссионера-торговца «за комиссионный процент» и кооперацию: «предпочтение оказывать кооперации (стараясь поголовно организовать в нее население)».

«Почему это невозможно? А это есть капитализм+социализм»—заключает тов. Ленин.

Ответная записочка тов. Бухарина начинается с ответа на заключительное замечание т. Ленина:

«По-моему, это возможно, но, мне кажется, это не есть «капитализм+социализм». Это есть социалистическая диктатура, опирающаяся на социалистические производственные отношения в крупной промышленности и регулирующая широкую мелко-буржуазную экономическую организацию хозяйства (натурально, с тенденцией в сторону капитализма)».

В письмах о работе в деревне (письмо тов. Осинскому) необходимо отметить предвосхищение Ильичем некоторых решений XIV партконференции.

«По вопросу об условиях применения наемного труда в сельском хозяйстве и аренды земли партс'езд рекомендует всем работникам в данной области не стеснять излишними формальностями ни того, ни другого явления и ограничиться проведением решения последнего с'езда советов, а также изучением того, какими именно практическими мерами было бы целесообразно ограничивать крайности и вредные преувеличения в указанных отношениях».

Указывая на необходимость помощи бедноте, Ильич пишет в заметках на тезисы тов. Преображенского: «Как организовать эти стремления (эксплоататорские стремления сельской буржуазии. *А. С.*), как защищать бедноту должно и может наше государство, в этом вся суть. Это надо изучать и заставить изучать практически, а общие фразы пусты».

Эти указания, как известно, партия должным образом учла.

Комментирован материал с обычной тщательностью, издан сборник прекрасно.

А. Слепков.

ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЕ МЕШОЧНИКИ. («Новая Россия» — №№ 1 и 2).

Вышел в свет журнал «Новая Россия». Обложка та же, что была у старой «России». Под обложкой «знакомые все лица»: редактор — И. Лежнев, неизбежный Тан-Богораз, «собственный корреспондент» из Берлина—Адольф Рифлинг. Рядом с именем проф. Устрялова, которое значится в списке сотрудников, в скромных скобках поставлено «дискуссионно».

Вопреки обычаю, редакция не дала декларации о задачах журнала. Это как нельзя более характерно для сотрудников «Новой России», которые привыкли топить принципиальные формулировки в гуще словесных образов. Впрочем, физиономия нового органа ясно вырисовывается из статейного материала первых двух номеров журнала. Сменовеховцы из «Новой России» выглядят несколько более причесанными и приглаженными на советский лад, чем это было раньше. Они «приемлют» и новую экономическую политику и последние мероприятия партии, направленные к изживанию хозяйственных затруднений. «Приемлют», конечно, по-сменовеховски. Лежнев не щадит усилий для доказательства того «положения», что нэп—это «национальная экономическая политика». «Монополия внешней торговли, заявляет он,—это система нашей экономической обороны на мировом рынке»; национализация земли—«мера национальной охраны от экономической экспансии Запада». Труднее обстоит дело с «оправданием» национализации промышленности. Но бойкий журналист и здесь не теряется, приглашая на помощь... покойного Ключевского. Тяжелая промышленность в России, оказывается, не что иное, как «исторически-неизбежная военно-государственная дедукция». Самодержавие не сумело своими силами развить крупную промышленность; не удалась эта задача и буржуазии (по Лежневу, буржуазия взялась не за свое дело). «Революция национализовала промышленность, т.-е. вернула ее к естественно-историческому истоку: поставила на службу государству, его военным нуждам, его индустриализующей страну воле» [1]).

Не трудно заметить, что путь, на котором Лежнев ищет «экономической санкции» для нэпа,—это путь передержек, путь обмана читателя. Лежнев старается выхолостить из советской экономики ее социальное содержание. Он забывает, или, вернее, делает вид, что забывает, о пролетариате и крестьянстве. Монополия внешней торговли—не просто «система обороны»—это оборона рабоче-крестьянского союза от буржуазии,—и не только от иностранной, но и от русских нэпманов (о которых не упоминает Лежнев), «оборона», обеспечивающая наступление социалистической экономики. Лежнев уверяет, что монополия внешней торговли единственный выход для «любой слабой или отсталой страны». Но в таком случае, интересно было бы узнать, почему слабые страны, вроде Австрии, или отсталые—как, например, Румыния, не воспользуются убедительным советом Лежнева. Потому ли, что они не читали последнего номера «Новой России» или потому, что в этих странах у власти стоит не пролетариат, а буржуазия?

Лежнев ищет санкций советской экономики,—его «дискуссионный» сотрудник проф. Устрялов—политики. Конек первого—«хозоборона» с умолчанием о «хозяйствующем суб'екте»; второй увлекается отвлеченной государственностью. Для нового поколения, записывает Устрялов в вагоне Москва—Харбин, «революция—...прежде всего быт, культ революции—государственный культ и вместе с тем культ государственности. Революция стала государством». Молодежь — «революционна ex officio и государственна par excellence» [2]). Декларация Устрялова также рассчитана на легковерие читателей. Но изречения харбинского профессора и латинские словечки, которыми он уснащает свои афоризмы, не могут скрыть недоброкачественности аргументов. Почему молодежь «государственна» сейчас и не была «государственна» до революции. Ответ

[1]) «Новая Россия» № 2, ст. Лежнева «Неп — национальная экономическая политика»,—стр. 20—22.
[2]) «Н. Р.» № 2, Устрялов, «Из окна вагона», стр. 43.

может быть только один—государство стало революционным. Государство—не абстрактное понятие в духе Устрялова, а реальное государство,—власть рабочих и крестьян—для молодежи,—это своя власть. Энтузиазм революции рождается не только на полях сражений; молодежь проникается им и на хозяйственном фронте. Молодежь революционна не по «долгу службы», как это думает проф. Устрялов, а потому, что она—рабоче-крестьянская молодежь, потому что она делает революцию.

Но, оставим пока Устрялова с его абсолютом «государства». Мы извратили бы действительность, если бы ограничились указаниями, на то, с чем согласны авторы из «Новой России».

Сменовеховские публицисты кое-чем недовольны. Правда, они смягчают это недовольство сотнями оговорок и оговорочек, но по некоторым «таврам» не трудно узнать «ретивых коней».

«Новая Россия» против идеологии, конечно, против идеологии социалистической. На последнем партийном с'езде велись споры о характере нашей промышленности. Редакционная статья журнала, посвященная с'езду, осторожно обходит этот вопрос: «Споры эти всецело лежат в плоскости теоретической надстройки и психологической надстроенности» [1]). «Революционная диктатура,—вторит Устрялов,—отнюдь не должна непременно осуществляться в идеологически спертом воздухе» [2]). «Если-б я мог,—ломается Лежнев,—не мудрствуя лукаво, до конца поверить, что по световому транспаранту на небе заполнятся жизненные письмена на земле. О, я не постыдился бы тошнотворной нуди покаяния; как блудный сын вернулся-б в отчий дом и просил о приеме в партию. Верую, верую, господи! Помоги моему неверию! Ведь я полон интеллигентских сомнений, колебаний, раздумий» [3]).

Лежнев не подает заявления о приеме в партию. Вопрос этот настолько ясен, что для обоснования позиции редактора «Новой России» вовсе не требовались самоуничижительные причитания с «достоевщинкой». Однако, интересно проследить, куда растут «раздумья» г. Лежнева.

«Нет сомнения, что плановое хозяйство выше, совершенней анархического» [4]),—твердо заявляет он, и, в последующих строчках, под видом ратоборства за улучшение плана, проводит мысль о его ненужности. Выдергивая из контекста различные места партийных резолюций, записок Госплана и т. п., Лежнев задается вопросом: «...не стоит ли слишком много рублей, слишком усердное планирование?» Это, конечно, позволительное сомнение. Но Лежнев не скрывает и мнения. «То, что социалистическое хозяйство по иерархии прогресса является высшей формой по сравнению с капиталистическим, бесспорно. Но это формальное суждение не должно затмевать реальных оценок. Ибо живая собака дороже мертвого льва» [5]).

Расписавшись в уважении к социализму, Лежнев старается похоронить и план и ростки социалистического хозяйства.

Недовольна «Новая Россия» и крестьянской политикой партии. «...Как знать,—спрашивает автор передовицы (по стилю тот же Лежнев),—какой критерий будет положен городом в основу определения понятия «кулак»—и начинает ратовать за уничтожение деления крестьян на середняков, бедняков и кулаков. В конце, конечно, оговорка,—он, автор передовицы, не стоит за мироедов...—Нужна лишь ясность. Очевидно, с

[1]) «Н. Р.» № 1, ст. «Четырнадцатый с'езд», стр. 7.
[2]) «Н. Р.» № 2, стр. 38.
[3]) Там же, стр. 19
[4]) Там же, стр. 17.
[5]) Там же.

целью добиться «ясности», «Новая Россия» извращает решения XIV с'езда, истолковывая с'ездовские резолюции в сменовеховском духе и квалифицируя идеологию партии, как «иллюзии». Но,—это в сторону. Продолжим наши поиски «ясности», как ее понимает редактор «Новой России».

К чему приходит он в результате признания совершенности социалистического хозяйства и одновременных возражений против плана, против коммунистической идеологии вообще.

«Не будем увлекаться формулой: «капиталист—тунеядец»; она имеет демагогический привкус. Не всегда же он был только тунеядцем; часто бывал он организатором производства—и совсем недурным» [1]),—так пишет г. Лежнев.

Ну, как тут не согласиться с Прутковым,—ведь и в самом деле «пояснительные выражения об'ясняют темные мысли». Лежнев в конце концов протащил защиту капитализма. Вот, куда «выросла» пресловутая ясность. Как ни старается г. Лежнев соблюсти необходимые «конвенансы», его «биологическая плоть» стремится к апологии капиталистических путей развития. Если кто-либо пожелает справиться, как обстоит дело с капитализмом на Западе,—у «Новой России» готов ответ. На Западе, вещает Адольф Рифлинг... «сейчас устанавливается классовый мир, как нечто постоянное, как нечто незыблемое»... Происходит «колоссальный эксперимент», цель которого «создать новую структуру, неклассовую,—но в то же время сохранить экономическую базу, на которой зиждется современное классовое общество» [2]). Не совсем политграмотно, но... бумага вытерпит, а идеология сменовеховства требует капитализма под вуалью. Движение профсоюзного меньшинства в Англии, грандиозная кампания по вопросу о княжеских возмещениях в Германии, экономический и социальный кризис во Франции—все это, конечно, не существует для берлинского сотрудника «Новой России», утверждающего «стабилизацию классового мира».

«Новая Россия» ориентируется на определенную социальную группу. Редакция и авторы статей часто говорят «от имени» «служилой интеллигенции», «советских беспартийных людей». Пожалуй это несправедливо по отношению ко многим беспартийным интеллигентам, не за страх, а за совесть работающим с советской властью и партией. Говорите только за себя, господа из «Новой России»!

Верно лишь то, что журнал пытается отразить настроения отсталой части этой социальной прослойки, точнее—настроения обывательщины. В этом смысле журнальный материал выдержан вплоть до... списка новых книг, поступивших в редакцию для отзыва.

«Лойяльная» критика—не недостатков механизма, а самого механизма—та критика, о которой можно сказать, что она чернит не с пользою, а с удовольствием. Высокомерный или иронически уничижительный скептицизм. Линия, политический смысл которой мы уже видели. «Мы гребем в одну сторону,—развязно заявляет Лежнев,—а куда приплывем—это уж будет там видно» [3]). К чему такие заверения? Нам не по пути с Лежневыми и Устряловыми. Они гребут к пристани капитализма, мы—к социализму.

«Новая Россия» стремится взять на буксир беспартийную интеллигенцию. Эту попытку надо разоблачать в печати и противодействовать ей на практике, вовлекая широкие слои «служилого» люда в общественную работу и развивая среди них коммунистическую пропаганду. «Разница оценок не мешает общности работы»,—говорит Лежнев. Неверно. Советской интеллигенции надо раз'яснять правильность нашей оценки и неверность, капиталистические устремления «оценок» Лежнева-Устрялова. Только тогда работа этой интеллигенции пойдет по социалистическому руслу.

[1]) «Н. Р.» № 2, стр. 18.
[2]) «Н. Р.» № 1, стр. 72—73.
[3]) «Н. Р.» № 2, стр. 23.

Задача борьбы со сменовеховскими идеями и настроениями, с философией беспартийности и обывательщины—не бесплодная задача. Что дело обстоит именно так, показывает пример проф. Александрова, отмеченный в прошлом номере «Большевика». Проф. Александров, сам бывший сменовеховец, заявляет, что «нет выбора в сторону сменовеховства».

Даже Устрялов, побывав в Москве, должен был несколько пораздумать о своей «философии». «Быть может, сокрушенно признается он... мне следует внести кое-какие дополнения к моим привычным тезисам. Вернее, нужно будет усилить некоторые акценты, уловить и отразить в публицистике некоторые оттенки, мною доселе оставлявшиеся в тени. Перемена все-таки очень глубока—более глубока, чем это казалось сначала, чем это подчас, кажется издали» [1]).

Конечно, эти слова передают лишь настроение харбинского профессора. Устрялов верен самому себе. Он продолжает считать русских рабочих «завороженными» посланцами «некоего высшего рока», он презрительно-покровительственно замечает, что пролетарии «очеловечиваются». Но, настроение профессора, во всяком случае, показательно.

Мы заканчиваем заметку о «Новой России». Перед нами—рецидив сменовеховской идеологии. Смешно было бы впадать по такому поводу в панику, как это случилось с т.т. из бывшей оппозиции при появлении книги Устрялова.

Как бы ни старались интеллигентные мешочники из «Новой России», им не удастся заставить нас свернуть с путей социалистического развития. А господ Лежневых и Устряловых надо разоблачать, вытряхая из-под груды словесной рухляди спрятанную там апологетику капиталистического строя.

Я. Рубинштейн.

ОТТО ЛЕЙХТЕР.—Хозяйственный учет в социалистическом обществе. Перевод с немецкого, под редакцией Ф. Капелюша, с предисловием С. Струмилина. Изд-во «Эконом. Жизнь». Москва, 1926 г., стр. 91, ц. 80 коп.

Стоит ли особо подчеркивать то значение, которое получает у нас каждая выходящая работа о социализме, об экономике социализма в особенности. Социализм для нас является не только и не столько теоретической проблемой, он встал перед нами во всей своей широте и сложности, как практическая задача, задача непосредственного социалистического строительства. Отсюда, конечно, нельзя сделать вывод, что вопрос теоретического осмысливания экономики социализма отошел на задний план, но у нас теория непосредственно связывается с практикой, и в этой связи обе они, и теория, и практика социализма получают особенное значение. И поэтому, с особенным исключительным вниманием должны мы отнестись к выходящей в свет литературе по экономике социализма.

Рецензируемая книжка «Хозяйственный учет в социалистическом обществе» принадлежит перу «австро-марксиста», социал-демократа д-ра

[1]) «Н. Р.» № 2, стр. 33.

Отто Лейхтера. Как известно, «австро-марксизм» представляет своеобразное явление в международном рабочем движении, настоящее извращение марксизма—тут «австрийский марксизм» приемлет и кантианство, и махизм, и гильдейский социализм и пр. Как не вспомнить «австрийскую теорию национального вопроса О. Бауэра и К⁰. Отто Лейхтер—явный сторонник гильдейского социализма, и его социалистическое общество строится на гильдиях. Гильдейский социалист, идеалист, не диалектик, человек приемлющий экономическую теорию Маркса (ниже мы увидим как приемлется она) и только—Отто Лейхтер рекомендуется С. Струмилиным «в качестве образованного марксиста» (предисл. с. 1). Нам кажется, что т. С. Струмилин отнесся к О. Лейхтеру чрезвычайно «снисходительно». Назовете ли вы А. А. Богданова—определенного врага материализма и диалектики, эмпириомониста и «тектолога», «принимающего» только экономическую и историческую теорию Маркса (и как!) за марксиста? Нужно быть менее щедрым к дарованию титулов марксиста, так как это просто вредно, это значит обманывать читателей.

Автор не ставит своей задачей анализировать в деталях проблему хозяйственного учета в социалистическом обществе. Он старается доказать возможность такого учета. Лейхтер внимательно прослеживает характер хозучета при капитализме, все его отличительные черты. Капиталистический способ учета и ведения книг, по мнению Лейхтера, затемняет сущность хозяйственного учета. Капиталистический учет, исключительно интересуется выяснением размера чистого дохода, прибыли. Капиталистическая погоня за наживой затемняет цель учета в хозяйстве. Капиталистическая система хозяйства целиком извратила учет, его функции, его методы. «Вопрос, возможен ли в социалистическом обществе хозяйственный учет, является одним из существеннейших вопросов социализма вообще» (11). Необходимость этого учета в будущем обществе автор доказывает тем, что и там имеется понятие издержек, удовлетворение потребностей связано с предварительным употреблением рабочей силы и расходованием вещественных основ производства, следовательно, и социалистическое общество будет заинтересовано в том, чтобы труд был достаточно успешным и покрывал издержки. Эта необходимость подтверждается еще тем, что закон издержек, конечно, побуждает к самой высокой рациональности в хозяйстве, т.-е. к достижению наилучших результатов при возможно низких расходах.

Но заниматься проблемой учета в социалистическом обществе, не освещая экономику социализма в целом, нельзя. Лейхтер поэтому берется осветить теоретически социально-экономическую природу социализма, и эта часть его работы почти поглощает всю тему книжки. И тут наш «марксист» наделал такую массу ошибок, внес такую путаницу, проявил такое непонимание азов марксизма, что только диву даешься.

«Мы—говорит Лейхтер,—по возможности, избегали касаться споров вокруг теории ценности, ибо—вопрос об основных теоретических понятиях социалистического хозяйства пока еще очень темен» (91). Нам кажется, что марксова экономическая теория дает достаточный, исчерпывающий ответ на экономические проблемы социализма. Для познания экономики социализма необходимо владеть материалистической диалектикой, знать Маркса, его теорию стоимости в частности. Кто отвечает на эти требования, для того экономика социализма в теоретической постановке ничего темного не представляет. Лейхтер этих «качеств» не имеет и действительно, судя по его книжке, теория стоимости для него очень темна.

Свой «анализ» Лейхтер начинает с рынка. «Рыночная конкуренция,—говорит он,—вот тот большой знак вопроса, который возникает для

социалистического хозяйства» (17). Формально отрицая необходимость при социализме рынка и рыночной конкуренции, автор в конце концов приходит к заключению, что все-таки товарный обмен существует, хотя и т. д...

Лейхтеровский «социализм» не отказался и от цены. Цена, как экономическая категория при социализме существует, «готовый, пригодный для потребления продукт получает штемпель с ценой» (61), хотя экономический центр при социализме и может влиять «на политику цен и вообще возможность административно-хозяйственного воздействия на образование цен» (59) не отрицается. Лейхтер констатирует еще и монопольную цену. При этом он делает странное, безответственное—сказали бы мы—утверждение: «поднятый теоретиками суб'ективной ценности вопрос, в состоянии ли марксистская теория ценности вообще об'яснить монопольную цену» «до сих пор не нашел себе надлежащего места в учении о трудовой ценности» (23). Это называется интерпретация Маркса! Марксова экономическая теория целиком об'яснила проблему монопольного ценообразования и подобное утверждение есть не что иное, как отступление перед самыми ярыми противниками «Капитала» австрийскими суб'ективистами, идеологами рантье. Такое утверждение может быть сделано разве только «австро-марксистом».

«Не следует считать, что социалистическое хозяйство не может обойтись без капиталистических денег»... (40),—заявляет наш автор, но, будучи ярым сторонником т. н. «рабочих денег», он же пишет—они (деньги) «сохраняют... функции капиталистических денег, как, например, функцию средства учета и подведения всех благ к общему знаменателю» (46). В другом месте Лейхтер говорит о мериле стоимости, как функции денег при социализме. И когда дальше он оперирует категориями прибыли, сверх-прибыли, ренты и т. п., то Лейхтер тут только логичен и последователен. Кто сказал *а*, тот должен сказать и *б*. И признав стоимость, он, подчиняясь законам логики, должен признать и все прочие, логически вытекающие из закона стоимости экономические категории: цену, прибыль, ренту, зарплату и др., которые действительно находят приют в его, с позволения сказать, социалистическом обществе. Рассуждения нашего доктора на эту тему носят довольно противоречивый характер, и трудно сказать, какое положение у него решающее. Вот что он говорит: определенные отрасли производства «получат так называемую сверх-прибыль или дифференциальную ренту. Это, конечно, возможно также в социалистическом строе, в особенности в сельском хозяйстве и во всех отраслях, в которых играют особо важную роль естественные условия, так называемые, «дары природы» (87). Как будто бы сказано достаточно ясно. Говоря о характере зарплаты, Лейхтер пишет: «Руководитель социалистической фабрики тоже будет знать средний уровень заработной платы и в соответствии с этим будет определять индивидуальную плату в рамках общих принципов, которые гораздо легче будет зафиксировать, чем при капитализме... В сущности тот же процесс, что в капиталистическом хозяйстве» (57, курсив наш. *Д. Н.*). Что значит признание всех этих категорий в социалистическом обществе? Признание стоимости—есть признание товарных производственных отношений—в социалистическом обществе, стихийно регулируемых законом стоимости; признание цены—капиталистические отношения; признания зарплаты—наличие рабочей силы, как товара, нанимателя-покупателя ее—капиталиста, т.-е. классовые отношения; признание прибыли предполагает эксплоатацию рабочего класса, прибавочную стоимость; признание ренты предполагает капиталистическое сельское хозяйство, частную собственность на землю, помещиков и т. д., и т. п.

Это капитализм или социализм? И какая же тогда между ними разница? По существу это капитализм особого рода, sui generis, гильдейско-социалистического характера. Как видно, марксова методология, исторически преходящий характер капитализма, историческая природа экономических категорий, разбираемых в «Капитале»—остались книгой за семью печатями для О. Лейхтера. Как же он представляет себе самый переход к социализму? О социалистической революции, о «скачкообразном» переходе от капитализма к социализму, о методе «насилия» не может быть даже речи. Общая позиция гильдейского социализма на проблему революции и эволюции может быть характеризована следующими словами известного теоретика гильдейского социализма Стирлинга: «Мы не желаем никакой революции, никакого хаоса»... «главнейшим результатом революции всегда было то, что авантюристы становились у власти, а народ падал еще ниже»... «революция приносит счастье только авантюристам, каждое мирное преобразование мешает им добиться своих личных выгод...» (Стирлинг Тейлор, «Гильдейская политика», стр. 126, 64, 65; цит. по С. Моносову. «Гильд. Соц.» в «П. З. М.», № 8—9).

Лейхтер сразу мирно «врастает» в социализм, для него не существует переходного периода по пути от капитализма к социализму. Его конем, на котором он в'езжает в царство социализма, является капиталистический картель. Он говорит даже о возможности некоторого реального осуществления всеобщего генерального картеля. «Такой генеральный картель практически никогда не может быть осуществим. Но он может служить основой для исследования вопроса о хозяйственном учете в социалистическом обществе, так как генеральный картель может превратиться в социалистический строй путем одной замены его верхушки» (48. Курсив наш. *Д. Н.*). Оказывается заменить капитализм социализмом можно безо всякой классовой борьбы, революции и безо всякого кровопролития, надо только постараться всячески помочь картелям дойти до генерального картеля и в один прекрасный день попросить верхушку этого картеля отказаться от своего главенства и социализм готов. Разве это нехороший способ? Разве эти мысли не родственны мыслям Р. Гильфердинга и К° из немецкого социал-демократического журнала «Gesellschaft»? Этого недостаточно. Лейхтер ставит знак равенства между социалистическим строем и картелем (см. стр. 48). «Образ генерального картеля с его единой централизованной волей, единым центральным управлением и учетом прекрасно подходит для непосредственной предварительной ступени к социалистическому учету» (53). Лейхтер оставляет также государство. Он, как и все прочие гильдейские социалисты, не понимает классовую природу государства. Без последнего они не понимают, не представляют социалистическое общество. Он оставляет также своих коллег по общественному положению—государственных, фабричных и пр... чиновников. Расходы на них, эти издержки входят целиком в цену (!) товара (!).

Лейхтер отбрасывает стихию, свойственную товарно-капиталистическому обществу и устанавливает плановое хозяйство в будущем обществе. Но «наш хозяйственный план (при социализме. *Д. Н.*),—пишет наш автор,—по форме будет примыкать к капиталистическому балансу» (60). «В балансе генерального картеля (в единой социалистической фабрике это не что иное, как хозяйственный план)» и т. д. (51).

Для руководства хозяйственной жизнью социалистического общества Лейхтер учреждает... «экономический парламент» (85)!! Какая любовь, какая привязанность к буржуазному парламентаризму у социал-демократа! Социал-демократ не мыслит и социализм без парламента!

Разве это нехороший социализм с партиями, фракциями, выборами, парламентом и пр.? Не обошлось и без государственного банка в социалистическом обществе (89), без «банковской политики» (90), без денежной инфляции (90) и т. д. Характерно у Лейхтера в вопросе о парламенте то, что самые крупные представители гильдейского социализма: Коль, Гобсон, Меллор, Пенти, Реккирт, Бэчхофер, Стирлинг решительно осуждали парламентаризм, если хотите, в этом отрицательном отношении к парламентаризму заключается известная заслуга гильдейского социализма. Лейхтер тут идет намного правее даже правых «гильдейцев».

«Социалистическое хозяйство будет по существу принадлежать к типу гильдейского социализма. Весь производственный процесс будет организован по производственным союзам, гильдиям» (51—52). «...В основе нашего метода хозяйственного учета лежит тип гильдейско-социалистической организации хозяйства, в которой, однако, органы целого имеют больше влияния на гильдии и отдельные фабрики» (52). Основной единицей, ячейкой в утопическом социалистическом обществе у них является мастерская. «В нашем исследовании об учете в социалистическом обществе мы исходим из гильдейской организации, потому что видим в ней исторический синтез между антитезами централизма и в сильной степени зараженной синдикализмом федералистской, гильдейской программы. Впрочем, мы предполагаем за конгрессом гильдий и назначенным им управлением больше прав, чем это делают английские гильдейские социалисты, как Коль и др.» (51). Тут же следует ссылка на столпа «австро-марксизма» О. Бауэра.

«Главнейшее условие,—продолжает Лейхтер,—при построении социалистического хозяйства—это возможность дальнейшего совершенствования производства и сохранения инициативы в отдельном предприятии. Великая историческая заслуга (!!) гильдейского социализма—это то, что он создает эту возможность сопоставления результатов отдельных предприятий и сохранения известной разумной самостоятельности их; в об'единении однородных производств в гильдии он создает даже предпосылки для более целесообразного контроля» (30).

Напрасно наш доктор старается приписать «великую историческую заслугу» гильдиям. Само развитие производительных сил, прогресс техники, концентрация и обобществление производства без гильдии всецело обеспечивают эту «возможность дальнейшего совершенствования производства и т. д.». Переход к социализму имеет свою закономерность, исторические процессы совершаются не по желанию, не набрасыванием утопических планов и проектов, как это делают гильдейцы. Нужно, пользуясь историческо-материалистическим методом, познать законы, самый механизм перехода к социализму и не только познать эту историю, но и самому делать ее. Гильдейский социализм есть разновидность, новейшее издание утопического социализма. Он в основу своего миросозерцания кладет средневековую гильдию, подбавив к ней немного воды из колодца XX века. Он представляет консервативную силу, затемняющую классовое самосознание рабочего класса. Недаром его противопоставляют большевизму, в чем особенно отличился Виктор Чернов. К несчастью Лейхтера гильдейский социализм доживает последние дни своего существования.

Мы подошли к самому характерному месту книжки. Мы целиком согласны с Лейхтером, что «для всей проблемы учета в социалистическом обществе было бы чрезвычайно важно иметь уже практический опыт с той или другой системой учета» (73). Автор ищет по белому свету и не находит ни одного «островка» социализма. В Венгрии были «попытки полной социализации»... «длившиеся еле девятнадцать дней, конечно, слишком коротки, чтобы на основании их можно было сделать какие-

либо выводы. Остается, таким образом, лишь опыт Советской России» (73). Но и там все время существовали деньги, тем более в «последнее время там вернулись к средствам капиталистической банковой и денежной политики, так что и здесь не имеется достаточного опыта» (73. Курсив наш. *Д. Н.*). Как видно, автор абсолютно не понял социальную природу нашей экономики, сущность нэпа. Чтобы понять нашу экономику ему нужно было бы перестать быть соц.-демократом, филистером и кое-что смыслить в марксизме. Все же Лейхтер следил за дискуссией в нашей газете «Экономическая Жизнь» по вопросу о методах учета в социалистическом обществе и в рецензируемой книжке более или менее подробно разбирает точки зрения в этой дискуссии Чаянова, Струмилина и Е. Варги. Соглашаясь с отдельными положениями их, он все-таки занимается им под критическим углом зрения. В начале книжки автор подвергает более или менее обстоятельной критике буржуазных экономистов, Макса Вебера и Л. Мизеса, возражавших против самой возможности учета в социалистическом обществе и социализма вообще. Тут он сравнительно силен. Вообще книжка построена на шатком фундаменте, его «учет» очень бледно развит, путаницы, ошибок, противоречий можно в ней найти сколько угодно. Сколько бы он ни утверждал, что его «доказательства построены на идеологии марксизма» (90), между ним и последней—дистанция громадного размера. В книжке есть и такие грубейшие ошибки, как, например, утверждение того, что «трудящиеся», т.-е. сами рабочие, несут на капиталистический рынок продукты своего труда, забыв, что особенность-то капитализма заключается в том, что рабочий владеет единственным товаром—рабочей силой, а продукт труда достается капиталисту (см. 34 стр.). Эту ошибку в таком элементарном вопросе не сделает наш рядовой рабфаковец.

Не знаем, оставляет ли «для учета» в социалистическом обществе Лейхтер вслед за другими теоретиками гильдейского социализма—армию, церковь, флот и т. п.? Очевидно, что такой утопизм, консерватизм, нереволюционность и пр., которые заключены у гильдейцев, найдут должный отпор и в практике рабочего движения. Но как ярко, прекрасно характеризует весь II Интернационал этот гильдейский социализм, нашедший внутри его, II Интернационала, теплое местечко, весь тот идейный разброд, полнейший отход от рельсов революционного марксизма—хотя бы устами автора рецензируемой книжки «австро-марксиста» Отто Лейхтера.

Дж. Нагиев.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. Л. Каменев. А. Слепков. Е. Ярославский.